



Виктор Коротаев

*Прекрасно
однажды в России
родиться*

Стихотворения разных лет

k-1397605

НП «Русский культурный центр»

Вологда
2009

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

Главный редактор и составитель

Александр Коротаев

сердечно благодарит

**Правительство Вологодской области
Департамент культуры Вологодской области**

и лично

**Губернатора Вологодской области
Вячеслава Позгалева,**

**Вице-губернатора Вологодской области
Николая Костыгова**

**за финансовую поддержку и методическую помощь, оказанную издателям
при работе над выходом в свет юбилейного сборника стихотворений
въдающегося русского поэта, певца земли Вологодской -**

Виктора Вениаминовича Коротаева

**Издательство выражает особую благодарность за материальную поддержку
и понимание следующим компаниям:**

Открытое акционерное общество «ПРОМСВЯЗЬБАНК»

Общество с ограниченной ответственностью «МАКСИ»

Общество с ограниченной ответственностью ПФ «ПОЛИГРАФИСТ»

Общество с ограниченной ответственностью «Рекламно-производственная компания «БЭСТ»

«СВЕТЛО ПОБРАТАТЬСЯ СО ВСЕМИ...»

На северной Вологодской земле я бывал чаще, нежели на любой другой земле России, разве что кроме родной Калужской.

А приезжала туда не только в Вологду, но и в родные пенаты русских поэтов — в клюевскую Вытегру, к Алексею Ганину на широкое поле, где когда-то стояла его деревня Коншино, в рубцовскую Николу, к Яшину на Бобришный угор, в Белозерск к Сергею Орлову и Сергею Викулову, к Белову в ныне знаменитую Тимониху..

Ну, конечно, и в рубцовской Тотьме пришлось побывать и посетить у Бориса Шустрова в Великом Устюге, и всегда рядом со мною был Виктор Коротаев. И в Вологде, и в своём деревенском доме на Шексне, и в Феропонтове, и в Кирилло-Белозерском монастыре. Разве что до пустыни Нила Сорского не добрались.

Эпоха прошла, жизнь прошла, остались музеи, книги, памятники, кладбищенские стелы с барельефами, воспоминания, письма, фотографии, книги с дарственными надписями: «Дорогому Станиславу Куняеву с добром и благодарностью, что судьба подарила мне такого друга. Сердечно. В. Коротаев 12.X.84 г.». Это в те дни, когда судьба занесла нас в Великий Устюг. Мы стоим живой стенной, положив друг другу руки на плечи.

А вот и фотографии тех дней: с местными ребятами. Виктор улыбается или даже хохочет, молодой, коренастый, белозубый, с курчавой шапкой волос.

А на снимках этих мы с Коротаевым и Кожиновым в Тотьме, а 1987 году, когда открывали на берегу Сухоны памятник Николаю Рубцову. Рядом — Вера Коротаева, Анатолий Передреев и наш любимый певец, исполнитель русских романсов и народных песен Николай Тюрин. Виктор в сапогах, в плаще, в шляпе, из-под которой всё равно вылезают чёрные слегка вьющиеся кудри — и борода, жёсткая с проседью.

А вот и Бобришный угор, на берегу лесной реки Юг, яшинская могила, что лежит всего лишь в сотне километров от более северного села Пышуг, где прошло в эвакуации моё сиротское детство. Много с той поры утекло воды и в Сухоне, и в Юге, и в Пышуге. Вот и тебе, друг мой Виктор, исполнилось 70 лет. Помнишь, как ты подарил мне в Великом Устюге книжку с названием «Единство» с надписью: «Станиславу Куняеву, «необоримому и прекрасному». Польстил ты мне по-дружески, а сам именно таким и был - «необоримым и прекрасным». Ты как верный друг помогал мне в дни отчаяния, когда руки опускались при виде всего, что вершилось на родине, когда хотелось «забыться и заснуть».

Вот страничка письма, которое я получил от него в трудную минуту жизни.

«Дорогой Стасик! Большое спасибо тебе за «Свитою». Прочитал единим духом и ещё раз убедился, что отпущенено тебе много, и пользуешься ты этим крупно и смело. Думаю, что рост твой не закончился, и это слава Богу: значит, жив, молод, дерзок. Ей-ей, хорошо и едино по миросозерцанию, по характеру, по «строчечной сути». Прости мне эти, может быть, чрезмерно самоуверенные сентенции, но мне захотелось сказать тебе добрые слова, и я не стал их в себе сдерживать. Всяческих тебе благ, вдохновения, силы, неиссякаемости. Обнимаю. В. Коротаев». 12.III.77. Вологда.

Письмо из тех, которые, по словам Блока, помогают жить. И я процитировал его полностью не для того, чтобы показать, какой «я есть», а для того чтобы мы вспомнили, каким был он: верным, отзывчивым, душевным другом. Сколько было ещё таких взаимных писем, дарственных надписей на книгах, фотографий, сколько их где-то потерянных по легкомыслию, утраченных и исчезнувших из жизни. Не берегли мы эти свидетельства, думали, что будем жить вечно...

Поэзия — общее дитя природы, земли и души человеческой. Недаром когда-то Фёдор Михайлович Достоевский страстно вошёл сам себя: «Неужели же в самом деле есть какое-то химическое соединение человеческого духа с родной землёй, что оторваться от неё ни за что нельзя, и хоть и оторвёшься, так всё-таки назад свалишься...»



Александр Рощков с любимой гармошкой (в центре).
Ноксеница, 1986 г.





И.Астфьева, Н.Рубцов, М.Астфьева, В.Коротаев, В.Астфьев. 1960-е гг.



А.Соминов, В.Коротаев, Н.Рубцов, С.Чухин.
Интервью после выступления. 1970-е.

Счастье Виктора Коротаева в том, что ему не нужно было напрягать память и утруждать душу в поисках родины — он жил на ней всю свою жизнь. Все его книги вместили громадное количество жизни не просто во времени, но и по напряжению в поисках правды — личной и общей, по размаху чувства, по накалу мыслей. Через край в каждой из его книг переливаются прозрения и заблуждения поэта, его жизнелюбие и его раскаяние, его спор с миром и с самим собой. Но в сердцевине главных сомнений и страстей «одна, но пламенная страсть» — Родина.



Ю.Шлегель, первая женщина в группе С.Чухин, О.Коротаева, В.Коротаев. 1970-е г.г.



В.Елесин, С.Чухин, Р.Смирнов, В.Белов, О.Коротаев, В.Коротаев, Т.Горбовский, В.Оботуров, А.Грязев, Е.Евстиценко, В.Устинов. 1970-е г.г.

Привет вам, дедовы места!
Просёлок, выгон, лесосека...
Но родина уже не та,
Коль нет родного человека.

200 лет в Кадниково,
1780-1980 гг. — шлагбаум-7-8

Уже по этой строфе видно, насколько поэзия Коротаева «от мира сего», сколько в ней конкретного, живого, злободневного, лирического. Его стихи густо заселены не символами, не тенями, не метафорами, а определёнными судьбами и ликами, среди которых мать, жена, сын, земляки, друзья, недруги, и, конечно же, все эти судьбы как бы растворены в голосе автора и объединены им.

Главный герой книги — он сам воплощение совести и боли за всё, что дорого ему: за любовь, за землю, за ребёнка, за русское слово. Посмотрите, как по-некрасовски переживает он за сегодняшнюю женщину, которая, подоив корову, накормила вначале всех домашних — хозяина, сына, кошку, собаку — и лишь потом



В.Оботуров, В.Распутин, В.Солоухин, В.Коротаев. 1980-е г.г.

Прошлась со вздохом по избе,
К столу присела,
Улыбнулась:
— Ну, вроде, можно
И себе.

Мало у кого из современных поэтов найдешь столько человеческого чувства к одинокой вдове, доживающей свой век на Волгодчине в бедной избе, со стен которой на неё смотрят лица мужа, брата, сына, не пришедших с войны.

Все шатанья села
Ты осилить сумела,
С плачем превозмогла,
С хрипом преодолела.
Что ж склонилась в пути
Над осенней травою
Ты с повинной почти
Золотой головою?

Настолько был связан Коротаев не с какой-то мистической, внеисторической жизнью, а с нынешней, на глазах творящейся, что мог с таким же цельным чувством написать о неурожае, как о бедствии народном, и циника умел заклеймить страстным словом, а когда душа разбередится, то и самого себя не жалел — что делать, коль попался под горячую руку! В такие часы по-человечески естественно и закономерно мучался поэт, желая развязать или разрубить все жизненные узлы, разрешить все вопросы — не завтра, не послезавтра, а сегодня, сейчас же, сию минуту, врукопашную жаждал добиться он взаимной любви, к полному пониманию нами друг друга, однако не всегда это удавалось ему. Но столько в натуре поэта природной цельности, настолько он, как я уже говорил, был «от мира сего», что всегда его душа находила спасение в надежде, которая — что бы ни случилось! — самозарождаясь в глубинах народных характеров, никогда не покидает русского человека.

И сердце прощается с летом.
Но странно — оно не скорбит,
А только на холоде этом
Лишь ярче и жарче горит.
Ему словно самое время,
Вступая на новую пядь.
Светло побрататься со всеми
И новую жизнь начинать!



В.Кузнецов, В.Коротаев, Н.Старшинов в Вологде. 1980-е г.г.

Родная природа для Коротаева не просто «ареал обитания», но и труд на ней и в её лоне, а значит, и истоки трудовой совести, с высоты которой можно судить людей и времени. Вот так до любых — самых широких! — обобщений можно дойти, идя от ощущения природы и малой родины, потому что лишь здесь, на «белоствольном просторе» и на «перекатистой поскотине», человеку

дано почувствовать душою,
как эта маленькая родина
соединяется с Большою.

Его поэзия богата болью и тревогой за землю — свою, отчую, и за всю планету.

Его поэзия — всю жизнь длившаяся попытка понять русскую народную натуру, тайну её живучести, попытка поглядеть на неё трезво, а порой и беспощадно, но для того, чтобы окончательно уверовать в её будущее.

Читаешь стихи Коротаева и невольно начинаешь думать о своей жизни, воспоминания сливаются с мыслями и прозрениями поэта, «стыкуются» с его душой, чтобы какое-то время жить одной жизнью. Тайна поэзии — в сопреживании. В лучших стихах своих Коротаев легко достигает этого сопреживания с читателями. Вот почему на все вопросы, которые поэт задаёт самому себе, должен отвечать и читатель: здесь он не найдёт готовых рецептов для жизни и пресного мякиша разжёванных нравоучений — он будет должен выстрадать истину вместе с поэтом, вернее, они оба должны её выстрадать, помогая друг другу.

Но, коряя над задачами века,
От бессонниц сгорая давно,
Я жалею того человека,
У которого всё решено.

В стихах Коротаева нет готовых решений, но зато в них много непосредственности, страсти, поисков самого себя, или — когда он отказывается от драгоценных находок — жесткого самоосуждения, столь необходимого каждому творцу. И есть у него ещё одна спасительная «крыша», под которой можно укрыться от многих неразрешимых и тупиковых путей судьбы, — способность подшучивать над самим собой, над всеми своими «загибами и закидонами», способность к самоиронии — не к той «превокаторской иронии Гейне» (по словам Блока), а к добной и человеческой самоиронии, всегда живущей народном самоощущении. Вот как, например, поэт переживает любовную неудачу:



В.Кузнецов, В.Коротаев, Н.Старшинов

И пойду по берегу неспешно,
Малость подрасстроенный, конечно,—
Размышляя вслух и в пустоту:
Как сильны мы в армии и флоте,
Яростны в сраженье и работе
И почти беспомощны в быту.

Но все неурядицы быта, все мелочи жизни отодвигаются в сторону, когда поэт ощущает себя частицей громадной страны, необозримой народной жизни, частицей всего, что поддерживает его на главном пути борьбы и поисков и что будет с ним пребывать до последнего вздоха. Вот его окончательный ответ циникам, дельцам, ловкачам всех мастей, исповедующим принцип «где хорошо, там и родина».

А упругую свежесть сада,
Шелест раннего листопада,
Несмирившийся огнь заката,
Ивы тихой седую прядь,
Потемневшие за ночь воды,
Обнесённые синью своды —
Чувство родины и свободы —
Это вы не вольны отнять.

В подобных строчках и мыслях — лучшая, самая высокая и самая чистая часть души поэта...

Посмертная книга стихотворений Виктора Коротаева, первые стихи которого стали появляться более сорока лет назад в российских изданиях, — венец его земного пути.

Когда-то, будучи юным, он вдруг, словно заглянув на миг за занавес тьмы, окутывающей просторы грядущего, произнёс печальные и, увы, пророческие слова:

Я не заживусь на этом свете.
Не случайно кажется: вот-вот
И меня, рванув, осенний ветер
Заодно с листвой унесёт...



В.Белов, В.Корбаков, В.Дементьев, В.Коротаев, Н.Бурмагин. 1969 г.



В.Коротаев, Г.Горбовский, А.Грязев



В.Коротаев, В.Белов в гостях у директора издательства «Молодая гвардия» В.Н.Ганичева. 1974г.



В гостях у Валерия Гаврилина. 1970-е г.г.

В мае 1997 года всего за три дня до своей неожиданной смерти он заехал ко мне в редакцию журнала «Наш современник» с двухтомником Рубцова, который был им издан в Вологде. Мы выпили, конечно, посмеялись, порадовались друг другу, словом «повеселились с грустными глазами». На прощанье обнялись, и он поехал в свой последний путь в родимую Вологду, где и сбылось его пророчество: «я не заживусь на этом свете».

«Рвануло» сердце поэта, не выдержавшее страшного, непомерного груза гнева и боли за поруганное Отечество, за растоптанные идеалы, за унижение и растление народа. Погиб поэт, не дожив даже до шестидесяти. Ещё одна из бесчисленных жертв демократического «секвестра», по законам которого русские мужики умирают теперь в допенсионном возрасте.

В нём самом, в певучих стихах его было столько жизни и воли, столько природной цепкости, столько добра и света, что казалось: не сломить, не согнуть этого человека. Казалось...

Но, как бы самовозрождаясь из неиссякаемого источника веры в народ и труд, душа его будет жить в стихах. Жить, зажигая сердца потомков чистым пламенем этой высокой веры.

В книге нашей есть одно стихотворенье — и тоже пророческое! В нём сказано всё и о себе, и о судьбе Поэта.



Слева направо: Степаненко, В.Кручинин, Б.Укачин, И.Бодренков, Д.Балаш

САМОСОЖЕНЕЦ

...И жил он, и мыслил не просто,
Природный
Растрачивал пыль.
А прожил бы лет
Девяносто,
Когда б поумеренней
Жил.
Не ради бравады,
Тирады
В крутые впадал виражи,
А всё ради чести
И правды,
И всё против лести
И лжии.
Курил и терзался
Безбожно,
Срывался с режимов,
Диет,
И умер,
Как будто нарочно,
Во цвете,
Во празднике лет.
В сознательном словно запале
Сжигал свою душу, скорбя,
Чтоб следом идущие
Знали,
На что
Обрекают себя.

Я очень хочу, чтобы читатель взял эту книгу в руки и вместе с поэтом побродил по её большому пространству, ближняя граница которого начинается в плотных слоях материальной жизни народа на северной земле, а дальняя уходит к горизонту, чтобы затеряться, раствориться в дымке белых ночей, на грани земли и неба, где легко и вольно дышится человеку...

1397605

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

Станислав КУНЯЕВ

2008 г. Ноябрь



В.К.
Леб

с супругой А.А.Романовой на «Яшинских чтениях» на Никольщине

• • •

Прекрасно однажды в России родиться
Под утренний звон золотого овса!
Твое появление приветствуют птицы,
Сверкают, на солнце искрясь, небеса.
Пока, озабочены снами твоими,
Ромашки гадают о новой судьбе
И ветром достойное ищется имя —
Кукушка пророчит бессмертье тебе.
Еще и усы не подкручивал колос —
Уже для тебя начались чудеса:
Тебе ручеек предлагает свой голос,
А лен зацветающий дарит глаза.
Свой смех — колокольчик,
Роса — свои слезы,
Прическу — густая, волнистая рожь,
И статность тебе обещает береза:
Когда пожелаешь,
Тогда и возьмешь.
Спешит к тебе каждый
с особенным даром:
Бери, примеряй, запасайся, владей.
А плата... какая?
Рости благодарным
Да будь всюду верным
Природе своей.

• • •

За ржавою оградою
Разуты и раздеть,
Опять деревья
Падают,
Но бодрствуют
Поэты.
Звереет ветер
С полюса.
У птиц
Сплошные тризны.
Но не теряют
Голоса
Певцы
Родной Отчизны.
Уже прохвосты
Каются,
О пол
Затылком бьются.

Правительства
Меняются,
Поэты
Остаются!

ЧАША

С жизнью в жмурки не играю.
Сознаю теперь вполне:
Чашу,
 полную до края,
Предстоит испить
И мне.

Тяжела литая чаша,
Предначертанный сосуд.
Но такая доля наша —
Легче нам
Не подают.

Не откинешь, не отменишь,
Не отложишь наперед
И с друзьями не разделишь,
Потому как в ней не мед...

Что бранить судьбу-присуху,
Распалять напрасно прыть.
Набирайся лучше духу,
Чтоб кровей не посрамить.

Пусть потом невзвидишь солнца.
Не твоя на то вина,
Что испить ее придется
Одному.
И всю до дна.

• • •

Любой чиновник заменим,
Поэт —
Незаменим.
Особый блеск веселых зим
И лет
Стоит за ним.
Особый свет прямых берез,
Особый звон ручья,
И запах трав,
И легкость рос,
И — тяжесть бытия.
Всё наособицу
Всегда,
Во всём иной отсчет.
И даже
Пресная вода
Не пресною
Течет.
Вдруг оживет
Тлетворный дух
Под свежим ветерком,
И даже умерший лопух
Становится цветком.
Порой поверится почти
Мне, старому хрычу,
Что всю Вселенную спасти
Поэтам по плечу,
И потому, летя в зарю
И эту жизнь любя,
Я так свободно говорю,
Что я —
Не про себя...

• • •

Мы — не на уровне задачи,
Когда, пуская легкий дым,
В кругу
О Родине судачим:
Шумим!
Корим!
Боготворим!

Да, путь ее и многотруден,
И объясним не всякий раз..
Но Русь была,
И есть,
И будет
До нас,
При нас
И после нас.



1962

Михаил

ЭКЗАМЕН

«Северо-Западное книжное издательство».
Вологда.

снова и снова
чтоб забыть

• • •

Я будто воин в выкованном панцире,
И пусть опять
вечернею порой
Не меч стальной
я стискиваю пальцами,
А лишь обыкновенное перо —
Я знаю,
Что закаленное страстью
И мыслью заостренное стократ,
Поро,
Которое сжимает
Мастер, —
Булат.
И только от меня сейчас зависит,
И только я
решить сейчас могу:
Иль меч
картинно
в воздухе повиснет,
Или отрубит голову
Врагу.

ЭКЗАМЕН

РУСЬ

Я в прошлое гляжу нередко,
Стремясь вернее угадать
Тех бородатых наших предков,
Что жили в давние года:
Работой выпитые лица,
Глубокий и тяжелый взгляд,
И злые

острые ключицы
Из-под худых рубах

торчат.

«Эх, доля наша...
Чтоб те сгинуть!» —
А в голосе такая грусть!
Они пллюют

и горбят спины,
Ругая нищенскую Русь.
Но стоит только им прослышать,
Что вдруг с какой-то стороны
Сосед

с несметным войском

вышел

Поганя земли их страны,
Они,
Свои отринув беды,
Опять берут доспехов груз —
И бьют татар
И рубят шведов
За эту самую же Русь.
Им наша Русь
Из дальней дали
Светила сквозь столетий дым.
И коль они

за ту
стояли,
То мы
за эту
постоим!

• • •

Уж как-то так вот получилось,
 Что — коли мягко говорить —
 Судьба мне не явила милость
 Лазурным детством одарить.
 И я, хлебнувши жизни всякой,
 Мальцом умел соображать,
 Что надо громко-громко плакать,
 Когда отец колотит мать.
 Но лучше,
 Подбежав к кровати,
 К ней прямо броситься на грудь:
 Ведь пьяные большие дяди
 Бутылкой маленьких не бьют.
 ...Так все недавно это было,
 Не вспоминал бы,
 Если мог,
 Да только памяти постылой
 Не затолкаешь под замок.
 И стоит только оглянуться,
 Как сквозь табачный едкий чад
 С клеенки сброшенные блюдца
 Мне снова под ноги летят.
 Но я уже десятиклассник.
 Не то, чтоб хил или несмел.
 И этот ежедневный праздник
 До тошноты мне надоел.
 И говорю я зло и прямо
 (Пугает маму выкрик мой),
 Что ведь преступно
 Общность тряпок
 Так долго называть
 Семьей.
 ...Сегодня жизнь у нас иная.
 Теперь никто уж — целый год —
 В цветы окурков не кидает
 И ночью песен не поет.
 Но иногда
 По воскресеньям,
 Когда в соседское крыльцо
 Заходит в пальтеце осеннем
 Мальчишка за руку с отцом,
 Я,
 Книжку положив на скатерть,
 С мальчиком не спускаю глаз.
 А к горлу что-то вдруг подкатит,
 Что и проглотишь не зараз.

И вдруг захочется до муки,
Как этот карапуз смешной
Погреть застынувшую руку
В ладони теплой и большой.
А то приехать,
Вещи — на пол,
И, глянув в добрые глаза,
Сказать родное слово «Папа».
...И некому его сказать.

МАТЬ

Дни безжалостно мчатся.
 И чтобы
 От друзей молодых не отстать,
 Уезжает в Москву на учебу
 Моя умная
 Добрая мать.
 Ей уж сорок.
 И грусть морщинок
 Возле глаз
 тонко
 сеточку вьет.
 И на это
 Свои причины
 Невеселые у нее:
 Голодовки и лютая стужа,
 И бессонье военных тревог,
 Пьяный мат забулдыги мужа
 И ночные дебоши его.
 И — давно меня совесть гложет
 Может статься такое, ей-ей,
 Что слова мои грубые
 Тоже
 Обернулись в морщинки у ней.
 Но не любит она об этом
 И не стярит характер свой:
 По курортам не ездит летом
 И на печке не спит зимой,
 Километров сорок отмашет,
 Только пот утрут у крыльца.
 А на празднике шумном
 Спляшет
 Чище всякого молодца.
 В ней, как дьявол, сидит упорство,
 Будет надо —
 появится злость.
 ...Это вот
 Золотое свойство
 К нам уж
 Издавна привилось,
 Что на будничном даже марше,
 Туже стягивая ряды,
 Юность
 держит равненье
 на старших,
 Старость —
 тянется
 к молодым.

ПОЭТ

Вы, Олег Владимирович, правы:
Засучив по локоть рукава,
Истинный поэт
Не ради славы
Ищет сокровенные слова.
У него и в мыслях даже нету,
Что когда-то,
сжав в руке тетрадь.

Будет он
среди живых букетов
На грани
бронзовый стоять.

Просто он готов обнять полсвета,
Слыша, как прорезав вышину,
Первая
советская ракета
Подстрелила старую луну.

Просто он не хочет больше видеть,
Как под ним,
Внизу
Который год
Тетя Паня,
Не копя обиды,
В низкой комнатушечке живет.

Просто по ночам,
Когда вы спите,
У прошедших суток не в долгу
Водопад сегодняшних событий,
Все еще гремит в его мозгу.

И опять
Неясная, как омут,
Муза входит, не спросясь, в жилье.
И ее не выгонишь из дому,
И не отмахнешься от нее.

А она берет его в охапку,
И на что-то, словно обозлясь,
Тащит
И без шарфа, и без шапки
В темь и холод,
В дождь и снег,
И в грязь.

Под прибой березового шума
По вискам остро и жарко бьет,
Ни о чем не позволяя думать,
Кроме диких прихотей ее.

И потом
Натешась,
С папиросой
До утра
за стол запрет опять
И, вконец измученного,
Бросит
Не раздев,
На жесткую кровать.

Не ему ленивых воскресений
И покоя нет, как у людей.
Все же он до смерти не изменит
Верной свою равнине своей.
Потому, что знает он заране —
Так ведется с самых давних лет:
С ней —
одно мученье и терзанье,
Без нее —
и вовсе жизни нет.

ВЕЛИКИЕ

Словно клятвы, полные значенья
И глухой безудержной тоски
Повторяем мы
Их изреченья
И читаем наизусть стихи.
И тогда мы видим близко-близко,
Словно расстоянья в мире нет:
Угасает пламенный Белинский,
Лермонтов роняет пистолет.
О Россия!
Имя твое — свято.
Знаю я:

от самых давних дней
Ты была талантами богата,
Но и палачами
Не бедней.
Сколько их погибло за столетье
Тех, кто был воистину велик,
За колючей проволокой сплетен,
Мелочных доносов
И интриг.
Не прожив положенные годы,
Не приняв поповского креста,
Гибли люди
Доблестно и гордо
С именем свободы на устах.
Но живет бунтарская их сила,
Будит и зовет людей на бой —
Совесть твоя чистая, Россия,
Жизнь твоя.
Любовь твоя
И боль.

деревья } ну
Городок надо

ветер (с волной)



1965

Михаил

МИР, КОТОРЫЙ ЛЮБЛЮ

«Северо-Западное книжное издательство».
Вологда.

а слова и слова

и звуки спасают

• • •

Я люблю этот мир,
Где свистят
озорные синицы,
Где я креп и мужал,
Где друзей и восходы
встречал.
Я люблю этот мир.
И ночами мне часто
не спится,
Потому что влюбленным
Не спится теперь
по ночам.
Вдруг опять ощущишь,
Как земля
тишиною
объята,
И глядит
снова
мир
Напряженно
эпохе в лицо
Мир, который люблю,
Он в руках у людей, как граната,
Как граната, с которой
Пока
не сорвали
кольцо.

• • •

Идут груженые машины
В густой испарине дождя,
И, как натянутые жилы,
Моторы старые гудят.
Идут машины, жерла света
Уставив в черноту лесов,
Сползают в хлюпкие кюветы,
Ломают радуги рессор...,
А где-то, блеска не роняя,
С одним лишь ветром на возу
Порожняки, во тьму ныряя,
Проносятся на всем газу.
Летят прямым просторным трактом
Без напряженья и забот.
О жизнь моя,
Не дай мне так вот
Перелетать из года в год.
Пускай мне медленно и круто
Идется общим большаком —
Со срывами, с надсадой лютой,
С потерей верного маршрута,
С грозой, с отчаяньем минутным,
Но только б — не порожняком.

• • •

Рос бледнолицым брат мой и тщедушным,
 Не помогли столичные харчи,
 И я подумал:
 «А на что бы лучше
 Его деревней дальней полечить».
 Я утерял тогда былое зренье,
 Несколько различал черты деревни.
 Но все-таки по долгу старшинства
 Я добывал сметану и варенье
 И лично заготавливал дрова.
 На нас хозяйка наша тетка Таня
 Неделю любовалась,
 А потом,
 Поняв мою систему воспитанья,
 Ее перевернула кверху дном.
 И брат стругать учился понемножку,
 Снопы по снегу с поля вывозил
 И ел, как все,
 горячую картошку
 И в сапожищах чапал по грязи.
 Не брезговал уже домашним квасом,
 Садился без ужимочек к столу
 И с бабкиным соломенным матрасом
 Устраивался к ночи на полу.
 Он к мужикам ходил,
 уже в мальчишках
 Пахавшим землю и валившим лес.
 Ладони их,
 как трудовые книжки,
 Где каждая строка
 Имеет вес.
 Нет, все не даром:
 обтиранья снегом
 И чтенье с лампой в полутемноте...
 Я понимал, шагая за телегой,
 Что уезжаем мы уже не те.
 Деревня одарила нас богато,
 Как щедрая и честная родня:
 Здоровьем несгибающимся —
 брата,
 И зреньем возвратившимся —
 меня.

• • •

Река работала, как лошадь,
 В оглоблях тесных берегов.
 Она несла такие ноши,
 Что мыло падало с боков.
 Косилась охровая осень
 На вороную масть воды,
 И, как несмазанные оси,
 Скрипели грузные плоты.
 Река пыхтела от натуги
 Перед горушкою любой,
 Мосты железные, как дуги,
 Неся высоко над собой.
 И плотогоны в кепках пегих,
 Поток за холку взяв рукой,
 Стояли, будто на телеге,
 Расставив ноги широко.
 Река несла свой жребий стойко
 И продолжала трудный путь,
 Мечтая в бухте, словно в стойле,
 Хотя б часок передохнуть.
 Но вот однажды попадаем
 Мы в тот же самый кинозал.
 Глядим, как на морозе лютом
 Шоферы грезят о печах,
 Как люди радуются
 Утром
 И тихо плачут
 По ночам.
 И как партторг —
 не на пирушке,
 А взрывом страсти побежден,
 Влюбляется в одну девчушку
 И мокнет с нею под дождем.
 И после долго сам с собою
 Ведет незримые бои
 И с обессилевшей душою
 Уходит все же от семьи.
 И мы — не плаксы и не рохли —
 Уверимся в который раз,
 Что наши души
 Не засохли,
 И дело тут
 Совсем не в нас.

ЛАРИСКА

Она пока и страшным сказкам верит,
И не умеет отказать себе
Тайком от всех

проехаться на двери,
Восторженно повиснув на скобе.
А то на лбу пригладит завитушки
И, с вдумчивой серьезностью лица
Расставив черной змейкой доминушки,
Легко толкнет их с одного конца.
И пусть она в открытую не плачет,
Зато сердчишко съежится в груди,
Коль отправляя вновь ее на дачу,
С вокзала мать торопится уйти.
О, как бы видеть девочке не надо,
Что маму

у решетчатых ворот

С ленивым и освоившимся взглядом

Чужой мужчина

Под руку берет...

И девочка бежит от вязкой скуки:

И сожалений тетенек больших,

Что любят пошататься на досуге

По заповедникам чужой души.

Она с тоскойглядит из-под ручонки

В густую синь, где утром над рекой

Под радугою

жаворонок тонкий

Звенит, как колокольчик под дугой.

А мать ее уверена, что в мире

Ни у кого не отнимает сна,

Что пьяная неприбранныость в квартире

Неопытному взгляду

Не видна.

Что рук, пропахших ядом папиросным,

Ребенок не заметит в суете...

О, детская недальновидность взрослых,

О, взрослая внимательность детей!

Мне страшно вечерами за девчонку,

Что, не доев проквашенные щи,

Летит из дома вспугнутым щуренком

От шоколадок

Ласковых мужчин.

И чувствую я словно по наитию

Немую скорбь ее открытых глаз,

Когда она попросит: «Дядя Витя,

Я посижу немножечко

У вас».

Мы увлеченно с ней картошку чистим,
Разглядываем корки толстых книг.
Но совестно и зябко мне при мысли,
Что грозно надвигается тот миг,
Когда она,
 погрупившись упрямо
И нервно что-то комкая в горсти,
Святое от роженья
Имя «мама»
Не сможет
В первый раз
Произнести.

10

• • •

Я был рабочим, стал солдатом.
Поняв со службой заодно,
Как начинать
на двадцать пятом,
Что в девятнадцать суждено.
Я жил,
входил в цеха с рассветом,
Я на добро платил добром
И не вилял перед ответом,
Когда вопрос вставал
Ребром.
Я понял, что в шестидесятых
На случай мира и войны
Не солдафоны,
А солдаты
Державе крепнущей нужны.
Без сокрушенных охов-ахов
Я встал в шеренги тех ребят,
Кто начал ей служить
Как пахарь
И продолжает
Как солдат.
От дела кровного оторван,
И посейчас боюсь весны:
Как обруч, стягивают горло
Воспоминания и сны.
И только вера кормит силы,
Что это время всё — до дня —
Небесполезно для России
И небесследно для меня.
И автомат стрелковой роты
Беру я, помня об одном:
Что не успел сказать работой,
То можно досказать — огнем.

• • •

Матери рожают не солдат,
Матери рожают хлеборобов,
Докторов,
врачующих хворобы,
Скрипачей,
что так светло грустят.
Путь ребят осмыслен и велик.
Но однажды от смычков и книг
Забирают их военкоматы.
Вот и получаются — солдаты.
Привыкают мальчики к стрельбе.
Роют землю,
Мерзнут у орудий;
Зная, что солдаты —
это люди,
Не принадлежащие себе.
Но шинель не на век тяжела.
Парни к пирогам и чистым блюдцам
Нет войны —
когда-нибудь вернутся,
Только бы судьба не подвела.
Матери же —
как будто их сынки
Вызваны на срочные работы —
Гладят их рубашки по субботам
И ворчливо чистят пиджаки.
Спят.
И снова ждут своих ребят.
Страшно не дождаться им однажды.
Потому,
любви и мира жаждая,
Матери
Рожают не солдат.

• • •

О, вера наших матерей,
Вовек не знающая меры,
Святая трепетная вера
В нас,
Подрастающих детей.
Ту веру, как струю в реке,
Не вытравит ничто на свете:
Ни кобры двоек в дневнике,
Ни злые жалобы соседей.
Уж матери такой народ —
Вздохнут,
Нас долгим взглядом смеря:
«Пусть перебесятся, пройдет», —
И снова верят, верят, верят.
И дышат тем счастливым днем,
Когда мы прочно встав на ноги,
Вдруг все увидим,
И поймем,
И с честной не свернем дороги,
Так верят матери одни,
Взыскательно и терпеливо.
И — некрикливые — они
Не почитают это дивом.
А просто нипочем года
Их вере, преданной и нежной.
Вот только мы-то
Не всегда
Оправдываем
Их надежды.

• • •

Словно счастье и муку,
Словно радость и боль,
Я беру твою руку
И иду за тобой.
Ты вместила всю землю
Для меня навсегда.
Ты и горькое зелье,
И живая вода.
Мне страдать и надеяться,
Верить новой весне.
Ты, как речка из детства,
Вечно слышишься мне.
В этом стираном ситце,
Что расцвел на тебе,
С лепестком медуницы
На капризной губе.
То добра и беспечна,
То крута и строга.
Не во всем безупречна,
Но всегда —
дорога.



1969

Женега

МАЛЬЧИШКИ ИЗ ДАЛЕКИХ ДЕРЕВЕНЬ

«Советская Россия».
Москва.

на склонах и склонах
и склонах склонов

• • •

Я булыжную осень оставил
Ради той, что, всходя на крыльцо,
После страдной горячки
Устало
Рукавом утирает лицо.
Той, что с вечной заботой во взоре
И подошвы скоблит о порог,
И привычно
сдирает в притворе
Непросохший за лето сапог;
Да позднехонько лампу задует,
Заглянув напоследок в закут, —
И осенние тучи раздумий
К изголовью ее поплынут:
То ли крышей протекшей заняться,
То ли пол перебрать как-нибудь,
То ли нынче с коровкой расстаться,
То ли зиму еще потянуть.
А за окнами
желтую репу
Дождь полощет в корытах борозд,
И метут по холодному небу
Голики облетевших берез.
И никто с разговором
до света
Не пройдет под окошком резным:
Земляки, отгостиившие лето,
Разлетелись к заводам своим.
И куда-то пропал неизвестно
Тот, с бородкой, в очках золотых,
Что выведывал здешние песни,
Чтобы тешить потом
городских.
Кто налево ушел,
Кто направо,
Словно здесь не земля никому.
Да и ладно.
Хоть сердца не травят,
Коль помочь
Не умеют ему.

• • •

Откуда эта брошенность и грусть
И ощущенье утлости причала.
Как будто вдруг
Температура чувств
На двадцать с лишним градусов упала.
Я не искал сомнительных побед,
Я зла не причинял простому люду,
А счастья и любви покамест нет
И, видимо, еще не скоро будут.
О страхах не могу болтать шутя,
И стыдно обнажать свои тревоги,
Как говорить о кладбище,
хотя
И это неминуемо в итоге.
Пусть все идет своим порядком. Пусть
Упругий зной сменяется прохладой.
Я подступившей грусти не боюсь,
Как не боюсь дождя и листопада.
Хоть это одиночество в глухи
Щемяще до отчаянья и стона.
Но, может, повзросление души
Еще и не такой цены достойно.

ЦЫГАНКИ

Помню:
Горделивые в осанке,
С зеркальцем и картами в руках
Часто босоногие цыганки
Приходили к нам издалека.
Их встречали бабы под окошком
И, как самым близким и родным,
В чугунках
последнюю картошку,
Не жалея, отдавали им.
Сдерживая сердце по неделям,
Тут с собой не совладав никак,
Долго
умоляюще глядели
На колоду
Всемогущих карт.
И цыганкам,
Видевшим полсвета,
Угадать не стоило труда,
Что в дому уже какое лето
Только слезы, горе да нужда.
А со стен
Из застекленных рамок,
В подтвержденье высказанных слов
В душу к ним заглядывали прямо
Честные глаза фронтовиков.
И чтоб как-то скрасить бабье горе,
Карты им сулили всякий раз
Милого с сердечным разговором
В недалекий и желанный час.
И заметно подобрев,
солдатки
За слова надежды и любви —
Помню — отдавали без оглядки
Старенькие кофточки свои.
...А на днях я видел на вокзале
В маленьком районном городке,
Как цыганка в ожидальном зале
Хлопотала с картами в руке.
Тихая, уже немолодая,
Подошла к чужому багажу:
«Ясные, давайте погадаю,
Все как есть, красавицы, скажу».
От нее отмахивались вяло
С неприязнью давней и глухой:
«Лучше бы работу поискала,

Стыдно заниматься чепухой». И цыганка, потоптавшись малость, Отходила в сторону молчком. А девчонки весело смеялись И опять болтали о своем. Что гадать им, Сверстницам-подругам, Встретившим двадцатую весну: Есть работа, Есть надежный угол, Да и женихам Не на войну.

• • •

Порой попадешь ненароком
В чужую простую семью,
Где нет ни раздора,
Ни склоки
И водку
С получки
Не пьют.
Где в чистеньких детских постельках
Живут безмятежные сны,
И муж не запустит тарелкой
В пугливую спину жены.
Она же от сплетен, заране
Ревнуя, не сходит с ума,
Не ищет у мужа в кармане
Обрывки чужого письма.
Обычные русские люди —
Не гордость, не цвет, не краса...
А рядом с такими побудешь —
И чище становишься
Сам.

МАЛЬЧИШКИ ИЗ ДАЛЕКИХ ДЕРЕВЕНЬ

Приеду на попутном драндулете
По старой моде
 в кепке набекрень.

Ну, как вам поживаются на свете,
Мальчишки из далеких деревень?
Все так ли вы

 по травушкам России
Вперегонки попробовать не прочь,
До заморозков носитесь босыми,
Чтоб попусту обутку не толочь?
Смакуете под взглядами домашних
От апельсина городского треть
И присланные братьями рубашки
Подолгу не решаетесь надеть?
Пускай я вам далеко не ровесник,
Но вы меня стыдиться не должны:
И у меня

 на самом видном месте
Некстати протираются штаны.
Я словно чую ваших рук усталость,
Уже пропахших горечью коры,
Которым преждевременно достались
Забытые братками топоры.
Мы нашу встречу шуткой обогреем,
Мы вдоволь нашатаемся в лесу.

Я привезу вам
 новых батареек

И лампочек вам тоже
Привезу.
Расспросите меня вы о столице,

А для себя задумаете впредь
На поезде

 хоть разик прокатиться
И на дома большие поглядеть.

И я пойму
 с постыдным запозданьем,
Что, набираясь разума и сил,
Я исполненье собственных желаний
Терпеньем вашим

 щедро оплатил.
Я в город нынче выберусь пораньше,
Едва ли и недельку протяну,
Остreee
 от незлобивости вашей
Осознавая давнюю вину.

А дома встречу ваших одногодков,
Завидующих больше, что ни день,
Грибам,
И лесу,
И косовороткам
Мальчишек
из далеких деревень.

СОЛДАТСКАЯ ШУТКА

Нам с тобой совсем немножко
Дослужить до дому:
Только тыщу раз в сапожки
Впрыгнуть по подъему.
По земле своей хорошей
У себя в Союзе
С пол-экватора — не больше —
Проползти на пузе.
До гулянок и тальянок
Дослужить нам малость:
Лишь пятнадцать пар портнянок
Истолочь осталось.
Тридцать три хрустящих трешки
Отоварить надо
Да вагона три картошки
Оскоблить в нарядах.
Ну, и средь иных и прочих
Редких удовольствий
Стрескать жареной тресочки
Метров девяносто.
А в конце всего за чаем,
Разгоняя скучу,
Обсудить: а не начать ли
По второму кругу?

• • •

Казарма пахнет не духами,
Не ландышем после грозы.
Казарма пахнет сапогами
Из густо смазанной кирзы.
Казарма пахнет жестью банок
С ружейным маслом пополам
И прелью саржевых портнянок,
Царящей ночью по углам.
Не первым потом гимнастерки,
Подзолом тропки полевой
И зноем стрельбища,
И горьким,
Горелым порохом его.
Эпохой призванные дети,
Мы дышим этим — без нытья —
Державным запахом столетья
И кислородом бытия.
Им,
 как огнем пещерный предок,
Мы дорожим не оттого,
Что нам
Черемуховых веток
Любее
 аромат его.
Но только с ним и нерушимы
Волнующие нам сердца
И свежесть матовых кувшинок,
И острый запах чебреца.

ЕСТЬ ЖЕНЩИНА

лирическая поэма

Есть женщина одна на свете.
Дала с ней встретиться судьба.

И это было —

словно ветер

Откинулся волосы со лба.

...Я жил у белых колоколен

Неслышан, горд и одинок.

Я тяготился грустной волей,

Но изменить себе не мог.

Мечтал о пушкинской любви я,

Мечтал, и сам себе с тоской

Я признавался не впервые,

Что в наше время нет такой.

«Теперь ночами под окошко

Мужчины не выходят в дождь.

И говорят о стройных ножках,

Как о цене на макинтош.

И женщин это мучит мало,

У женщин свой на вещи взгляд:

Они на вздохи

смотрят вяло

И очень живо —

на оклад».

О, сколько выводов поспешных

Мне диктовал горячий пыл!

Я не во всем был прав, конечно,

И все же прав во многом был.

Я не хотел сплошных объятий

И возвращения назад,

Где целовали кончик платья

И при измене пили яд.

Но я мечтал о самой чистой

Любви возвышенных сердец,

Способной смело встать под выстрел

И за ночь выстроить дворец.

Кого винить,

что мне владыка

Определил иной удел.

Я не нашел

любви великой,

А маленькой

Не захотел.

Во мне угрюмость тихо зрела,

И скоро, чувства не тая,

Сквозь дымку легкого презренья

Взирал на многих женщин я.

Но — подмывая, словно берег, —
Меня одолевала мысль,
Что я в запросах

неумерен

И нереально вижу жизнь.
Всё грежу идеалом женским...
Хотя, коль говорить всерьез,
Мне самому до совершенства,
Как старой каланче —
До звезд.
И вот уверенность средь шума
Вдруг с треском лопалась по шву.
И — страх,

что все-то я придумал

И только выдумкой живу.

А надотише,
Надо проще:
В застольях больше ста не пить,
Обзавестись богатой тещей,
Сачок и удочки купить...

И я уже стоял на грани,
Где лишь решимости вдохнуть —
И навсегда,
Как будто ставни,
Свои сомненья запахнуть.
Но, видно, не пустая фраза,
Что непременно повезет,
К кому за жизнь

хотя бы разик

Звезда садилась
На князек.
Я не успел промолвить слова,
Не знаю,

как,

когда —

светла —

С крылечка терема какого,
Смеясь, та женщина сошла.
Я только помню:
Гул перрона
Как будто рухнул под откос.
А на ветру плыла корона
Ее каштановых волос.
Темнело жарким югом тело
Средь белизны вокзальных стен,

И шумно платье шелестело
 У молодых ее колен.
 Но каблучки ее споткнулись.
 Я понимал, что мне везло,
 Что ей клубок безлюдных улиц
 Одной распутать тяжело.
 И надо вежливо и просто,
 Сказав, что мне не повредит,
 Ей объяснить градоустройство
 И — сделать милость — проводить.
 И духу в легкие набравши,
 Взметнув решительно зачес,
 Я к ней приблизился
 И даже...
 И даже что-то произнес.
 А после тропкой осторожно
 Мы шли, смущенные вконец;
 Топордил уши подорожник,
 Не слыша замерших сердец.
 Цветы гуляли, как на пире,
 Идя обочиной к селу,
 И, может, самый чистый в мире
 Не состоялся поцелуй.
 Мне от себя не скрыть печали,
 Что день прошел как забытьё,
 А под березами
 Случайно
 Осталась сумочка её.
 В ней адрес мой, на дне почивший.
 Нашел я на исходе дня,
 Места безмолвно навестивши,
 Теперь святые для меня,
 И мне не раз

горячим полднем

Та сумочка
 в краю глухом
 О несвершившемся напомнит
 Прохладным выдохом духов.
 Еще о том,

что вместе с летом

Пришел мой бог издалека —
 И словно руку с пистолетом
 Отвел спокойно от виска.
 И снова —

сердцу надо много ль —

Хожу,
Смеюсь,
Гляжу кругом
Весь —
 словно бы зеленый тополь,
Омытый утренним дождем.
Уже смешны былые муки,
И жизнь —
Как море кораблю.
Не надо мне
 синицу в руки,
Я с детства
 журавлей люблю.
И я иду своей тропою,
Как пахарь
 с верой наперед,
Что им задуманное поле
Пшеницей доброю
Взойдет.
В его крови бы зреть веселью.
Да жаль соседа от души,
Что забросать такую землю
Овсом
 весною поспешил.
Так я живу.
И уж не прежним
Вхожу в раздвинувшийся дом,
Следя,
 как ласточки надежды
Вьют гнезда над моим окном.
И ничего-то мне не страшно,
Как будто мрака в мире нет.
И выюга горестей вчерашних
Уже не застит белый свет.
Я помню, в сырь
 и черный ветер,
Как восходящую зарю:
Есть
 женщина
 одна на свете...
И я судьбу благодарю.



1969

Жребий

ЖРЕБИЙ

«Советский писатель».
Москва.

а слова и слова
указы словы

• • •

Зови меня к себе, зови,
Высокий колокол тревоги.
Для боли,
Как и для любви,
Однажды пробивают сроки.
Не утопить ее в вине.
И не поется и не спится.
Лишь звезды поздние в окне
Дрожат, как слезы на ресницах.
Все очевидней, все грустней
И непростительней с годами
Непродолжительность страстей,
Необязательность свиданий.
А сколько раз и мне,
хитро
В глаза пуская клубы пыли,
За совершенное добро
Неблагодарностью платили.
А я в порыве мстить клянусь
И различаю сквозь усталость:
Остались в сердце боль и грусть,
А злобы
Снова не осталось.
И поднимается в крови,
Как озимь, молодо и густо,
Всепобеждающей любви
Всепоглощающее чувство.
Но, может, так устроен быт.
Навек.
И все другое лживо.
А если сердце и болит,
То просто потому, что —
Живо.
И только боль всегда, за всех
Дает возможность оправданья
И ожидаемых утех,
И самого существованья.

• • •

Леониду Беляеву

О, если бы мы, добры и чутки,
Смогли увидеть на момент
В сосне
Не будущие чурки,
А музыкальный инструмент.
В благодарении за светлый,
Хотя и мимолетный взор,
Она настроила бы ветви
На очищающий минор.
И, золотясь на свежей мете,
От счастья таяла бы смола,
Когда бы мягко взялся ветер
За гриф певучего ствола.
Но все не тем забиты души.
И потому который год,
В себе обиженно замкнувшись,
Сосна шумит,
А не поет.

ДЕРЕВЬЯ

Отношусь к суеверьям с большим недоверием.
Но опять слышу я
сквозь густой листопад:
Будто души загубленных мною деревьев
Под окошком моим, негодуя, скорбят.
На дорогах,
где грязью за волоком волок,
Чтоб трехтонку продвинуть
на лишний увал,
Я по локоть
откручивал руки у елок
И березы
по самые плечи ломал.
В сотый раз уморясь на проселках осенних,
Я старался не думать про совесть мою,
И рябине вонзal я топор
под колени,
А потом сапогами
вминал в колею.
Как молилась осинушка в страхе великому!
Но тащил я ее без пустой суетни,
И она, глухо охая,
теплым затылком
Колотилась, обмякнув,
о кочки и пни.
Я чернел.
Но деревья поникшие — снова
Я валил,
хоть и знал, что под небом глухим
Всем, что в душах у нас и осталось
святого,
Мы обязаны в первую очередь
им.

ЖРЕБИЙ

Живу в этом мире. Живу.
О, как мне непросто живется.
Глядят сквозь меня в синеву
Развернутой пастью колодцы.
Растут сквозь меня не спеша
В суставах окрепшие травы,
С целительным соком смешав
Снедающий пламень отравы.
И каждая боль их, остра,
Проходя по моим волоюнцам,
Как хрясский удар топора,
Под пятным ребром отдается.
Я в почву, как дерево, врос.
И, словно подавшись из кочек,
Земная скрипучая ось
Прошла через мой позвоночник.
К Венере уйдут корабли
От русского смеха и грусти,
И только меня от Земли
Земля никуда не отпустит.

НА СЕНОКОСЕ

Александру Романову

Повалили ребята девок —
и нужать.
Те не знают, чего поделать:
давай визжать.
Бабы бросили грабли наземь
и галдят,
А потом принялись разом
за ребят:
«Нет ума у вас — ой вы, лешие,—
ни на грош.
Разошлись малолетки тешиться —
не уймешь».
Мужикам против баб — где же им:
перевес.
Проявили сперва сдержанний
интерес.
Да ребят подзудил дедушка,
хоть и сед:
«Мягче будут! Помять девушку —
не во вред!»

Мужики тогда не просрочили —
благодать!
Принялись молодняк в очередь
направлять:
«Ты похлопай свою соседушку —
не омман —
Закатилась твоя денежка
к ней в карман.
Хитро спрятала востроглазая
барыши,
Да за пазухой-то, за пазухой
поишли».
Девки вырвались — а в глазах круги —
да бежать,
А густая трава за ноги
их держать,
Ставит петли, понавязала-то их
полно,
Тоже с этими партизанами
заодно.
Вечно с девками нахохочутся
все до слез.
Часом позже опять закончился
сенокос.

...И теперь, загрустив по канувшим
Бес ударит в ребро воспрянувшим
И прижмут, щипнут молодух они
Но не тот напор, да и дух не тот,
Попищат впол силы притворщицы,
Скоро тем и другим расхочется
Разойдутся, квасным ведром гремя
И закончится снова вовремя
тем денькам,
старикам.
за бока,
и рука.
но опять
баловать.
у берез.
сенокос.

• • •

Нередко взмывая с размаху
На гребень идущего дня,
Я думаю с болью и страхом:
Надолго ли хватит меня?
Забыта средь грома и шума
Торжественность звездных ночей,
И некогда стало подумать,
И кто ты такой,
И зачем.
Из гари и пыли недаром
К березке,
К реке,
К шалашу,
Как будто дитя из пожара,
Я душу свою выношу.
И там в одиночестве с нею
Опять покаянно шепчу,
Что жить, как я жил,—
не хочу,
А жить, как хочу,—
не умею.
И, чувствуя светлую зависть
К сынам колокольных веков,
На лапник душистый склоняюсь
И плачу, и плачу легко...
Потом засыпаю,
сквозь слезы
Себе успевая шепнуть,
Что утром
Река и береза
Наставят на истинный путь.

ВОЛКИ

Около высохшей елки,
Возле пустынного пня
Топчутся старые волки,
Ждут-поджидают меня.
Ни изготовки к атаке,
Ни завыванья в тиши...
Спроста посмотришь —
Собаки
Самой безгрешной души.
Но не досужие толки —
В силе не главная стать.
Вот научились и волки
В добрые шкуры влезать.
Как убедительно встали,
Как отработали взгляд!
Чуть не виляют хвостами,
Чуть от любви не скулят.
Но на такую наживку
Мне попадаться грешно,
Я узнаю по загривку
Волчью породу
Давно.
Два стосковавшихся братца,
Зубы и когти — на ять.
Жутко вперед подвигаться,
Поздно назад отступать.
Сжать топорище заране,
Левую руку — к ножу:
Я на такие свиданья
С полой полой
Не хожу.

• • •

Курицы пытаются летать,
Напрягают силы и рассудок.
Курам не дает спокойно спать
Слава лебедей и диких уток.

Сколько взвито пыли и песку,
А хотя б на шаг поближе к цели.
Слишком, видно, много на веку
Хлеба дармового
Переели.

Скоро блажь пройдет, как странный сон,
Перышки улягутся на место.
Ведь домашним птицам не резон
Рисковать обсаженным нашеством.

Куриц не тревожат облака,
Не томят неведомые дали.
Курицы поэтому пока
Выше огорода
Не взлетали.

• • •

Тяжелый хлеб едят поэты
Столетья целые подряд.
Пока грядущие рассветы
Им облегченья не сулят.

Ломя под тем же знойным небом,
Не берегут поэты сил.
Но смотришь:
Люди снова с хлебом,
А их посевы
Град побил.

Крутого хлебушко помола
Певцам назначила судьба.
Но пусть они едят тяжелый,—
Их портят
Легкие хлеба.

• • •

Я для сосен, видно, создан,
для осинников,
Для полянок,
где горланят косачи.
Почему ж я не шатаюсь по России,
По-пастушески штанины засучив?
Я бы ягод не давил, налитых грозами,
Не заслеживал березовых светлиц,
На рябинах угнездившиеся звезды
Не сшибал бы из рогатки,
Как синец.
Лучше в сумерках бы я, орешки щелкая,
Речи тайные деревьев и светил,
Разумеется, в соавторстве с трещоткой
На язык стиха
шутя переводил.
Погрустив, что люди песен не заметили,
Я общипанному в драках петуху,
Ночевать расположившись на повети,
Всю бы душу рассказал,
Как на духу.
Но опять меня — на радость ли, на горе ли
Наставляет тесть мой будущий, хрипя:
«Ты служи-ко чередом
в своей конторе,
Коли хошь,
чтоб отдал дочерь за тебя».
Он в глубоком блюде рыбу ловит ложкою,
Он поверх очков глядит,
неумолим:
«Находились мы
в резиновых сапожках,
Мы теперь
мягких тапочек хотим».
И, мудря над закоптевшей керосинкою,
Желтым пальцем
тычет в милую мою:
«Вон теперь
твоя кудрявая осинка,
Сызмалей росла
в осиновом kraю».
И — отложено с деревьями свидание.
Только я и на огне не отражусь,
Что была и есть моя исповедальня —
В петухах и подберезовиках Русь.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

Ветер гуляет по душам,
Носит по свету галчат.
Сдержанней, реже и глуше
Прежние песни звучат.
Вечно найдется в застольи
Тот, кто останется нем:
Больно круты да раздольны,
Духу хватает не всем.
Или кому не по нраву
Их благородная злость,
Или народу и вправду
Слишком легко зажилось.
Принявший крестную муку,
Вызывавший суть наконец,
Самому близкому другу
Тайны не выдаст певец.
Ветер гуляет по душам,
Каждый-то нерв напряжен.
Так ли мы истине служим,
Все ли себя бережем?

• • •

Ни прежней ревности, ни жажды.
Любовь ушла за облака,
Как аромат,
Вздохнув,
Однажды
Навек уходит от цветка.
Не жаль, что стала жизнь короче,
А жаль, что, буднично рябя,
Такими ж стали дни и ночи,
Какими были до тебя.
И неизбежно пониманье,
Что, горько тая, словно дым,
Становится воспоминаньем,
Как я любил
И был любим.
Так пусть тебе
В твоем крушенье,
В глухой беде,
В лихой судьбе
Послужит слабым утешеньем,
Что мне не легче,
Чем тебе.

ПРОЩАНИЕ С ИНСТИТУТОМ

Пришла пора вставать в иное русло
И набирать иную высоту,
И мне не страшно,
А скорее грустно
Под пятилетнем подводить черту.
И оставлять привычные заботы
И комнатку с окошками во двор,
В которой над последним анекдотом
Портрет один
Хохочет до сих пор.
Сюда придут веселые ребята,
Все в песнях, ожиданьях и мечтах.
Предшественникам нашим мы когда-то
Напомнили вот так же о годах.
Ребятам — разносить худые фильмы,
Читать ночами дерзкие стихи...
Их утром оторвет от сна — будильник,
А нам споют побудку —
Петухи.
Ну, что ж!
Таков предписанный порядок,
Замкнувший нас в единое кольцо.
Нам время правдой жить велит.
И надо
Ей откровенно посмотреть в лицо.
Весна прошла,
И мы вступаем в лето,
Но далеко-далёко до зимы.
...Вот так не спит сегодня до рассвета,
Кого приедем сменить назавтра
Мы.

• • •

Я отошёл и вымотался крепко,
Мозолей накопил на пятерне
И добела
на солнце выжег кепку,
А сам, как черт, за месяц почернел.
Я шел землей
под теплыми дождями,
Тащился степью горькой и сухой,
Где лишь столбы меня сопровождали,
Как циркули с отставленной ногой.
И не однажды
с вдумчивым шофером,
Что сызмала к сидению прирос,
Как будто в сказке,
Горы и озера
Мы с форсом пропускали меж колес.
Я в кузове то всматривался в даль. То
Плясал.
А день, расцвеченный пестро,
Дышал в лицо расплавленным асфальтом
По-августовски душно и остро.
Я слышал: камешки за нами мчатся,
А ощущались
в скорости шальной
Лишь козырек, выбириующий часто,
Да парусом —
рубаха за спиной.
Но вот и дом.
Свежа водица в кране
И вовремя горячая еда.
Пей лимонад,
Валяйся на диване —
Никто тебя не гонит никуда.
Но утро так зовуще пахнет морем,
Гадают сапоги: куда брести,
Набит рюкзак,
Поет будильник зорю,
И я готов
Для нового пути.



1969

Михаил

ЛИПОВИЦА

«Северо-Западное книжное издательство».
Вологда.

слова и слова
указы словы

ЛИПОВИЦА

(Лирическая поэма)

К родному дому топаю по пыли,
 Со всех сторон обляянный опять:
 Меня собаки старые забыли,
 А молодяжкам
 Неоткуда знать.
 Порог оброс могучею крапивой,
 В ней нынче свой гарем пасет петух.
 А дом стоит.
 Целехонек на диво.
 Все сохранилось.
 Лишь очаг потух.
 Сосед рукою машет из окошка:
 «Входи, мы закруглили сенокос.
 Все на столе: и грузди, и картошка,
 Пора цеплять к закуске паровоз».
 Но нет охоты прежней веселиться
 И, вскинувшись, бежать на первый крик.
 Мне лучше там,
 Где вечно копошится
 С потрепанною упряжью
 Старик.
 «Что, потянуло к липовицкой травке?
 Старуха, нацеди-ко нам кваску,
 Нашарь да вынь остаток из-под лавки,
 Да вышпарь прошлогоднюю треску. —
 Он все чудит: —
 А мы живем не худо.
 По пьянке сын острижен догола.
 Медвежий угол вот,
 А и досюда,
 Как видишь, мода новая дошла».
 И долго смотрит он при свете солнца
 На огороды в прутьях лебеды
 И снова — на протухшие колодцы,
 Где десять лет
 Не черпали воды.
 Где, слушая вздыхающие деревца,
 Оставленные избы и сейчас,
 Как раненые в клиниках, надеются
 И ждут, когда повязку снимут с глаз.
 «А ты, отец, погрел бы гостя в бане, —
 Старуха из угла отозвалась, —
 Да у него, поди-ко, и в стакане
 За разговором плесень завелась».
 Все это помню, кажется, с пеленок:
 И бабушку, и баньку у реки,

Потрескиванье каменки каленой
 И веника чистового шлепки.
 Стариk, что паровик перегруженный,
 Попыхивает, лежа на досках:
 «Вот даже пар какой-то стал тяжелый,
 А ведь кваску на каменку плескал, —
 И голосом раздумчивым и хриплым: —
 А как, бывало, парилось в страду,
 Когда еще на Липовице
 Липы
 Наставали воздух на меду,
 Вокруг деревни людной — ты подумай —
 Они цвели во всей своей красе...
 Никто не слышал их ночного шума,
 Зато дыханье чувствовали все».
 А мне давно не терпится услышать
 Однажды упомянутую вскользь
 Историю, которая здесь вышла,
 Понять, с чего здесь дело началось.

Когда-то мужики — не без умишка,
 Примерясь,
 На последние рубли
 Срубили у болота
 Три домишкa
 И Липовицей славно нарекли.
 Дышало лето зноем и покоем,
 И паренек смотрел во все глаза,
 Как ласточка кружилась за рекою
 И над водой висела стрекоза.
 А мужики,
 В подзол пуская корни,
 Морошковые дни хвалили всласть:
 «Не будет хлеба —
 Ягода прокормит,
 И речка с лесом
 Не дадут пропасть».
 Не зря трещали подлые сороки:
 Катились грозовые к сердцу сроки,
 И, вытерев испарину на лбу,
 Перекурить усевшись на пороге,
 Те плотники деревне,
 Как пророки,
 Предсказывали точную судьбу.
 Война сусеки выметет до крошки,
 И вновь для голодающих ребят

Спасительные ягоды морошки,
Как солнышки,
Болота озарят.
Уйдет с овсом последняя подвода,
Последняя кобыла рухнет в грязь,
Но не позволит русская природа
Родимым людям
С голоду пропасть.
Она усыплет ягодой пригорки,
Она посадит — вся протест и бунт —
На каждую березу — по тетерке,
Под каждую осину — по грибу.
А липы, видя маянье народа,
Равняясь на его голодный труд,
Последнюю —
с горчинкой —
каплю меда
Пчеле мобилизованной сдадут.
И Липовица в яростном усилие
Закусит, изнуренная, губу
И, как всегда,
По-честному с Россией
Картошину разделит
И судьбу.
И над ее кладбищами, не мята,
Качаться будет скорбная трава,
А в сорок пятом
и ее солдатам
Отсалютует майская Москва.
Придут иные беды и заботы,
И грязи будет выше голенищ.
Но жарким хмелем пахнущие соты
Покроют горький запах пепелищ.
И поплынут, густея и тревожа.
Но вскорости
В соседних поясах
Понадобится будто бы рогожа,
И липы постареют на глазах.
А небеса качнувшись охнут,
Надломится осока над ручьем.
Ободранные липы быстро сохнут
И больше не притягивают пчел.
Но все ж, дыша безгрешно и целебно,
Каким-то чудом тех далеких пор
Единственная липка уцелеет,

Как память,
 Как надежда
 И укор.
 Она, за всех одна, в ветвях разлапых
 Цветы, как драгоценность, затая,
 Поддерживать возьмется добрый запах
 Недавнего покоя и житья.
 И, умываясь росами с восходом,
 Она не будет долго понимать,
 В июне исходя тоской и медом,
 Что ульев стало
 Некому держать.

Молчали мы.
 Внизу река шумела
 И пенилась. Как будто повесть ту
 Пересказать по-своему хотела —
 Уже с веселым камушком во рту.
 Но вот старик, вздохнувши грудью хилой,
 Надумал что-то выразить, кажется:
 «Немало мне потребовалось силы,
 Чтобы прожить на этом свете жизнь. —
 И больше не пошевелил губами,
 А только бросил около ворот: —
 «Ты не ложись на сено после бани:
 Боюсь, что ночью
 Иней упадет».
 Но за окном то выл холодный ветер,
 То плакал, то насвистывал в кулак.
 Я слышал, как в стекло скребутся ветви
 И вглядывался долго в полумрак.
 А утром я не мог сдержать улыбки,
 Поняв, что это шумно и давно
 Три тонкие молоденькие липки
 Заглядывают в низкое окно.
 Старик не разделил моих восторгов,
 Но, чуя мой непраздный интерес,
 Он посмотрел внимательно и строго
 И приказал мне собираться в лес.
 От взглядов и больших путей в сторонке,
 От ручейка лесного невдали
 Две младшие беспечные сестренки
 Моих знакомиц утренних
 Росли.

Старик увидел их и словно ожил:
«Я приглядел давно уж,
Но пока
До времени сестричек не тревожу,
Хочу, чтоб прижились
Наверняка.
Дождусь, когда начнут сезон на белок
И градус твердо двинется к нулю.
Ты что ик заобсматривал, как девок?
Уж больно поглянулись—уступлю.
Посадим под передние окошка,
Глядишь, и станет — смолоду близка —
К порогу позаметнее дорожка,
А в сердце поизбывнее тоска».
Стояло небо осени над нами,
Какой-то жук по корню проползal.
Старик не очень ладил со словами
И главное —
глазами досказал:
«Нельзя, чтоб затянуло память мглою.
Смотрите, жутко будет в кой-то час
Родством гордиться с дедовской землею,
Когда она совсем забудет вас».

Не бойся, не тревожься, старый конюх,
Оставленный на тихом берегу.
Я заповедь твою не просто помню —
Теперь уже не помнить не могу.

• • •

Потому ли, что снова в деревне,
Где мы выжили с бабкой в войну,
Но под сумрачный шепот деревьев
Я сегодня никак не усну.
Мне припомнятся давние были,
Как мы в избах нетопленных жили,
Как кормились в июле морошкой,
А зимою, неся общий крест,
Ели с мохом болотным лепешки,
Что теперь и скотина не ест.
Я проснусь в нашем стареньком доме
На рассвете погожего дня,
Где хозяин, всего лишь знакомый,
Как родной, принимает меня.

За столом
 с наслажденьем великим
В том углу, где не стало икон,
Буду есть пироги с голубикой,
Запивая парным молоком.
И задумаюсь,
Чем этот блеклый
Так мне мил косогор и земля,
С любопытством глядящие в окна
Добродушные морды телят.
Это небо, где ласточки реют,
Это полюшко с редким овсом...
Мы обычно с годами добреем,
Снисходительней смотрим на все.
Или, вспомнив свое пепелище,
Побывав у родного крыльца,
Вдруг становятся легче и чище —
Благодарнее наши сердца.

КЛУБ

Сюда толпою и по парочкам
Под флагом парусной зари
Приходят скромные доярочки
И разбитные косари.
Девчонки у киноначальника
Выспрашивают лишь одно:
Веселое или печальное
Привез он в этот раз кино?
А тот глядит на сверстниц ласково,
Ответ его всегда готов: . .
«Мол, есть про сельское хозяйство, ну
И есть, конечно, про любовь».
И хорошо устроен, плохо ли
Сеанс для дальних поселян —
Девчонки ахают и охают,
Прилежно глядя на экран.
А только кончится картина,
Скамейки — больше не нужны,—
Раздвинутые со средины,
Покорно лягут вдоль стены.
И в вальсе медленном девчонки,
Повременив пяток минут,
В ошеломляющих прическах
Неторопливо поплынут.
А парни, балагуря громко,
Уже на улице дурят,
Наперебой терзают хромку,
Косясь в окошко на девчат.
Но те парней не замечают,
И головы не повернут,
Хотя губами и плечами
Их помнят, чувствуют и ждут.
И нам, в свои края влюбленным,
С годами хочется втройне,
Чтоб вечно полыхать гармоням
На вологодской стороне,
Греметь без передышки танцам,
Пока не встали петухи,
Девчонкам петь, парням смеяться,
И нам — писать для них стихи.

ПОСЛЕ БАНИ

Вот-вот от пару вылетит оконце,
 Вот-вот от жару вспыхнут волоса,
 Того гляди иль каменка взорвется,
 Иль крыша улетит под небеса.
 Но мы из пекла этого выходим,
 Рубах не в состоянье застегнуть,
 Немного очумевшие

и вроде

К тому же обалдевшие чуть-чуть.
 А дома бабы тешатся, проныры,
 Им дело есть всегда

и до всего:

«Да все ли хорошенъко-то промыли?
 Да в спешке не забыли ли чего?»
 Но вот и чай.
 Придя в себя немного,
 Мы на «хозяек весело глядим:
 «Мол, чай-то чаем,
 Но закон у бога
 Для всех по омовении —

един...»

Встречаем молчаливую преграду.
 Пусть мало нас, но каждый — удалец.
 Тем более мы боремся за правду,
 И правда торжествует наконец.
 Сперва идут хозяйствственные темы,
 Но через час —

матерые умы —

Любые философские проблемы,
 Как семечки, расщелкиваем мы.
 Открыв, что восемь пятниц на неделе,
 И в доме утвердив былую власть,
 Мы плюхаемся в чистые постели
 И чувствуем,

что баня

Удалась.

• • •

Сидели бабы на скамейках
Вокруг широкого стола
И обсуждали помаленьку
Свои совхозные дела.
Качали головами:
«Плохо
Покошено у нас.
Дожди.
А ведь от Господа-то Бога
Зимою помощи не жди...
Нам молодого бы народа,
Но кто поедет,

коли тут

Всегда с затяжкой на два года
Картины новые идут.
Вот говорим: народу нам бы
Да с молодым бы огоньком,
А керосиновые лампы
Еще висят под потолком».
И в эту самую минуту,
За перерыв набравшись сил,
В углу хрюпящий репродуктор
Неторопливо забасил
О том, что проводила в космос
Посланца нового Москва,
И Левитан приподнял голос,
Роняя вечные слова.
И бабы смолкли перед ними.
Неловко вроде стало им
Трястись с обидами своими
Перед величием таким.
Но старый дед, сопящий с ночи
На облюбованной печи,
Их в политической и прочей
Незрелости не уличил.

• • •

На душе такая тишина —
Даже слышно, как ржавеют крыши,
Как трава настуженная дышит
И звенит над ухом седина.

Так сегодня тихо на душе —
Просто невозможно, копь без позы,
От глухой дворняги скрыть уже,
Как под сердцем закипают слезы.

Золотые листья на окне —
Комната пустую украшают,
Не идут товарищи ко мне,
Не шумят, не спорят, не мешают.

Тихо от холодного окна
Отхожу, в молчанье брови хмуря.
На душе такая тишина,
Что слыхать, как вызревает
Буря.

• • •

Уеду я от всяких сплетен
В село на синем берегу,
Как из бетонного столетья
В сосновое перебегу.
Забуду все...
Приду с охоты
И вдруг замечу в тишине,
Как ходко ходики проходят
По свежеструганой стене.
В потемках дождик еле слышно
Проверит хрупкий голосок,
Как будто зернышки на крышу
Просыпает спелый колосок.
А днем сороки да трещотки
Меня заманят на межу,
Где пламенеющие щеки
Я о ромашки остужу.
И сердце выстучит неровно
Земле:
 мол, выдохлось слегка.
Она подумает
 и словно
Во мне припомнит мужика.
И мне —
 чтоб вновь окрепли жилы
Для битв во имя лучших дней —
Земля не пожалеет силы,
Как для нее и я — своей.

• • •

В глухую пору зимних смут,
Знобящих отчий край,
Благодарю за твой приют,
За твой сосновый рай.
Лечась настоящими хвои
Да молоком густым,
Глядясь в лучистые твои, —
Я чуть не стал святым.
Но, в райской выкупав красе,
Ты — знать, причина есть —
Не захотела насовсем
Меня оставить здесь.
Не захотела в синеву
Одеть ночей моих.
А мир, в котором я живу, —
Тот мир
Не для святых.

ВАСИЛЕК

Словно пожелав — капризной милой -
Угодить науке полевой,
Василек

ученые светила
Обзвали сорною травой.
Но, светясь и радуясь рассветам,
Сколько он у баб и мужиков
За одно коротенькое лето
Выполол из сердца сорняков!
Сколько он за век, что так недолог,
Детских головенок увенчал,
Закружил девических головок
И голов разумных раскачал!
Даже перед смертью беззаботен,
Он в страду уборочной не раз
Полевой обыденной работе
Ощущенье праздника придаст.
А не будь его —

представьте сами,—
Через радость шествия и грусть,
Изо ржи
Какими бы глазами
На детей своих
Смотрела Русь?

• • •

Жил я, словно в теремах,
В общежитьях тесных.
Ощущал нужду в рублях,
На зато не в песнях.
Я бродяжничал, кутил,
Не бывал усталым.
Опрокидывал светил
С грозных пьедесталов.
О моей печась судьбе,
Мне вещали веще:
«Ох, и ввалит же тебе
Армия затрецин!..»
Только я не унывал,
Мял судьбу, как глину.
Если что и понимал,
То — наполовину.
А когда пришел черед,
Сел да и поехал.

Думал, будет эпизод.
Получилось —
Веха.

ДЕВУШКАМ В АРМЕЙСКИХ САПОГАХ

Уж каких острот не разряжал вам
В спину обывательский галдеж:
«С этими вояками, пожалуй,
Всю казну на платья изведешь».
Только безразличием, как плеткой,
Обжигая вышедших в запас,
Уходил решительной походкой
Батальон непокоренных глаз.
Тех, что ценность жизни измеряли
Не ценой накопленных вещей.
Золушки армейских канцелярий,
Добрые волшебницы борщей.
Ваши думы были не коротки,
Чтоб признаться — как себе ни лги —
Что не так-то просто лакировки
Взять и променять на сапоги.
Бросить галереи, чтоб годами
Созерцать пейзажи, где одни
Сопки одичавшими стадами
Сходятся в потемках на огни.
Но, подшив солдатские погоны,
Гордо отвергая тишину,
Вы вставали в строгие колонны
Вместо не родившихся в войну.
И вопрос, что дедами завещан,
Вырастал над бездной мелочей:
Разве от хорошей жизни женщин
Посвящают в музыку мечей?

• • •

Еще притихшим и помятым,
 Впервые выстроенным в ряд,
 Нам говорили: «Вы — солдаты» —
 Так новобранцам говорят.
 «Вы — будет надо — боль и жалость
 Должны забыть в горниле дня».
 А мне по-прежнему казалось,
 Что это все не про меня.
 С тех пор, чураясь мысли мелкой,
 Присягу помня назубок,
 Я испрепал до дыр шинельку
 И пыль собрал со ста дорог.
 От шуток собственных в восторге,
 Теперь не вставит бодрячок.
 Что предпочел я гимнастерке
 Миролюбивый пиджачок.
 Я в грудь себя не бил без толку,
 Но, обнаруживая пыл,
 По курсу совести и долга
 Пока Отечеству платил.
 И после той защитной робы
 Едва ли я всерьез грешу,
 Что с наслаждением особым
 Рубашки штатские ношу.
 Но вспомянет эфир про битвы
 И скрип походного ремня —
 Как полоснет по сердцу бритвой:
 Ведь в песне что-то
 Про меня.
 На зов трубы, что стала вехой,
 Воспоминанья полетят,
 И отзовется, словно эхо,
 Во мне неумерший солдат.
 А позовет язык набата
 Спасать Россию от огня —
 На битву встанут все солдаты.
 ...И это
 Тоже про меня.

• • •

Ах, скорый поезд, скорый поезд,
Возьми меня под сизый дым,
Чтоб я, смеясь и беспокоясь,
Летел по рельсам голубым.
Чтоб снова стали речи вещими
И вдохновенным домино,
Обворожительными женщины
И охмеляющим вино.
Сквозь бесприютные деревья,
Перевалив через рубеж,
Минуя станции неверья,
Домчи до станции надежд.
Пусть радость зорюшкой нежаркой
В знакомом теплится окне
Иль волоокой вологжанкой
Навстречу выбежит ко мне.
И будут тосты, будут тосты
Под музыкальное стекло,
И ни усмешек, ни притворства,
А только легкость и тепло.
...Но мой билет на это счастье
В Сибири, может, в дождь и зной,
Пока не пиленной на части,
Гудит высокою сосной.

• • •

Природной зоркостью не славясь,
Заметил поздно я опять,
Какой великой силой
Слабость
В руках у женщин может стать.
Разлюбленные
Не речами,
Не гневной сдержанностью глаз,
А задрожавшими плечами
Обезоруживают нас.
И напоследок хлопнуть дверью
Кому-то вновь не хватит сил.
В любовь из жалости
Не веря,
Я одного всегда просил:
Коль все остынет между нами,
Останься, гордая, светла
И не привязывай слезами,
Что красотою
Не смогла...

ОЛЕНЬКА

Словно спела горлинка,
Словно встала зоренька,
Словно веткой голенькой
Вздрогнула весна.
Это, ахнув тоненько,
Обернулась Оленька,
Будто колоколенка
Белая, стройна.

Обернулась Олюшка,
Золотое солнышко,
Золотое солнышко,
Боль моя и грусть.
Стоит только встретиться
С ней, моей ровесницей.
Вроде ясным месяцем
Сам я становлюсь.

Вспоминали ладушки,
Ели суп у бабушки
И пекли оладушки
На большом огне.
И сидела Оленька
За тесовым столиком.
И просилась в горенку
Звездочка в окне.

Намекал я вежливо,
Что один по-прежнему:
Некому для грешного
Протопить избу.
Но другого Оленька
Помнила соколика,
Что ушел с топориком
Попытать судьбу.

Снова от поношенных
Ситцевых горошинок
Молча, одинешенек,
Уходил я прочь.
И все та же девушка,
Проводив до бережка,
Не могла соседушке
Чем-нибудь помочь.

ПРОЩАЛЬНАЯ

Такую женщину, глупец, —
Как ни одну пока из женщин, —
Извел и вымотал вконец,
И сам измучился не меньше.
Остынув,
Разумом пойму,
Что все наветы — небылица.
Но, видно, сердцу и уму
Вовеки не договориться.
Светло умевшая нести
Мои печали и терзанья,
Позволь хотя бы на прощанье
Сказать тебе свое «прости».
Теперь тебе
В другом дому
Светиться и не видеть свету.
А мне завидовать тому,
С кем ты разделишь долю эту.

• • •

Бегу за новым поколеньем,
Не отступаю с колеи,
Хотя давно скрипят колени —
Амортизаторы мои.
Опять спешу в пальто раскрытом
К студенческому шалашу,
Хоть нос, как сапоги со скрипом,
С весны до осени ношу.
Тяжел осилить новый танец,
Не признаюсь: мол, швах дела.
И вызывающе красавиц
Обозреваю из угла.
Спасибо Богу, что усердно
Меня макал в другой рассол,
А то бы женщин я, наверно,
Великодушием извел.
Пусть в жилах бродит по привычке
Хмель молодого ветерка,
Пусть собирать свои вещички
Он не торопится пока.
Я пил вино и бил посуду,
И с обещаньями, что впредь
Я делать этого не буду, —
Мне, видно, лучше потерпеть.
А вот понять уже бы время,
Что, может быть, важней всего
Не догонять иное племя,
А не отстать от своего.

• • •

Василию Белову

Нехорошо, ребята, вышло.
Двумя фужерами всего
В такой сезон
Сломали дышло
У тарантаса моего.
Вы ж знали — я не из матросов:
Плесни на каменку чуток —
И я на пять часов философ,
А на неделю не ездок.
Пегаско стал тянуть поплоше,
За лето выбился из сил.
Уж я в подмогу нынче лошадь
У председателя просил.
Хотелось мне бы понемножку,
Не упуская теплых дней,
По-старомодному
Картошку
До снегу вывезти с полей.
Да и возок груздей к зиме бы
Ввести нелишне в обиход.
А уж кефиру-то да хлеба
Куплю на авторский доход.
Потом не грех страду припомнить
И стопку —
Господи прости —
Пусть не до рубчика наполнить,
А мимо рта не пронести.
Но вам о деле думать скучно.
И, у чужих топчась корыт,
Коняга верный мой в конюшне
Опять некормленный стоит.
А над дорогой, как и прежде,
Разворочив тоску в груди,
Звезда сомнений и надежды
Звенит и блещет впереди.

• • •

Природа пробуждается от сна,
Не сразу обретает ясность взора.
Еще и ночь как будто не тесна,
И хочется рассветного простора.
Пока неясны шорохи в лесу,
И звон росы проходит мимо слуха.
Но от травинок щёкотно в носу,
И шмель тепло гудит над самым ухом.
И сразу встать как будто нету сил,
И сладко так,
 и каждый мускул тянет.
Но как бы ветер пылью ни крутил,
Ее глаза ничто не затуманит,
Когда в озерах блещут караси,
И журавли протопали к болоту,
И муравьи,
 муравкой закусив,
Артелью дружной вышли на работу.
От певчих птиц прогнулась тишина.
Едва пробился первый лучик солнца.
Россия пробуждается от сна.
И то ли будет,
Как совсем проснется.



1972

Медведев

СЛАВЯНКА

«Молодая гвардия».
Москва.

2. слова и слова
указывает

• • •

Счастлив я в своем добре и худе,
Потому что — с маковкой Кремля —
У меня была, и есть, и будет
Издавна родимая земля.
Вот она, моя березка детства,
Вот мои луга, река и лес...
Век смотри — и всё не наглядеться,
Век живи — и всё не надоест.
Прославляя дедовские дали,
Не совру, свою жалея честь,
Будто ни тревог и ни печали
Отродясь не видывал я здесь.
Но придет нужда родному краю
Собирать сынов в стальнуя рать —
Я, по крайней мере, знал и знаю,
За какую землю умирать.

• • •

«Все пропью — гармонь оставлю»,—
Говорил в загуле дед,
И монеты шумной стаей
Уносились в белый свет.
Дед прошел огни и воды,
Все наречья и народы,
Плен и каменные своды,
И безвластие и власть,
Три не хлебных —
Враных поля,
Пол-Сибири поневоле,
И гармонь ему в недоле
Не дала нигде пропасть.
Сердце лопалось на части:
То засуха,
То ненастье,
То загибы местной власти,
То бескормая зима...
Где от горя взвыть бы волком —
Не примериваясь долго,
На колени
Прямо с полки
Хромка прыгала сама.
«Эх, была не была,
Все равно худы дела!»
И стакан воинчей, злючей
Дед хватал в один глоток:
Жизнью к горечи приучен,
Без того уже не мог.
Снова песни пелись громко.
Дед по десять раз в году
Под испытанную хромку
Переплясывал беду.
Срок пришел — недолго думал:
Век работая как вол,
Прежде туфель и костюма
Сыну музыку завел.
Тотолжизни под гармонью
Отплясал, отгоревал.
Да и сам я, сколько помню,
Без игровой не живал.
Разогнув, бывало, спину
В самый свой нелегкий срок,
Выходил на середину —
Только брызги из-под ног.

С жизнью схватываясь часто,
Бит и вязан бечевой,
Лучше дедова лекарства
Не придумал ничего.
И остаться не посмею
Перед внуками в долгу:
Все спущу
И все развею,
А гармошку сберегу!

• • •

Ой, какая туча движется на нас,
Налитая темью, точно бычий глаз.
Бык едва от гнева сдерживает пыл,
Вздыбленный загривок солнышко закрыл.
Он скребет копытом о кремневый скат
Так, что за деревню молнии летят.
Ноздри раздувая, шею наклоня,
Он идет, громила, прямо на меня;
Тянет его, тянет пуще всех других
Красная рубаха на плечах моих,
Знаю, многим страшен с неба грозный рык.
Только я давно уж к этому привык.
Надо мной гремели всякие грома,
Но не сбили с толку, не свели с ума.
Как в былые годы, шагом молодым
Я иду навстречу молниям кривым.
Что они сумеют яростью одной
Сделать с человеком на земле родной?..

• • •

Ухожу в былые времена,
Нахожу ногами стремена.
Припадаю, ножнами звена,
К потной гриве рыжего коня.
Прядая ушами, верный конь
Стелется, как по ветру огонь,
Жаркие колышутся бока,
И стоят на месте облака.
Хищно над холмами давних лет
По-монгольски щурится рассвет.
И скакать мне до небытия,
Может, остается три копья.
Не успею я двух раз моргнуть,
Как копье отворит чью-то грудь.
Сшиблись.
И раскроены тела
С маху от ключицы до седла.
Точность боевого топора —
Ратная наука не хитра.
Лошади уносят в полный мах
Мертвцов, повисших в стременах.
Каркая на весь окрестный мир,
Вороны слетаются на пир.
...Словно чудом выживший в бою,
У истоков варварства стою.
А уж память вновь напряжена —
В ней гремит вчерашняя война.
Плавится песок, горит броня,
Города — в щебенку за полдня.
Но и это чуть не благодать
Перед тем, что завтра может стать.
Каждый день в огне страстей горим,
Мечемся, терзаемся, кричим,
Но зато в могуществе своем
В атомном столетии живем.

• • •

Не дробясь, не юля, перед стопкой в гостях
не ломаясь,
Вроде честно и прямо,
с друзьями и правдой живу.
Но тогда почему же в душе
оседает усталость,
Как гранитная пыль
на сморенную солнцем траву?
Мне казалось, что нас,
выводя на крутую дорогу,
Жить учила с размахом,
бесстрашно и праведно Русь.
Но смотрю на людей,
что живут на широкую ногу,
И теряюсь, увидев в глазах
затонувшую грусть.
А у этих-то, рано успевших,
такое откуда?
Или тоже наскучило
тайно шептаться в углах,
За случайным застольем
свою демонстрировать удаль
И казать в потасовках нетрезвых
славянский размах?
Надоело ходить,
кулаки по карманам распрятав,
Надоело над жизнью
чертить осторожно круги,
Где стараются нас избегать
деловые ребята
И — открыто —
всеръез принимать
перестали враги,
Для которых несчастье —
малейшая наша удача,
Для которых удача —
изъяны у нашей брони.
Ведь когда мы над свежей могилой
слабеем и плачем,—
Лишь плотнее смыкаясь,
цветут и смелеют они.
Для меня наконец
обозначилась четко граница.
Как солдат,
Как работник, —
И битый, и гнутий в дугу, —

Я не знаю, смогу ли
родимой земле пригодиться,
Но зато ее недругам —
знаю! —
вовек не смогу.

А еще знаю я:
как бы нас ни трясло, ни мотало,
Но России стоять
проводившими добрых идей,
Пока травы растут,
Пока солнце с небес не упало,

И на каждую сволочь —
По сотне хороших людей.

• • •

Копаясь вилкою в салате
И друга потчую вином,
Вы говорите о солдате...

А что вы знаете о нем?

Что он — постигший цену дружбы,
Гордясь доверием в душе,
Почетный крест
армейской службы
Несет на дальнем рубеже?
А между тем,
Сутуля спину,
Ни зги не видя в двух шагах,
Он сапогами месит глину
На колеистых большаках.
Иль старшина,
шуткуя малость,
Ему подносит вместе с тем,
Чтоб служба
медом
не казалась,
Гектара два
Немытых стен...
Солдат скоблил места похлеще,
Он служит здесь, а не гостит,
И если выпряткой не блещет —
Спиною взмокшую блестит.
Ведь вместе с тяжестью мундира
На плечи парня из села
За судьбы Родины
И мира
Еще ответственность легла.
А ею стыдно тяготиться,
Хотя невмоготу подчас.
Ей не бросаться,
А гордиться
От века принято у нас,
Держа ревниво на учете,
Что — на любые времена —
Чем тяжелее,
Тем почетней
И тем священнее она.
И парень, месяцы считая,
В тоске по дому
Третий год

Без суесловья и роптаний
Среди холодных скал живет.
И нет страшнее оскорбленья
Ему, познавшему страду,
Чем барское пренебреженье
К его солдатскому труду.

• • •

Никто мне больше не поможет,
Не защитит и не спасет.
Все тот же зверь мне душу гложет,
Все тот же червь меня сосет.
И никуда уже не деться.
Проснусь в ночи, как инвалид:
В больной груди
Заместо сердца
Как будто колокол гудит.
И ни звезды в окошке мглистом.
Лишь слышу сквозь какой-то хмель:
По жилам кровь летит со свистом
Да по Руси метет метель.
И так уж буря снеговая
Все перепутала пути,
Не сразу сам поймешь, бывает,
В какую сторону идти.
Но крутит ветер с прежней силой,
Как бы забывшись в кутеже.
Метет метель по всей России,
И нет покоя на душе.

НИКОЛАЮ РУБЦОВУ

Всех мучили какие-то вопросы,
У всех чего-то было на уме.
А рядом
Подгулявшие матросы
Плясали после вахты
На корме.
Дымили запрокинутые трубы,
Горел, как полагается, огонь,
Девчонкам заговаривала зубы
Бывалая матрёсская гармонь.
И так светились тающие шпили,
И так вода кипела у винта,
Что волны полногрудые ходили,
Как пьяные,
У самого борта.
Не находя душе горящей места,
На плясунов смотря со стороны,
Мы радовались тихо,
Что хоть здесь-то
Вопросы все
Пока разрешены.

ЖЕНЩИНЫ В МАШИНЕ

Смекнув соломы на подстилку, ю
 К борту прижавшись поплотней,
 Достали женщины бутылку
 И закудахтали над ней.
 Вельми лукавая порода,
 Горят бесовские глаза:
 «Ой, продавец бутылку продал,
 А что с ней делать, не сказал!»
 Как бы глупы и в самом деле,
 Пока припрятав огурец,
 И так и сяк ее вертели
 И догадались наконец.
 Печатку сдернули — открыли!
 И, сделав первые глотки,
 Единогласно заключили:
 «А мужики не дураки.
 Да и для нашего-то брата
 Водичка впору: весела!
 На вкус, конечно, резковата,
 Зато до пяток пробрала».
 И зацвели, загомонили,
 И заваляли дурачка:
 «Мужицким пойлом напоили —
 Теперь давайте мужичка».
 Играли голыми плечами:
 «Ах, неглиже так неглиже!
 Гляди-ко, только распочали,
 А мед-от кончился уже.
 А в горле снова стало сухо...»
 И, властно топая ногой,
 Шумела больше всех толстуха:
 «Послать шофера
 За другой!»
 Соседки тешились не меньше,
 Кричали в дверцу:
 «Эй, брюнет,
 Передовых советских женщин
 Ты уважаешь или нет?»
 А сам брюнет,
 с тяжелым воем
 Опять взбираясь на увал,
 Мотал хохлатой головою:
 «Во пассажиров Бог послал!»
 Смотрел восслед им сельский житель,
 Вечерний свод горел огнем,
 И все жалел, жалел водитель,
 Что сам сегодня за рулем.

1

• • •

Словно счастье и муку,
Словно радость и боль,
Я беру твою руку
И иду за тобой.
Ты вместила всю землю
Для меня навсегда.
Ты и горькое зелье,
И живая вода.
Мне страдать и надеяться,
Верить новой весне.
Ты, как речка из детства,
Вечно слышишься мне.
В этом стираном ситце,
Что расцвел на тебе,
С лепестком медуницы
На капризной губе.
То добра, то беспечна,
То крута и строга.
Не во всем безупречна,
Но всегда —

дорога.

СЛАВЯНКА

Поэма

В Павловском парке под Ленинградом есть район двенадцати дорожек, на центральной площадке которого размещены по кругу двенадцать бронзовых античных статуй, отлитых в XVIII веке российскими мастерами по моделям выдающегося скульптора Ф. Г. Гордеева. Во время оккупации немцы хотели вывезти в Германию эти художественные сокровища. Старые люди о том времени рассказывают много удивительных историй. Одну из них вспоминают особенно часто...

Шумит,
 Всю ночь шумит старинный парк,
 Качаются скрипучие деревья.
 Какие-то легенды и поверья
 Тревожат их, когда густеет мрак.
 Река Славянка
 В тяжком полусне
 Замечается, замечается средь ночи,
 Потом бессвязно что-то забормочет,
 И ей ответит филин в стороне.
 А на холме,
 Где горбится трава,
 Вдруг словно бы земля зашевелится,
 И затрепещет мерклая листва,
 И закричит испуганная птица
 И унесется с хлопаньем во тьму,
 Закружит над развалинами башен,
 Где так неясно все
 И потому
 Любой булыжник
 сумрачен и страшен.
 Там словно приглушают каждый звук
 Подвальным мхом поросшие ступени,
 Но бродят, бродят призраки и тени
 И голос обнаруживают вдруг.
 И на листве — опять холодный пот.
 Не может парк унять свои терзанья:
 Ему мешают спать воспоминанья,
 И с вечера
 Он жаждо
 Утра ждет.
 И солнце, золотясь, восходит ввысь,
 Венчая утро северной природы,
 И видит:
 Зимостойкие породы
 На берегах Славянки собрались.
 ...А новых пней все больше у пруда.
 В душе и боль и горечь от пропажи,
 Что старые деревья навсегда,
 Как говорят,

уходят из пейзажа.

Они встречали пушкинский восход,
Они закат державинский встречали,
И вроде бы вчера у этих вод
Еще концертам Штрауса внимали.
И видели в бою мужицкий пыл,
Редутов неприятельских останки,
Когда на берегах реки Славянки
Великий Петр на славу шведов бил.
А сколько отгремело бурь и гроз,
Тревожно до сих пор пылают зори...
И сколько неопознанных историй
Блуждает между сосен и берез!
Но, заслонив легенды старины,
Бессмертною останется, быть может,
История двенадцати дорожек,
С последней уцелевшая войны.
Останется и, выйдя на простор,
Поднимется над всем былым и сущим,
Как поколеньям нынешним укор
И как предупреждение — грядущим.
Ничто теперь стереть не сможет
В горящей памяти моей
Двенадцать узеньких дорожек —
Двенадцать солнечных лучей,
Что разбегаются в порядке
От круглой праздничной площадки,
Чтобы замкнуться снова вдруг
Уже в большой песчаный круг.
Как колесо зари-зарницы,
Блистает утром этот вид,
Где золотой певучей спицей
Дорожка каждая горит.
И ось всего, конечно, он —
Властитель солнца — Аполлон.
Он свет несет самой природе,
И кажется нам потому,
Что от него лучи исходят
И возвращаются к нему.
И Музы, дрёму отряхая,
С призывной нежностью в очах
В его купаются лучах
И по нему тайком вздыхают.
К чему искать тому причины?
За миновавшие века
Безукоризненней мужчины
Не обнаружилось пока.

А Музы глаз не лишены
 И— покровителю верны.
 В их тесном круге нет раздора,
 И не случайно с вешних гор
 С цветами к ним спустилась Флора
 И загостила до сих пор.
 И — вся как вызов жизни серой —
 Достойных здесь найдя подруг,
 Прекраснобедрая Венера
 С собой замкнула этот круг.
 Но, нарушая все каноны,
 В какой-то летний день зеленый,
 Открывшимся поражена,
 К подругам верным Аполлона —
 Жива, глазаста и смышлена —
 Еще прибавилась одна.
 Она вошла сюда несмело,
 Как будто в сказку-забытье.
 По банту крупному горело
 В косичках рыженьких ее.
 И с миром древности высокой
 Необъяснимую
 Глубоко
 Она почувствовала связь,
 Хотя вошла сюда впервые
 В такие годы голубые,
 За руку мамины держась.
 И здесь

в младенческом восторге

Ее —
 прозрачное насквозь, —
 Как саночки по снежной горке,
 Счастливо детство пронеслось.
 Ах, как она благодарила
 Судьбу, которая взяла
 И всю отцову службу тыла
 Как есть сюда перевела.
 ...С тех давних пор сошло немало
 Снегов, промчался их поток,
 И пар пятнадцать истоптала
 Она в скитаниях
 Сапог.
 Но как бы ни был страшен холод,
 И крюк велик,
 И путь далек —
 Всегда отыскивала повод

Заехать к Музам на денек.
 И в парк,
 Прямехонько с вокзала
 Она являлась поутру.
 Ах, как Славянка ликовала,
 Свою приветствуя сестру,
 Которую, встречая рано,
 Бывало, павловский народ
 Кто просто Нюрою,
 Кто Анной,
 А кто и Нюшкой назовет.
 Вставало летнее светило,
 В душе разбуженная сила
 Справляла с солнышком родство.
 И долго женщина бродила
 Над речкой детства своего.
 А перед ней —
 Что ни дорожка
 И что ни новый поворот —
 То Музы бронзовая ножка,
 То римский профиль промелькнет.
 Казалось бы, такая малость,
 Туманный отблеск вечных звезд...
 А сердце снова поднималось
 До восхищения и слез.
 Стократ и ранено ибито —
 Горело нежностью с утра,
 И забывая все обиды
 Желало миру лишь добра.
 Как будто здесь, где свет притушен
 Под сенью сомкнутых ветвей,
 Легко
 Божественные души
 Переселяются в людей.
 Не сказка новая о чуде —
 А через несколько минут
 Вконец измученные люди
 Самих себя не узнают.
 И, захлебнувшись высотою,
 Они,
 Подняв воскресший взгляд,
 Над всей тщетой и суетою
 На крыльях солнечных парят.
 И жалко, холодно скитальцам,
 Познавшим эту благодать,
 С небес высоких опускаться
 На землю грешную опять.

Хотя, вернувшись к непокою,
Душа не знает, смятена,
Что возвращается другою —
Уже очищенной — она.
Как бы в сияющей оправе
И в новой силе и цвету
Готова к подвигу и славе,
Долготерпенью и кресту...
За чистый свет преображенья
Обязанной почти с рожденья
Считала женщина себя
Святыням вечным,

что в России

Живут, как все, под небом синим,
Жару и непогоды терпя.
Сроднившись с русскою державой,
Они срослись навек со славой
Ее и новой, и былой
И, обживаю эти дали,
Давным-давно и сами стали
Ее священна землей.
И этот круг, такой чудесный,
В сединах женщине опять,
Как храм под куполом небесным.
Печально было покидать.
...Но вот в одну из здешних улиц
Однажды — чуть ли не тайком —
На жительство она вернулась
С одним сиротским узелком.
И по дворам поплыли слухи,
Все вперемежку:
Страх и чушь.
Гадали сивые старухи,
На чем «пропал» Анюткин муж?
...Они клеймеными заснули,
Годов тридцатых сыновья:
Предупредила вражьи пули
Опередившая свою...
Но все же старые товарки,
Подняться Анне помогли
И работёнку в том же парке
Ей подходящую нашли.
И, торжествуя, ей в угол
Вручили новую метлу.
Теперь от Муз не уезжала
Она подолгу на покой.

Да у нее семьи, пожалуй,
Теперь и не было другой.
И Музы словно стали ей
В замену собственных детей.
Порой она под свод лазури
Сюда вбегала налегке,
А мальчик голенький Меркурий
Стоял с игрушечкой в руке.
И у нее в который раз
Дрожали лучики у глаз.
Потом со светленькою челкой
Ее встречал другой мальчонка.
В нем был стесненным каждый жест,
Лишь иногда он утром ранним
С подобострастным замираньем
Касался бронзовых божеств.
А после тихо шел до дома,
Как будто ждал огня и грома.
А тетка Нюра
Со значеньем
Сюда водила молчунка,
Приняв его на попеченье
От забулдыги-свояка.
Мол, поживет в таком раю,
В неповторимом этом чуде —
Скорей былое позабудет
И душу выправит свою.
И тетки Нюрины подружки
Порой за мальчика брались:
«Ты полюбуйся-ка, Колюшка,
Какой еще бывает жись...»
А Колю звук тревожил каждый...
Он был из тех, кто с острой жаждой
Воспринимает бытие,
Кто, к красоте придя однажды,
Уже не может без нее.
И до конца,
За годом год
То краски трет,
То глину мнет.
И тетя Нюра с честным жаром,
Заметив Колин интерес,
Его улыбкой поддержала,
И (хоть деньжат всегда в обрез)
Для достиженья светлой цели
В ларьке купили акварели.

Теперь, стараясь на приволье,
 Она любила наблюдать,
 Как братца бронзового Коля
 Себе срисовывал в тетрадь.
 Так и жила себе она!..
 Пока не грянула Война.

• •

Чадили августовские закаты
 Угарным дымом низких облаков.
 Земля ловила дальние раскаты
 Ушами деревянных чердаков.
 А утром разносились птичий трели,
 Дымился над Славянкой мокрый луг.
 Как до войны, в ветвях зорянки пели,
 Но слушать птичек
 Стало недосуг.
 Другие птицы взмыли в поднебесье,
 Кружили с воем тягостным во мгле.
 Уже с другим —
 Стальным отливом
 Песни
 Валами заходили по земле.
 «Вставай, страна огромная,
 Вставай на смертный бой
 С фашистской силой темною,
 С проклятою ордой!»
 Был сердцем каждый день
 За год засчитан.
 Рвались фугасы,
 Плавился гудрон.
 И выглядел особо беззащитным
 С колчаном стрел
 Бесстрашный Аполлон.
 Дрожали Музы под прикрытием листвьев,
 Но Бог,
 Себя умевший не щадить, —
 Как ни был благороден и воинствен, —
 Бессилен был
 от пушек защитить.
 И потому, пока огонь орудий
 Не преступил последнюю черту,
 Спешили измотавшиеся люди
 От варваров упрятать красоту.

Мол, если в этой новой преисподней,
Среди разбоя, крови и смертей
Не позволяет враг ей жить сегодня —
Мы сбережем ее до лучших дней.
Не зря же,
Одолеть упрямство силясь,
Не думая о звоне серебра,
Веками над античным камнем бились,
В бесконницах горая, Мастера.
Чтоб человек, смотря на этот камень —
На вечный вызов тлену и тщете, —
Как раб не трепетал перед богами,
А сравнивался с ними в чистоте.
Ведь мастера, наверно, понимали,
Что сами,
Отказавшись от завес,
Когда владык Олимпа раздевали, —
Их опускали на землю с небес.
А то была особая проверка
В годины лицемерия и зла.
Но красота не только не померкла —
Еще земную силу обрела.
Тогда ее подняли над собою
И понесли по свету на щите,
И целые империи
Без боя
Сдавались в плен античной красоте.
И, обжигая душу на морозе,
Исполненные света и добра,
Ее запечатлели в чистой бронзе
Российские большие мастера.
И нынче люди думали тревожно,
На Муз смотря сквозь пыльные листы:
Нам поступиться ими невозможно,
Ведь нам впредь не жить без красоты.
А если так — мы пожили немало,
Мы опыт предков свято берегли,
И тайника надежней не бывало
Открывшейся отеческой земли.
И Музы,
На людей взглянув прискорбно,
Легли под громы пушечной пальбы,
С холодной молчаливостью, покорно,
Как спящие красавицы — в гробы.
Их склонили сзади постаментов
И сели отдохнуть на берегу.

Не сомневаясь — счастливым моментом,
 Что сроду не додуматься врагу,
 Что у него — да чуть не на подносах —
 Сокровища лежат под самым носом.
 Земельку на могилах разровняли,
 Ровнехонько засеяли травой.
 И долго беспокоились:

едва ли

Она достигнет в росте остальной.
 Но тут уже взялась сама природа:
 Добавила к полуночи тепла,
 Лучами обласкала утром всходы
 И дождичком под вечер полила.
 А лишь окрепла травушка немного —
 Как холодом дохнуло с высоты,
 И, разметая ветром по дорогам,
 Листвой запорошило все следы.
 И тетя Нюра с радостью глядела,
 Как закружились все и завилось.

Спасенье Муз —
 Почти святое дело —
 Неужто без нее бы обошлось!
 Земля моя, как мне тебя понять —
 Влюбленному в снега твои и сосны?
 Для всех ты одинаковая мать,
 Но почему так дети разношерстны?
 Меня съедает горькая тоска,
 Что в сокнутом бедою общем строе
 По трусу и предателю пока
 Приходится на каждого героя.
 Дрожат, хотя ничто им не грозит,
 Всегда дрожат за собственную шкуру.
 И вот какой-то местный паразит
 Ткнул-таки ржавым пальцем

в тетю Нюру.

И повели ее, и повели
 Меж двух тупых стволов морозной стали.
 Дорожки холдеющей земли
 Под кованцами недругов дрожали.
 Ее вели, а ветер дул в лицо,
 Листву крутил у стоптанных сапожек.
 Померкло золотое колесо
 Заброшенных двенадцати дорожек.
 Ее прикладом ткнули: «Поживей», —
 И повернули к липовой аллее.

Забилось сердце вроде посмелее
 Под шепот ободряющих ветвей.
 Но вот она споткнулась на ходу,
 В глазах со светом тьма перемешалась,
 И горло пересохло —
 На виду
 Аллея трупов медленно качалась.
 И конвоиры женщину вели
 Под ветками,
 Прогнувшимися тяжко.
 И было слышно
 бульканье во фляжках
 И листьев шевеление в пыли.
 Не чувствуя почти земную твердь,
 Шла женщина,
 Продуманно ступала.
 И только в плечи голову вбирала,
 Чтоб за ноги несчастных не задеть.
 Но — слава богу — скоро наконец
 Открылся императорский дворец.
 Пришельцы смотрят сквозь табачный дым.
 Крыльцо не одолеть единым махом...
 Куда входила с трепетом святым —
 Заходит,
 трепеща уже от страха.
 И всё страшней,
 И всё слышней, слышней,
 Как двери
 закрываются
 за ней.
 Потом суют ей
 Колину тетрадь
 (Какая дрянь успела передать?),
 И переводчик цедит, насторожен:
 «Немецкий генерал желает знать,
 Где статуи двенадцати дорожек».
 И тетя Нюра, стоя, как в дыму,
 Изображает глупую невинность:
 «Чего вас беспокоит, не пойму.
 Я грамоте-то мало поучилась».
 И начала, смелая, заливать,
 Что у нее и двоек было мало,
 Да как-то уронила с печки мать —
 С тех самых пор и памяти не стало.
 И хохотнула дурочкой в конце.

Но нету веры ей ни на толику:
Общенье с божествами
На лице
Оставило серьезную улику.
И вот ее выводят из дворца,
Ведут туда, к божественным подножьям,
И тут у переводчика с лица,
Пропитанного хитростью и ложью,
Сошла полу презрительная злость,
Из рыжих глаз сиянье полилось.
Мол, генерал немецкий очень-очень
Ее судьбою вдовьей озабочен.
Он знает, что ей вынести пришлось,
Наслышен и об участии супруга,
И так хотел бы, если б удалось,
Помочь по праву истинного друга.
Он знает, что для бедного пятак...
К обиженным всегда имея жалость,
Он может для нее устроить так,
Чтобы она до смерти не нуждалась.
Но дворничиха,
Старое дурье,
Не понимая важности событий,
Заладила, как пьяная, свое:
«Не знаю, про чего вы говорите».
И ставится вопрос тогда ребром,
И переводчик рубит с раздражением:
«Помочь не соглашаешься добром,
Тогда узнай последнее решенье:
Не наберешься толку и ума
И статуи не выдашь в наши руки —
Одну из них
Заменишь ты сама,
Других —
приемыш твой, твои подруги».
И небо затуманилось вдали,
И замерло напрягшееся тело.
Слова и до сознанья не дошли,
А в жилах кровь уже похолодела.
И раскололось солнце на куски,
И раскачались облачные своды,
И вспомнилось до рези и тоски
То время безогляднейшей свободы,
Когда девчонкой бегала сюда
И шла влюбленной девушкой в печали,

И Музы, словно сестры,
 никогда
 Ее высокомерно не встречали,
 Припомнила —
 И будущие дни
 Представила до дрожи, до ознобья,
 Где постаменты голые одни
 Темнеют под дубами, как надгробья.
 И у всего такой сиротский вид
 (Без Муз вовек не может быть иначе),
 И Коля на скамеечке сидит
 С тетрадкою в руке и горько плачет.
 Он не простит,
 Он вспомнит ей не раз,
 Как тетка, придержав свою строптивость,
 От жребия ниспосланного
 враз
 Святынями народа
 Откупилась.
 И ни на чье доверие и впредь
 Она уже рассчитывать не вправе,
 И с этим жить,
 И с этим умереть —
 Не выжечь,
 Не забыть
 И не исправить...
 Она взглянула снова на закат.
 Не будет на нее никто в обиде.
 На немцев подняла усталый взгляд
 И головой качнула: «Уводите».
 ...А утром,
 Когда птицы пьют росу,
 Снуют меж уцелевших маргариток,
 Досталось золотому колесу
 Стать колесом средневековых пыток.
 Фашисты, багровея от вина,
 Его вертели в ярости и злости,
 И, местность оглашая,
 Дотемна
 Хрустели человеческие кости.
 Бесились фрицы: что за колдовство?
 И колесо раскручивали снова,
 Но, выбившись из сил,
 НИ ИЗ КОГО
 Не выжали предательского слова.

И, не боясь господнего суда,
За бронзовую каждую тогда
Фашисты
 под ветров истошный вой
Повесили
 по женщине живой.
Повесили, раздевши до рубах,
На молодых тогда еще дубах,
И хвастались работою успешной:
Картина впечатлительнее прежней.
Ходили по площадке — грудь горой.
Качались трупы меж ветвей усталых
И пальчиками голыми порой
Нечаянно касались
Пьедесталов.
Через неделю
Несколько вояк
Окоченевших висельников сняли
И тут же, у деревьев,
 кое-как
С привычным равнодушьем
Закопали.
Не видел немец,
 в сумерках сырых
Усевшись покурить под деревами,
Что с Музами
 спасительницы их
В земле почти касались
Головами.
А над покоем их, поражены,
Случившемся веря и не веря,
От горя и бессонницы черны,
Молчали оскверненные деревья.
...Давно минули те крутые дни,
И радостно шумит любая ветка.
Никак не могут в парке лишь они
Прийти в себя
Спустя и четверть века.
Роняют вяло желуди в траву,
Как будто избавляются от груза,
И надевают новую листву,
И носят, будто старую обузу.
Их понимает только человек,
И на дитя похожий и на старца.
Страдалец обречен судьбой навек
От них сбегать

И к ним же возвращаться.
Уже за сорок, видимо, ему,
А он в эпоху буйного модерна
Так и остался Колей,
потому
Что родился художником, наверно.
Его друзья порою невпопад,
Ломая и роняя папиросы,
О скульпторе
Гордееве шумят,
Кричат о Воронихине и Росси.
И пьют за Колин редкостный удел:
Будь он тогда бы дома на рассвете —
На месте бы Меркурия висел,
Да вовремя упрятали соседи.
Спасибо им,
он помнит их добро,
Гордится с ними крепнущим союзом.
Он дышит хвойей,
Слышит шум ветров
И по субботам приезжает к Музам.
Они, как прежде, нежатся в тепле
Под ясною небесной синевою.
А тетя Нюра там,
В холодной мгле,
Давно корнями стала
И землею.
Но всякий раз, один бывая здесь,
В какое-то рассветное мгновенье
Художник слышит,
как благую весть,
Задумчивое ангельское пенье.
Он словно слышит, глядя на восход,
И напряженной чувствует спиною
Замедленный таинственный полет
Прекрасных душ,
Загубленных войною,
Что прячутся от глаз других людей
В трепещущей листве,
В тени случайной
И сверху вниз,
Откуда-то с ветвей,
Поглядывают кротко и печально.
И вот когда, пронизаны зарей,
Деревья вновь не так больны и хмурьи,
Он различает явственно порой

Неукротимый голос тети Нюры.
 И вновь пьянят открытье, как вино,
 На легком постоявшее морозе,
 Что те двенадцать женских душ

давно

Вселились и живут в античной бронзе.
 Так вот откуда в Музах столько сил,
 Земных страстей, свободы и печали,
 Вот почему,
 Свои в ряду светил,
 Они еще и нам
 Своими стали!
 А воздух золотится, невесом,
 Песочек по дорожкам словно льется,
 И катится по жизни колесо,
 Сверкая всеми спицами на солнце.
 Но вспомнить и сегодня не грешно,
 Как над Россией солнце заблистало,
 И всем богиням время подошло
 Занять
 Свои места
 На пьедесталах.

• •

Вблизи двенадцати дорожек,
 Где при погоде непогожей
 Был справлен тот арийский пир,
 В земле со дня захороненья,
 Как все, ждала освобожденья
 Скульптура мраморная —
 Мир.
 И вот служителями парка
 Уборка свернута и варка,
 С утра покинуто жильё.
 Сюда, сюда народ стекался,
 Никто, никто не сомневался,
 Что надо начинать —
 С неё.
 Ведь обещаньем жизни, света
 Для всех была скульптура эта
 Под небом Родины литым,
 Она сулила счастье дому
 И дорога была любому
 Одним уж именем своим.
 И потому легко вначале

Лопаты о землю стучали,
 Звенели, душу веселя.
 Но неприступней стала втрое
 От свежей ржавчины и крови
 Отяжелевшая земля.
 Она как будто в полной мере
 Уже боялась
 Мир доверить
 Питомцам горестным своим,
 Хоть ветер близкой Пискаревки
 Гудел о долгой голодовке
 И жертвах голосом глухим.
 От напряженья,
 Долгой муки
 Тряслись у старых женщин руки,
 В глазах мутился белый свет.
 Дорылись наконец.
 И что же!
 Мороз... Мороз прошел по коже:
 Все доски — тут
 Скульптуры — нет.
 И, потрясенные, в печали
 Молчали женщины, молчали,
 Как бы лишившись разом сил.
 Не возникало и сомненья,
 Что Мир
 Во время отступленья
 От злобы немец погубил.
 Но было все, как прежде было:
 И не раскопана могила,
 Замет не сбито ни одной.
 А приглядеться настояще,
 Не стронут даже с места ящик,
 А только выломано дно.
 Что за таинственная сила?
 И Колю словно осенило.
 Обычно робок и несмел,
 Тут, оказавшись первым в яме,
 Он начал землю рыть руками,
 И странно взгляд его горел.
 И люди поняли без слова
 Догадку Колину.
 И снова
 Ладоням было горячо.
 И скоро свежестью пахнуло,
 Лишь белым мрамором сверкнуло

Высокородное плечо.
...Художник после много думал
О том трехлетии угрюмом,
Где цвел и правил произвол.
И Мир
Под плач родной березки
Сам продавил локтями доски
И в землю-матушку ушел.
Чтоб не душил кровавый запах,
Чтоб не стонать в садистских лапах –
Пусть лучше камни сдавят грудь, —
Не знать,
Не слышать чуждой речи,
Весь шар земной взвалить на плечи -
А до Победы дотянуть.
И вот она пришла, Победа,
В листву зеленую одета,
Пришла в короне майских гроз,
Явилась с полной чашей счастья,
Надежд, и славы, и согласья,
И бурной радости, и слез.
Но до нее не каждый дожил.
И нынче памятен до дрожи
Обряд военных похорон.
И видеть лишь дано счастливцам,
Как синь на солнце золотится
И Мир
На место
Возвращен.
В нем та же стать
И та же воля,
И доброта ржаного поля,
И тишина морских глубин.
Но только больше, чем когда-то,
Лицом похожий на солдата
Стал этот Мир.
Из-за щербин.
А возле ног его, как ранка,
Сочится тихая Славянка,
Тальник прибрежный шевеля.
Порою в сумраке зелёном
Она вздохнет —
И долгим стоном
Ей вторит русская земля.

деревья

Горят
деревья

мозги



1972

Мурзагул

СТИХИ И ПОЭМЫ

«Северо-Западное книжное издательство».
Вологда.

слова и слова

и языки

1

• • •

Катятся тяжелые колеса,
Ухают железные мосты,
И, зажав глазенки,
на откосах
Вздрагивают ранние цветы.

Провода дрожат от напряженья.
Брызжут искры с проволочных жил.
Грохот безоглядного движенья
Всей округе уши заложил.

...Так, устав от бешеної погони,
Взял и где-то вышел наугад.
Просто захотелось сердцу вспомнить.
Как же колокольчики звенят...

• • •

Солнышко выгуливает мало,
В половину прежнего тепла.
Понимаю:
Лето миновало.
Соглашаюсь:
Осень подошла.
Стали птицы певчие неслышны,
Стали тучи хмурые низки,
Даже для редакторов излишни
Объясненья нынешней тоски.
Не могу смотреть, спокойно мысля,
На деревья
В тусклом свете дня,
Будто не они роняют листья,
А одежды ветер
Рвет с меня.
Не избыть тревоги и смятенья,
Что с природой северною в лад,
И в любви
Кончается цветенье,
Подступает ранний листопад.
Только ветви шепчутся над ухом,
Что — пускай ломает и сквозит —
Все равно не надо падать духом:
Гибелю отчаянье грозит.
Как, уже предчувствуя морозы,
Отходя к безрадостному сну,
Жили бы осенние березы,
Если бы не верили
В весну?

• • •

Погляжу в окно,
А в окне темно,
Ничего в окне не видать.
Дохлебаю суп,
Подхвачу тулуп,
Заберусь на печь — благодать.

Подремлю чуток,
Отогрею бок,
Повернусь потом на другой.
Не гудит в трубе,
Не сквозит в избе,
И не лают псы за рекой.

Но прступит вдруг
Отдаленный звук
Одинокого бубенца,
У ночных ворот
Точно конь всхрапнет —
Скрипнут саночки у крыльца.

И войдет она,
Как струна, стройна
И живая вся, как огонь:
«Принимай гостей,
Вместо сладостей
Доставай вина и гармонь».

Закружится хмель,
Как в полях метель,
Ахнут острые каблуки.
И под этот пляс
На обоях враз
Зацветут, шумя, васильки,

Но в последний миг
Вдруг раздастся крик,
Неотесанный крик такой...
Загудит в трубе,
Засквозит в избе,
И залают псы за рекой.

Мужички войдут
И с собой внесут
Запах курева и кобыл.
«Ты чего лежишь,
Потолок коптишь,
Как друзей встречать, позабыл?»

Я сползу с печи,
Отыщу ключи
И полезу, ворча, в закут.
«Чтоб вас черт побрал,
Чтоб вас пес подрал —
И во сне вздохнуть не дадут».

• • •

Говорят, я родился с рассветом
 И с неделю, наверное, рос
 Под коклюшечки звонкие веток
 Кружевниц вологодских — берез.
 С той поры и в дожди, и в морозы
 В обжитом неизменном kraю
 Мне сопутствуют в жизни березы,
 Освещая дорогу мою.
 Оглянусь — словно солнечный зайчик
 Наведу на сквозящий лесок:
 Пьет весенний застенчивый мальчик
 Из надреза
 березовый сок.
 А потом у широкой излуки,
 Набродившись по запаням днем,
 Согревает иззябшие руки
 Над березовым ясным огнем.
 Мне судьба не сластила,
 Но все же,
 Как признанье, прислала в свой срок
 На девичье сердечко похожий,
 Золотой, словно юность, листок.
 Ах, как слов мои губы боялись!
 И нашлись посмелее, нашлись...
 Мы под той же березой расстались,
 Под которой однажды сошлись.
 Тихо солнце сползло с поднебесья.
 Но к утру
 В утешенье души
 Те же ветви
 Прозрачную песню
 Нашептали мне в зябкой тиши.
 Пусть дорога бежит через грозы,
 Но выводит к желанным огням.
 Пусть шумят, разбегаясь, березы
 По обеим ее сторонам.
 А в конце
 на прощальном закате,
 Погрустив о дорогах земных,
 Брошусь к русским березам в объятья
 И под утро растану средь них,..

• • •

Мои долги подсчитывал собрат.
И думал я уже не без причины:
Не зря его устраивали в сад
И в школе арифметике учили.

Как нравилось ему слова крутить,
Вообразив себя судьей со стажем,
И с паузами
Мерно говорить
И превосходство чувствовать
Над старшим.

Нет, он не из пустых воображал,
Он чужд высокомерию и барству.
Но я катастрофично задолжал
И матери,
И даже государству.

И в голосе его звучал металл,
Слова едва влезали в рот: большие.
Но сладко обнажать долги чужие,
Пока своих еще
Не осознал.

• • •

Все истосковалось,
Все изныло,
Все перемешалось — даль и высь.
Где же,
Где же ты, мое светило,
Что же ты скрываешься?
Явись!

Неужели вечному бездомцу,
Павшему и вставшему опять,
Знавшему одно стремленье — к солнцу!
Так в холодной мгле
И доживать?..

• • •

Крутые отрицатели покоя,
Трудясь,
Борясь,
Мы говорим опять:
Уж коли счастье,
то давай такое,
Чтобы двумя руками
Не поднять.
Мы меньшим радостям почти не рады,
И нас не убедить с тобой вовек:
Мол, где же их возьмешь,
таких громадных,
Для стольких миллионов человек.
И все же
Под шуршанье мокрых листьев
И светлый шелест родниковых струй
Спасибо тебе, милая,
За чистый,
Единственный
Далекий поцелуй.



1975

Михаил

СОЛНЕЧНАЯ СТОРОНА

«Современник».
Москва.

Избранные

Слова и слова

и как звонят

• • •

Какая даль лежала предо мной...
Я, чувствуя причастность к ней и гордость,
Смотрел в нее и знал,
 что за спиной
Не менее прекрасная простерлась.
Светило солнце светом поздних сил,
Леса роняли медленно убранство,
И белый храм, как облако, парил
И озарял дремавшее пространство.
«Россия! Как легко с тобой вдвоем», —
Шептал я и взывал к кому-то: «Братцы,
Пока мы эту землю не поймем,
Нам до конца в себе не разобраться».
Последних журавлей печальный клич
Катился в светозарную безбрежность...
(А мы не можем до сих пор постичь,
Откуда в нас такая боль и нежность.)
Река горела сдержаным огнем,
Над нею глыба каменная стыла...
(А мы себе вопросы задаем,
Откуда наше мужество и сила.)
На горизонте высились бугры,
И дальше заслонялось диском солнца
То, что пока в нас дремлет до поры,
Но все равно когда-то
Отзовется...

• • •

Какое все-таки блаженство
В траве раскинувшись лежать,
Ни словом суэтным,
Ни жестом
Движенью жизни не мешать.
Когда, забыв о прежних муках,
Довольный всей своей судьбой,
Зеленый мир
В цветах и звуках
Стоит, как праздник, пред тобой.
Пускай в листве большого дуба,
Перебирая дни свои,
Как мужики,
свежо и грубо
О жизни судят воробы.
И в ожиданье белой ночи
Благоухает белый сад.
Пускай кузнечики стрекочут,
Жуки навозные ворчат.
И не пугает слишком ныне
Средь неизбежных перемен,
Что смерть когда-то все отнимет
И ничего не даст взамен.
Пусть лучше думается смело —
И прежде прочего всего, —
Что в жизни делается дело
Не без участья моего.
Что этот свет мне всё дороже,
И я ищу всё больших дел
Не потому, что стал моложе,
А потому, что не старел.

• • •

Природа пробуждается от сна,
Не сразу обретает ясность взора.
Еще и ночь как будто не тесна,
И хочется рассветного простора.
Пока неясны шорохи в лесу,
И звон росы проходит мимо слуха.
Но от травинок щекотно в носу,
И шмель тепло гудит над самым ухом.
И сразу встать как будто нету сил,
И сладко так,
и каждый мускул тянет.
Но как бы ветер пылью ни крутил,
Ее глаза ничто не затуманит,
Когда в озерах блещут караси,
И журавли протопали к болоту,
И муравьи,
муравкой закусив,
Артелью дружной вышли на работу.
От певчих птиц прогнулась тишина.
Едва пробился первый лучик солнца
Россия пробуждается от сна
И то ли будет,
Как совсем проснется.

• • •

О, сколько в солнышке лукавства!
Опять его лучом внаклон
На два неравных государства
Мир прихотливо поделен.
И все, которым удается
Закончить наскоро обед,
Смеясь, даваясь —

скорей на солнце!

Летят, как бабочки на свет.
А солнце жару поддает
И молодым и старым поровну,
И ослепленный пешеход
Не видит теневую сторону.
Но я уже бывалый гусь,
Я покажу светилу спину,
В тени немножко постыну —
И не спеша поосмотрюсь.
А здесь, в тени, в шагу от солнца,
Не так дурманяща трава,
Уже ровнее сердце бьется,
И не кружится голова.
К тому же отсюда —

в шуме, в гаме

Во всех подробностях видна
С людьми, с портретами, с домами
Вся солнечная сторона!

• • •

Нынче снова дождь хлестал по окнам,
И опять, тоскою обуян,
Всю-то ночь ворочался под боком,
Маясь, Ледовитый океан.
Видно, и ему, своим туманом
Простужающему города,
Сквозняки осенних расставаний
Тоже не проходят без следа.
Потому мне так понятны нынче,
Как ты их умело ни таи,
Милые, застенчиво-девичьи
Страхи немудреные твои.
Да и я в прощальное свиданье
Отшутился на твою слезу:
«Самых синих северных сияний
Я тебе на платье привезу».
Добрая, прости мне эти муки,
Не суди за нынешний уход.
Снегом затянувшейся разлуки
Трижды георгины занесет.
И пойми, что к сопкам нелюдимым
Не от глаз твоих я убежал:
Просто до тебя, моей любимой, —
Я себя России обещал.

РОССИЯ

Ты в белых реактивных дымах
 И громе ковки и литья
 На всех — одна,
 Для всех — едина
 И все жу каждого
 Своя.
 Я с малых лет тебя запомнил,
 Когда в мой сон под пенье стрел
 Влетали бешеные кони,
 Клубы пуская из ноздрей.
 И ты
 С замуравевшей пашни,
 Шелом надвинув на виски,
 Глазами Муромца
 Бесстрашно
 Смотрела вдаль из-под руки.
 Потом из песен бабки древней
 Под чистый звон лесных ключей
 Являлась ты ко мне
 Царевной
 С голубкой белой на плече.
 Да и сейчас еще, Россия,
 Ты снишься мне царевной той:
 Не выцветает взор твой синий,
 Не меркнет волос золотой.
 Лишь в строгих линиях портрета
 Я различаю все ясней
 То гордый нрав
 родного деда,
 То нежность
 матери моей.
 И чаще в памяти бессонной
 Встает при имени твоем
 Крестьянка,
 что рассвет студеный
 На коромысле вносит в дом.
 Застыли лунным светом в прядке
 Годины горя и потерь:
 Хватало раньше слез солдатке,
 Не занимать их и теперь.
 И понимая бабью участь,
 Тревожась о ее судьбе,
 Я думаю, гордясь и мучась,
 Всегда, Россия, о тебе.
 Восторг мальчишеский не гаснет.
 Хотя некошеным лужком

Ты ходишь
не в сапожках красных,
А чаще
просто босиком.
И пусть давно былинный ратник
Умчал за тридевять морей.
Теперь ты ближе и понятней,
И потому
Еще родней.

1

На родине моей пустынно и светло.
Давно ль цветы от зноя
жмурились капризно,
А нынче им по горло
снегу намело.
Ну, что же,
 узнаю характер твой, Отчизна.
Пройдет еще неделя,
 может быть, и две.
Сорвавшихся ветров
 спадет волна крутая,
И вспомнишь ты
 о рано сгубленной листве
И затоскуешь так,
 что даже снег подтает.
Но к полдням золотым
 отрезаны пути.
И поздно горевать
 о ласточке последней.
Ты лучше добрый случай
 вновь не упусти
И с зеленью грядущей
 будь помилосердней.
А нынче продолжай,
 коль круто начала,
Чтоб дольше поминалось то,
 что нам не внове.
Никто не был баклуш,
 никто не ждал тепла:
Все лыжи на мази,
 и шубы наготове.
Обычный ритм
 рабочей бодрости в душе,
Двойной запас тепла
 и мудрости в народе.
Приезжие
 домой уехали уже,
А здешние
 давно привыкли к непогоде.

РОДНОЕ

За годы я кругов наделал...
В судьбе, скитальческой досель,
Каких не видано пределов,
Каких не встречено земель.

Сады, открывшиеся глазу,
Дворцы и замки на воде...
Теперь и вспомнишь-то не сразу,
Когда увидел,
С кем
И где.

Чужие горы или дали,
Не раз похваленные вслух,
Самой души не задевали,
Хоть и захватывали дух.

А вот — изба.
Бот — кадка в сенцах.
Да луг.
Да лошадь у пруда.
А все вошло однажды в сердце
И в нем осталось
Навсегда.

ОДНА

(Лирическая поэма)

По вечерам,
 Когда свободней духу
 Среди знакомых звуков и огней,
 Я часто вижу
 Грустную старуху
 У древних, как преданья, тополей.
 Ее домишко,
 Что присел в низине,
 Туманами источен до сучков.
 Но в сморщенной глазнице мезонина
 Блестит фрамуга
 Стеклышком очков.
 А там в углу
 На пасху и на святки
 Из пыльного венца
 бумажных роз
 Глядит в упор
 На робкую лампадку
 Серьезный
 Немигающий Христос.
 И с улицы соседки смотрят строго,
 Как будто предрекательницы зла,
 На проруби
 смеркающихся окон
 В ледке
 голубоватого стекла.
 И я бы тоже здесь ходил ночами,
 Сутулясь и поеживаясь чуть,
 Когда бы мне не выпало случайно
 В осевшую халупу заглянуть.
 Там был сантиметровыми щелями
 На половицы разлинован пол.
 Видать, большак
 Разутыми ногами
 По ним давно
 Последний раз прошел.
 Хозяйка стопки вытерла устало,
 Подогревая чаем разговор,
 И на печи
 Из валенка достала
 Пригретый недозревший помидор.
 Я скоро знал размер ее «получки»
 И что она из тех, кто по сей час
 Последние запасы вышлет
 Внучке,
 Перебиваясь сама с воды на квас.

А чтобы мир обрести
в небесном царстве,

Старуха
У кладбищенских ворот
Из пенсии,
Что дало государство,
На водку
Побирушкам
Подает.

И счастлива в любую непогоду
До главпочтамта заметать листву,
Пока нужна,
Хотя бы раз в полгода,
Своим —

пускай грошовым —

переводом

Единственному в мире существу.

Оно в Москве.

Но, у окна дежуря,
Старуха вдруг увидит внучку:
Вот,
Как будто под зеленым абажуром,
Светясь,

она под зонтиком идет.

Иль в отсветах июльского заката
С концерта
Со взъерошенным юнцом
Легко плывет под «Лунную сонату»
В избушку с покосившимся крыльцом.
Старуха долго водит мутным оком...

И так бывает рада —

до тоски —

На полстранички
Торопливым строкам
Родной,
Но изменившейся руки.
Но письма — что?
Лежат они на полке
Средь пузырьков и пыльных буквareй..
От писем, в общем, радости недолги,
А горечь одиночества —

острей.

И плакать вслух старуха не решаясь,
Почует знобко пустоту в избе

И вдруг —

полусознанную жалость

Впервые за прожитый век —
 К себе.
 Всегда свои дела,
 Свои заботы...
 Вот с громом
 Стороной и пронеслись
 Следы от реактивных самолетов,
 Как сердца не коснувшаяся жизнь.
 Кому хорошим словом посодила,
 Напомнила приветливостью мать?..
 Калеке, пострадавшему от мины,
 Снеси в палату
 Кисточку рябины —
 И то бы легче было вспоминать.
 Но каждый раз чего-нибудь мешало:
 То нет свободных и пяти минут,
 То ягод народится
 слишком мало,
 А то дрозды
 До срока обклюют...
 Одно добро, что внучку ублажала!
 Так ведь и здесь, —
 коль правды не тая,
 Лишь потому, что кровь-то
 Не чужая,
 Не хромого соседа,
 А — своя.
 Своя кровинка...
 Старую спросить бы
 Перед соседом, битым наповал,
 А он за бабку
 Как за часть России
 Чужую кровь-то, что ли, проливал?
 Пока она, ревнивый страж покоя
 Беды своей
 И радости своей,
 Ольховыми штыками частокола
 Угрюмо заслонялась от людей.
 Тогда она еще владела силой,
 Работала, коль надо, за двоих.
 Сама в нужде
 К соседям не ходила
 И к дому
 Не приваживала их.
 Они и нынче с нею не повздорят.
 Но, оглянувшись памятью назад,

Неразделенных
 Радостей и горя
 Вовеки не забудут,
 Не простят.
 Старуха знает это.
 И, босая,
 Одна,
 Тряпицей промокая пот,
 Ложась в постель,
 Выкладывает саван,
 А утром
 Вновь сует его в комод.
 Уж все постыло.
 Ничего не надо.
 И вот когда затеплилось в душе:
 Теперь больного навестить бы рада,
 Но та рябинка
 Срублена уже...
 А рано или поздно
 день настанет,
 Когда душа пойдет
 На Страшный суд.
 А внучке телеграмму
 С опозданьем
 На трое суток, может,
 Принесут.
 Пугает ли старуху
 то мгновенье,
 Когда сорвется цепь ее судьбы.
 А может, ждет его,
 Как избавленья,
 В сгущающемся сумраке избы.
 Но все же сердце
 холодом обдует,
 Представит только свой последний путь,
 Где некому
 Собрать в дорогу будет
 И некому
 Слезою помянуть...



1976

Женеваль

ПРИТЯЖЕНИЕ

«Северо-Западное книжное издательство».
Вологда.

слова и слова

сах синева

• • •

В годину бурь и тяжкого раздора,
В лихие дни глухого забытья
Ты мне одна и вера, и опора,
Земля неотторжимая моя.

Согнет недуг,
Навалится усталость,
Уйдут друзья, опять пересоля,—
Я помню:
У меня еще осталась
Родимая
Любимая земля.

Она утешит —
я же здесь родился,
Она поймет —
как ни был бы я мал,
Как высоко бы я ни возносился
И как бы низко после ни упал.

И потому под зноем и снегами,
На доброй почве правя бытиё,
Хочу всегда
Обеими ногами
Стоять на ней
И чувствовать ее.

И пусть она помнет и поломает,
Но лишь бы не отвергла в крайний срок.

Кто жил землей,
 тот знает,
 что бывает,
Когда она
 уходит из-под ног...

• • •

Россия, белая от снега
И золотая от сосны...
Следы последнего набега
Уже как будто не видны.
А столько темной хмари было
И горькой мглы наволокло.,,
Но все лазурью затопило
И белым снегом замело.
И над раздольем звучной рани,
Легко катясь во все концы,
Звенят в серебряном тумане,
Быть может, счастья бубенцы.
И, замирая в зябких сенцах,
С особым вкусом,
Не спеша,
Любому звуку вторит сердце
И откликается душа.

• • •

Затосковал по малой родине,
 По белостольному простору,
 По перекатистой поскотине
 И переливчатому бору.
 Дождаться вёдра бы, подумавши...
 Да опостили в столице
 Самоуверенные юноши,
 Самовлюбленные девицы.
 Пускай утешится заранее
 И заиграет сердце снова,
 Услышав в зале ожидания
 Знакомый окающий говор,
 Где мужики и бабы русские
 Сидят себе на лавках, бают,
 Как будто по проходу узкому
 Друг дружке обручи катают.
 Поприглядусь, подсяду рядышком,
 Давая волю нетерпению.
 «Куда направилась-то, баушка?»
 «Да ведь куда...
 К себе в деревню».
 «А где стоит твоя деревня-то?»
 «Да не особенно далёко...
 Деревня наша недалёко —
 У вашей, батюшко, под боком».
 Узнала, старая, узнала!
 «Ну, что ж, кажи, чего набрала».
 «Да набрала добра немало,
 Да все дорогой растеряла.
 Зато полегче бегать стало,
 Теперь лети домой со свистом...»
 От вологодского вокзала
 Я провожу ее на пристань.

Покрыв причал со всей шумихою,
 Гудок растает в зябкой шире,
 И берега расскажут тихие,
 Чем без меня цвели и жили.
 Моя земля — и стать, и силушка,
 Любовь моя, тоска и зависть,
 Я припаду к твоей осинушке
 И навсегда уже признаюсь,
 Что только здесь,
 Где даль растворена,
 Дано почувствовать душою,
 Как эта маленькая родина
 Соединяется с Большею...

• • •

Ну что, казалось бы, такого...
А я ликую и свечусь,
Едва услышу это слово
Совсем коротенькое — Русь.
И волны вновь отпрянут с мола,
И солнце двинется в обход,
А из раскатистого дала
Грозой и порохом пахнет.
Замрет звезда сторожевая —
И не постичь умом уже,
Какие связи оживают
И что творится там, в душе,
Что жизнь готов отдать задаром,
Когда, раздвинув берега,
Дохнут в лицо
Морозным жаром
Родные
Русские снега.

• • •

По старой памяти и дружбе
Припомнить прежние года
К своим товарищам по службе
Я забегаю иногда.
Они уже не те ребята
С цыплячьим пухом на щеках...
И плечи выгнулись покато,
И вены вздулись на руках,
Но что-то все-таки осталось
От тех молоденьких солдат:
И эта малость —
неусталость,
И этот клад —
лукавый взгляд.
Мы посидим,
Сдержав угрюмо
Гастрономическую прыть:
Нам есть и так о чем подумать,
И есть о чем поговорить.
Мы вспомним ржавые болота,
Лесную глуши и непролазь,
Где наша грозная работа
Солдатской службою звалась.
Где звон походного металла
Нас поторапливал в пути,
А слово «Родина»
предстало
Во всем объеме
и плоти.
.Пусть нынче в штатской мы одежде,
Но, поднимаясь в полный рост,
Мы все равняемся, как прежде,
На свет отечественных звезд.
И рады встречам оттого так,
Что жизнь
Среди друзей
Люба,
А их роднит
Одна забота,
Одна работа
И судьба.

• • •

В газете хвалят сенокосы
И небывалый намолот,
Но, видно, по привычке,

осень

Веселых песен

Не поет.

Березы молча смотрят в пруд,

Боятся вдруг спугнуть удачу.

А бабы если и поют,

То все равно как будто плачут.

• • •

Отгорел и потух лес над темной водой.
Ветер в чащу нагнал холдину.
А давно ли на пару
С корзинкой одной
Мы ходили сюда по малину.
Замыкались за нашей спиной ивняки,
Заливались на ветках синицы,
Мы ладошками пили рассвет из реки
И никак не умели напиться.
Запах тмина и меда стоял на версту,
Рдели яблоки красной погоды.
И сейчас до конца не истаял во рту
Привкус в воду склоненной смороды.
До сих пор и в глазах и в душе торжество,
Словно праздник гуляет повсюду.
Изо всех наших дней
Не забыл ничего
И вовек
Ни о чем
Не забуду.
Но и ты в суете городской не забудь
Вместе с запахом меда и тмина,
Как тогда на твою изумленную грудь
Осыпалась лесная малина,..

• • •

Искать себя, как хлеба ищут!
Мечась и мучаясь, искать.
Как на ревущем пепелище
Детишек малых
Ищет мать.
Искать себя зимой и летом,
Средь всех ветров и непогод,
Как ищет малого просвета
Попавший в бурю
Самолет.
Искать, умнея понемногу,
Сбиваясь в сторону опять.
Нащупать верную дорогу.
Найти себя.
И не терять!

• • •

В душе, как в высосанной фляге,
Нет ни желаний и ни сил.
Листок исчерканной бумаги
Вконец тебя опустошил.
Ты пуст.
Ты словно испарился.
Тебя не чувствует постель.

Но так пуста бывает гильза,
Отправившая пулю
В цель...

• • •

Годы, годы, годики
Тикают, как ходики.

Сколько раз мальчишечкой
Я встречал денечки
Под еловой шишечкой
Гирьки на цепочке.
А когда однажды вдруг
Тиканье пропало,
Мама — вся сплошной испуг —
Ночки не сыпала.
Жар во мне и забытье.
Больно каждой клетке...
Только сделали свое
Горькие таблетки.
Снова мирно в стороне
Скрипнула телега,
И старательней вдвойне
Маятник забегал.
Циферблат опять блестит,
А под ним — не дряхлеть —
Та же шишечка висит,
Только что не пахнет.
Тик-тик-так —
Глядишь, у ног
Луч улегся на пол.
Тик-тик-так —
Через часок
Дождичек закапал.
И покажется опять,
Что под небом скудным
Вечно будут стрекотать
Надо мной секунды...

ПУРГА

Шумит и воет непогода,
Не помня суток и часов.
Почти не видно небосвода,
Людских не слышно голосов.
Теснее кровь,
И воздух глуше,
А за спину воет так,
Как будто ветер чью-то душу
Наматывает на кулак.
Ни огонька в содоме этом.
Лишь, неустанна и дика,
Над всем широким белым светом,
Зверея, властвует пурга,
По берегам гуляет шало,
Знобит и крутит полынью.

...И посреди земного шара
Я одинешенек стою...

САМОКРИТИЧЕСКОЕ

Загуляли мои друзья,
И, конечно, в отваге
Петушком подскочил и я
И отprobовал влаги.

Повалилась хамса из рук,
А еще с непривычки
Вся земля превратилась вдруг
Только кочки да в тычки.

А наутро я вышел в мир
Без руля и без денег.
Из туманности,
Как буксир,
Выплывал понедельник.

Надо мной понеслись гудки.
Неожиданно стали
Грязью брызгать грузовики...
Все меня осуждали.

Лишь у бани какой-то дед,—
Видно, с опытным знаньем —
Пиво допил
И мне вослед
Посмотрел с пониманьем.

• • •

Запою в любое время года,
Лишь почую нужную волну.
Но оцепеневшая природа
Предвещает сердцу
Тишину.

Я не воздеваю к небу руки,
Не хлещу сельповскую в глухи,
Но не назову тоскливой муки
Этого бесплодия души.

И, моля добра для всякой твари,
Всем дурным прогнозам вопреки,
Свято жду,
Когда в меня ударит
Золотая молния строки.



1978

Мурзагул

ЧАША

«Молодая Гвардия».
Москва.

с хобя и слова
и вах спасы

• • •

Пятками прошлепаю босыми
 По тропинке солнечного дня.
 Хорошо, что родиной
 Россия
 Чудом оказалась у меня.
 Дали в разливных скворчинах песнях,
 Перелески в матовом дыму.
 Даже лопухи в канавах местных —
 И они по нраву моему.
 Вон сороки вылезли на сцену,
 Пусть не спеть,
 Так хрюкнуть на виду.
 Да не бойтесь,
 Я вас не задену,
 Лишь тихонько рядышком пройду.
 Синий полдень золотом окован,
 В седине березовая прядь...
 Неужели
 Без всего такого
 Где-то
 Я бы мог существовать?
 Слушать птиц прилежно и бесстрастно,
 Нюхать чужеземную траву...
 Кажется, я только здесь
 Так ясно
 Каждой клеткой
 Помню и живу.
 Не проснусь,
 чтобы в радостном порыве
 Не благословить речную гладь.
 Не засну,
 чтобы одинокой иве
 К ночи светлых снов не пожелать.
 Или —
 подвернется добрый случай
 Как же удержать мужичью прыть:
 В праздник
 Трепака не отчубучить
 Или ворота не своротить.
 И конечно,
 В разуме и силе,
 Нераздельны в духе и плоти,
 Только в дорогой стране России
 Все мы и могли
 Произойти.

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

На кручах, в парках, у вокзалов.
Железом, кровью и золой
Судьбина
Намертво связала
Солдат с родимою землей.

Они ей жизнь завоевали, —
Она покой сынов хранит.
Тогда они
на ней
стояли, —
Теперь она
на них
стоит!

• • •

Под горой стоит домок,
Из трубы идет дымок.
Перед печкою старуха
Мирно стряпает пирог.
А на печке дремлет дед
Девяноста с лишком лет,
И у деда аппетиту
На пирог сегодня нет.
Дедко сверху говорит:
«Разве есть у бабки стыд?
Для нее, наверно, радость -
Мой пропавший аппетит».
Бабка ставит кочергу:
«Поболезновать могу,
А по этой выюге
В лавку
Все равно не побегу». —
«Сказанешь ты тоже, мать!
Ну пошто тебе бежать?
Тут ползти и черепахе-то
Минут, поди-ко, пять».
Отложила пироги.
Буско замер у ноги.
Стало слышно, как у бабки
Заработали мозги.
«Вон слезал бы, чай-от пил,
Сам ведь стонешь: нету сил.
Экий век на свете прожил,
А ума не накопил».
Блюдом торкнула сильней,
Но забегала скорей,
Поворчала перед дверью,
А потом уже -
За ней.
Дедко с печки слез, кряхтя:
«Ой, матаня...
Как дитя.
В календарь-то раз в неделью
Заглянула бы хотя».
Бабка с согнутой спиной
Входит.
Взгляд уже иной:
«Вот ведь, старая калоша!
Знал, что в лавке выходной».
Дед молчит.
И потому

Бабка буйствует в дому:
«Только зубы-то вставные
И поскалить бы ему». —
«Ладно, матка, не серчай.
Разливай-ка лучше чай.
Ну, подумаешь, смешишка
Подвернулась невзначай».

НОЧНОЕ ПИСЬМО ВАДИМУ КУЗНЕЦОВУ

Вадим Петрович, что-то грустно, брат.
Не потому ль, что, медленно старея,
Идти вперед все горше и труднее
И поздно поворачивать назад.
Судьбою не приучен я стонать,
Но что-то с каждым днем
В ней больше трещин,
Знакомых — уйма,
А друзей все меньше,
И это, право,
Больно понимать.
А так порою хочется опять
Застольем удалым развеять скуку
И снова попросить на дружбу руку
И крепко,
От души ее пожать.
Зачем же вновь отложены стихи?
В каком опять кружился хоровод?
Ведь силы предпоследние уходят
На сущие в итоге пустяки.
Неужто ждет меня такой удел.
Когда какой-то хлыщ,
Едва зевая,
В твою небрежно сторону кивает:
Что вот-де мог,
Да сам не захотел.
Иначе мы устроены, мой друг,
И помним, где нужны
И где полезны.
Но ты прости:
Я тоже не железный,
Успел —
Поплакал в дружеский сюртук.
Мы не одним живем на свете днем,
Зато одной мечтой и верой дышим,
Веселых писем
По ночам не пишем,
Но и утрами
Тоже слез не льем.

• • •

Молотили душу, молотили.
Полдудши в солому превратили.
И давили зерна вдохновенья
Каблуками
На глухих каменьях.

Почернела, сникла и осела
Половина доброго посева.

Но, несмелю распрымляя спину,
Выжившую чудом половину,
Лучшие предвидя времена,
Я, любить и верить продолжая,
Весь живя грядущим урожаем,
Нынче отложил
На семена.

• • •

Куда меня опять толкает ветер,
В какой туман,
В какое забытьё?
Оsmелится ли верить кто на свете
Еще в благоразумие моё.

Тревожно вдалеке дрожит зарница,
И дождь и грязь пророчит впереди.
Мозг говорит:
«Пора остановиться».
Но кровь гудит и требует:
«Иди!»

И что за колдовство — скажи на милость!
Уж наяву ли это аль в бреду:
Россия
в мое сердце
всё вместилась,
А я в России
места не найду.

• • •

До полночи дымят папиросы,
До утра не уснется опять...
Нелегко
Роковые вопросы
На четвертом десятке
Решать.
Доживешь ли до звездного часа,
Ощутимый оставил след,
И откуда ты, собственно, взялся,
И зачем появился на свет?
Эти вечные мысли — гнетущи.
Но кругом,
Так и сяк,
Невпопад
На пути —
все острее — и гуще, —
Словно колья,
Вопросы торчат.
Непрестанно на них натыкаюсь
И бессильно валюсь на траву.
И терзаюсь,
И маюсь,
И каюсь,
И порой чуть не в голос реву.
Но, корпя над задачами века,
От бессонниц сгорая давно,
Я жалею того человека,
У которого все решено.

ОБЪЯСНЕНИЕ С ДРУГОМ

Друг мой, ты опять не видишь белой
Ночи, озарившей эту высь.
Но поспешно вывода не делай,
Что дороги наши разошлись.
На земле такой большой работы
Прибывает дела с каждым днем:
Пашем землю,
Строим самолеты,
Обживаем пади и болота —
Не одними песнями живем.
Пусть из мглы
Своей морской пучины
На меня ты взглянешь свысока.
Ведь на этой почве
Нет причины
Нам вставать в позицию пока.
Главное —
 земля родная с нами,
С нами — верность флагу своему.
Мы идем различными путями
Но всегда приходим к одному:
Честь и справедливость —
 наша сила,
Гордость и надежда —
 наш народ,
Есть у нас с тобой земля Россия,
И она не только песен ждет...

10

В дому твоем необогретом
Тоска царит и полумрак.
Еще и лампочка при этом
Не зажигается никак.

Абыло:

Бликами играя,
Она мигала как живая,
Стараясь до недавних пор
То осветить

с едой простою
Великошумное застолье,
То холостяцкий разговор.
Но вот в какое-то мгновенье
Такой в дому случился вид,
Как будто все в недоуменье
Остановилось и стоит.
И смотрит, смотрит.

Почти испытывая резь,
На молчаливую особу,
Вдруг появившуюся здесь.
На этот бледно-серый волос
И на бескровность губ сухих.,
Всё потеряло сразу голос,
На кухне даже кран притих.
И сам ты видел не однажды,
Своей супружой позабыт,
Как за ее движеньем каждым
С простенка зеркало следит.
Зачем же ты внушил невесте,
Смотревшей холодно во тьму,
Мол, согреваться нужно вмест
Где не согреться одному...
Ведь бесполезно
В самой силе
Опять вчера сгорел рассвет,
И сколько б в доме ни топили,
Он круглый год
Необогрет.
В нем было все бы по-другому,
Трудись во благо и живи,
Но не хватает, видно, дому
Не только дружбы да любви...

• • •

Как зеленый березовый веник,
Что наломан тобой как на грех,
Я лежу на твоих коленях,
Каждым листиком присмирев.

Нет причин мельтешить отныне.
Что у веника за пути?
Годен он на подкорм
Скотине,
Пятки парить
И пол мести.

Но не страшно ему,
Не тошно,
Он судьбу свою
Сам решал
И согласен на всё
за то, что
На коленях твоих лежал!

• • •

Тихо расстаемся у вокзала,
Напряженные до немоты.
Не пугает то, что ты сказала,
Страшно то, что затаила ты.

Ты реку напоминаешь чем-то,
Тоже непонятности свои:
Подогрето верхнее теченье.
Холодны глубинные слои.

Я молчу в тяжелом ожиданье,
От предчувствий горьких трепеща:
Ты сказала тихо: «До свиданья»,
А сама подумала: «Прощай».

• • •

Была дарована и нам
Не просто жизнь, а божья милость.
Звенел закат по вечерам,
А по утрам роса дымилась.

Цвели сигнальные огни,
Фиалки пахли у обочин,
И были праздничными дни,
И были солнечными ночи.

Какое бремя тяжело?
Чего еще бы вроде надо,
Когда согласно и светло
Сердца постукивают рядом.

Синеет небо,
Зреет рожь,
В цветах медовых дремлет залежь..
Но цену счастья не поймешь,
Пока его не потеряешь.

• • •

Ну что, казалось бы, такого...
А я ликую и свечусь,
Едва услышу это слово
Совсем коротенькое —
Русь.

И волны вновь отпрянут с мола,
И солнце двинется в обход,
А из распахнутого дола
Грозой и порохом пахнет.

Замрет звезда сторожевая —
И не постичь умом уже,
Какие связи оживают
И что творится там,
В душе,

Что жизнь готов отдать задаром,
Когда, раздвинув берега,
Дохнут в лицо
Морозным жаром
Родные
Русские снега.

• • •

По лесам и по горам,
По снегам и росам,
По оставшимся борам
И былым покосам
С полным коробом волнух
И глазами впросинь
Ходит-бродит русский дух
Меж берез и сосен.

Он приветствует восход,
Добрую погоду.
Золотых цветов не мнет
И не мутит воду.
Лишь аукнется вдали
Да в листве взыграет.
Видно, снова от земли
Силу набирает.

И опять летят в веках,
Яростны в погоне,
Молодые,
В яблоках,
Боевые кони.
Заметает белый снег
Под копыта сбитых.

Не спускает Русь вовек
Недругам обиды.
А потом
На весь простор
Собирая силы,
Крячет плотницкий топор,
Подпеваают пилы,
И жужжит ручная дрель —
Тоже тянет ноту...

Может
Русская артель
Всякую работу!

И потом уже,
Потом,
Покурив в усадку,
Забираются гуртом
Мастера в ограду.
Стекла в избах дребезжат,

Лист на ветках вянет...
Это пять часов подряд
Парятся славяне.

И сегодня впору нам
Бремя древней славы,
Понесутся по волнам
Струги, величавы,
И распустится хвоя,
Прянув к поднебесью...
Только Родина моя
Так украсит песню.

Затрецлит на речке лед,
Заскрипят сушины,
Шапка снегу упадет
С кедровой вершины.
Покачнутся терема,
Засвистят салазки...
Это русская зима
Складывает сказки.

Право слово, не берусь
Ложкой черпать море.
Но люблю родную Русь
В радости и в горе.
И понять непросто мне:
Как же так бывало —
Все святое
В стороне
От тебя стояло.

Не порхали снегири,
Даль не золотилась...
И судьбу благодари,
Что явила милость,
Что однажды
Так светло
И с такою силой
Это все в тебя вошло
И
— Преобразило!

• • •

О чем стихи?
О том, что ветер
Стих у реки, а от звезды
Идут лучи, и пахнут сети
Глубинной свежестью воды.
Что светом ясным и здоровым
Горит глазок у василька,
И, словно дойные коровы,
Идут над лугом облака.
Стихи о том, что рвутся почки,
И что, проклюнувшись едва,
Сквозь все мастики и все мосточки
Полезла первая трава.
О чем в такое-то столетье?
Да все о том, чем счастлив век,
И без чего на белом свете
Не мыслит жизни
Человек.



1980

Михаил

ПЕРЕКАТЫ

«Северо-Западное книжное издательство».
Архангельск.

слова и слова
сах слово

• • •

Простирайтесь вдаль, поля,
Распахнись, рубаха.
Где кончается земля
Русского размаха?
У каких глухих болот,
У какого лога,
Растворившись,
Пропадет
Санная дорога?
А потом прступит вновь
И помчится снова
Удалая,
Точно кровь
Жеребца гнедого,
В четких лунках от копыт,
В елках вдоль обочин...
До сих пор над ней звенит
Медный колокольчик.
И не слабнет хмельный гуд
Неусыпы-гостя,
И поют еще,
Поют
Тонкие полозья.
Над торёною висит
Смех и плач колесный,
И летит она,
Летит
Сквозь снега и сосны.
И, блажной от белизны,
Всё глазами метя,
Я досматриваю сны
Прошлого столетья.
И спешу по ней,
Спешу,
Чтоб успеть послушать
И густой сосновый шум,
И ольхи — поглуще.
И увидеть берега,
Что отлого встали,
И родимые снега,
И родные дали,
Где в серебряной пыли,
Звонкой от мороза,
Словно легкий вздох земли,
На бугре —
Береза.

• • •

День прошел, и ночь близка,
А меня —

под током —
Водит смутная тоска
По былым дорогам.
По былым дорогам,
Балкам да отрогам,
То рекой,
То морем.
То бедой,
То горем.
На пути встают леса,
Горные громады,
Плачущие голоса,
Режущие взгляды.
Переметные огни,
Хляби вдоль обочин,
Ослепительные дни,
Гибельные ночи.
То пургу в глаза несет.
То невмочь от зною...
Неужели это всё
Выполнено мною?
От вершины и до дна...
Глупость ли,
Удалость...
И не лопнула спина,
Сердце не сломалось.
И опять ведет туда,
Где — в протуберанцах —
Как гранитная грязь,
Годы громоздятся.
Всею тяжестью
На грудь
Давят та громада.
Не вздохнуть
И не уснуть,
Хоть и очень надо.
Видно, нам
Свои пути
Суждено, «рассейцам».
Прежде ножками пройти,
А потом —
И сердцем...

• • •

Осенняя слякоть и проза,
Усталый озябший народ...

А рядышком —
на тебе! —

роза

Одна
В палисаде цветет.
Как будто не кончилось лето,
И нет для тревоги причин,
Она — совершенно раздета —
Глядит на одетых мужчин.
И старец какой-то неробкий,
Ладонью качнув этот жар,
Поднял удивленные бровки
И чмокнул: «Каков экземпляр!»
А следом вздохнул поневоле
Сердечный, видать, человек:
«Да что она, спятила, что ли?
Сулили по радио снег...»
А роза понять не умеет,
Как люди жалеют ее.
Трепещет она.
Пламенеет,
Спешит,
Добирает свое.
К тому же и нас между делом
При всем недостатке тепла
Встряхнула она.
Обогрела,
Каких-то мыслишек дала.
Так явна,
Отравна
Угроза,
И все же
У всех на виду
Цветет
Запоздалая роза —
Последняя в этом году.

МАТЕРИНСКОЕ НАЧАЛО

Жизнь занесена над головами —
И спокойна в ожиданье смерть.
Так боюсь,
Что выразить словами
Главного
Мне будет не успеть.
Даже той, чью седину целую,
Что зажгла
На радость и беду
Горькую мою и дорогую
Счастья и страдания звезду.
Как меня на всех волнах качало!
Как трясло, сбивая и креня!
Только материнское начало
Неспроста заложено в меня:
Вынесло, пройдя всю жуть и ярость,
К травам и снегам вернуло вкус,
И, встряхнув почти обвисший парус,
Вовремя
Поставило на курс.
И теперь я вижу с расстоянья,
Что, незаглушенное, оно,
Словно предвечернее сиянье,
Навсегда в крови растворено.
Если я опять не сплю ночами
И мотаюсь от стены к стене,—
Это материнское начало
Горестно бессонствует во мне.
Или запахну глухие двери
И вздохну на близкий шум ветвей —
Значит, вновь печалится и верит
Голос бедной матери моей.
В сердце нет ни чванства, ни гордыни,
Я живу, как сосенка в лесу,
Но не только за себя отныне
Я уже ответственность несу.
И когда, почувяв ложь и зависть
У смертельной схватки на краю,
Я на помощь другу не бросаюсь,—
Словно мать родную предаю.
...С этой верой праведной, родная,
Я ходил и в воду, и в огонь.
И сегодня голову склоняю
Под твою спокойную ладонь.

Пусть побережет тебя столетье,
Ты моя и совесть,
Ты и честь.
Я живу и радуюсь на свете,
Потому что ты
На свете есть.

ПОДВИЖНИК

Кончились его земные сроки,
Он исчерпал жизненные соки.
Лопнула натянутая нить —
И пора итоги подводить,
И признать пора,
Что год от года,
Родину осознанно любя,
Очень много жил он —
Для народа,
И совсем немного —
Для себя,
Потому, неся на сердце камень
И перемогая день за днем,
Говорить повинно привыкаем
Мы в прошедшем времени о нем.
Привыкаем к мысли той, единой,
Что такие люди
В битве дней
Очень бы нужны
Земле родимой,
Но, видать, нужны
Не только ей...

• • •

Нет, видно, надо умереть,
Чтоб — равнодушная сначала —
Законодательная медь
Тебе во славу зазвучала.
Спалить себя,
Спалить дотла.
Чтобы друзья,
С трудом пьянея,
Признали, сидя у стола,
Что в мире стало
Холоднее.
И до конца
Жене твоей
Раскроет лишь твоя могила,
С кем подняла она детей,
И ела хлеб,
И кров делила.
Так всё на должные места
Становит смерть рукой холодной,
Когда последняя черта
Подведена бесповоротно.
Но — боже мой!
И так всегда —
Стремимся,
 рвемся,
 сдуру,
 с пылу.

А смерть
Докажет без труда,
Что целой жизни
Не под силу.

ЗАКЛИНАНИЕ

Памяти Роберта Александровича Шамаевы

Гудят прощальные ветра,
Дрожит округа.
Березка, умница, сестра,
Верни мне друга.

Дорога, рвущаяся вдаль,
Тропинка луга,
Неужто вам меня не жаль?
Верните друга.

Земля с крестами на горбе,
В следах недуга,
Зачем он, милая, тебе?
Верни мне друга.

Нас ждут озера и леса,
Метель и выюга,
Так образумьтесь, небеса,
Верните друга.

Но глухи все:
Деревья, пни,
Поля, округа...
Как будто в жизни все они
Не знали друга.

Скажи мне, мать,
Скажи, отец,
Скажи, подруга:
Ведь должен кто-то наконец
Вернуть нам друга...

ПЕСНИ

Ночная песня

Ухожу, ухожу... Средь ненастя и ночи,
Не прощаясь, не видя огней впереди.
Сердце больше томиться не может, не хочет,
И не важно куда, лишь бы только уйти.

Ах, метет, как метет, наметает до крыши,
Ни забыть, ни запить, ни простить, ни помочь..
Ты кричи-не-кричи, я тебя не услышу,
Между нами теперь только холод и ночь.

Между нами отныне пустыня... И все же
Ухожу и гляжу, и гляжу на село...
Сделай так, сделай так, если ты еще можешь,
Чтоб метелью следы не на век замело.

Девичья

Тихо, тихо к бережку ластится волна,
Тает, словно льдиночка, на небе луна.

И до белых камушков прояснилось дно,
Где упало на воду светлое окно.

Сяду, сяду в лодочку, подниму весло,
Чтоб меня по Вологде-речке понесло

В тишине полуночной пропадет мой след,
Я направлю лодочку на знакомый свет.

К свету тихо выплыву, встану, помолчу,
Еле слышно милому просьбу прошепчу:

«Будь мне добрым солнышком на моем пути.
И меня, как реченьку, тоже просвети.

Просвети до донышка — и увидишь сам:
Камень вместо камушков поселился там.

Горько с ним и тяжко, но...
Лишь тебе решать,
Быть ли ему убрану или век лежать...»

Песня о потерянном городе

Горит над городом высокий свет,
Мне в этом городе приюта нет.
Мне в этом городе никто теперь
Не распахнет, смеясь, навстречу дверь.

Мне город выставил свои сады,
Свои витрины и свои пруды.
Но слишком дорого за это взял:
Я здесь нашел тебя и потерял.

А город выключил нарочно свет,
А город дождиком размыл твой след.
И принял замкнутый холодный вид:
Моей потери он не возвратит.

Навек из города я убегу,
Чтоб новый выстроить на берегу.
Но в дополнение к его садам
Тому я городу и душу дам.

Улыбка

Столько в воздухе силы и света,
Синевой переполнена даль.
И, как листья осенние с веток,
Опадает и тает печаль.
И сверкает над кручей сосновой
И поет золотая труба...
Это мне улыбается снова
Молодую улыбкой судьба.

Много было скитаний и горя,
Всех печалей не вспомнишь теперь,
Не вмещало студеное море
Горьких слез и жестоких потерь.
Но у крайнего, может, предела
Вновь, касаясь горячего лба,
Мне, как другу, в глаза посмотрела
И светло улыбнулась судьба.

Сколько силы потребует — знаем —
И отстроенный заново дом,
И звезда, о которой мечтаем,

И земля, на которой живем.
Но любая работа посильна
И посильна любая борьба.
Лишь бы вечным солдатам России
Улыбалась почаше судьба.

ПЕРЕКАТЫ

Промчатся недели,
Минуют года,
А я вспоминать не устану,
Как полная силы
Большая вода
Несла нас тогда к океану.
Нам весело было
О женах болтать
И пиво тянуть из стакана.
Мы верили
В крепкий характер и стать
И нрав
Своего капитана.
Кричали ему:
«Что задумался, кэп?»—
Когда он молчал отрешенно,
А он, улыбаясь,
Действительно креп
Улыбкой своей напряженной.
Дробила волна
Отражения скал,
Играла волна под лучами.
Лишь он красоты этой
Не замечал,
И мы пожимали плечами.
И было, неопытным,
Нам невдомек
Под хмелем бывальщин и басен,
Что путь наш по руслу
Не только далек,
Но, кроме того, и опасен.
Мы пили легко,
Хохотали до слез,
Хлестались на палубе в карты,
Пока не шепнул нам с упреком
Матрос:
«Друзья, впереди — перекаты».
Уже закипала
Вода за бортом.
Толклись беспризорные бревна,
И скрежет по днищу
Раздался потом.
Похожий на скрежет зубовный.
И муторно стало
У всех на душе,
И хмарью задернулись дали.

Подводные камни
Как будто уже
Не краску, а кожу сдирали.
И судно дрожало,
Как загнанный зверь,
Почувявший близкую пропасть.
...Прости, капитан,
Мне понятна теперь
Твоя молчаливая строгость:
Мне тоже
Пришлось убедиться давно,
По жизни идущему грузно.
Что не безобидно
И гладко оно,
Мое прихотливое русло,
То целые версты
Плыви в забытьи.
То есть повороты — дай Боже!
Свои перекаты,
Пороги свои,
И камни подводные — тоже.
Тут думай да слушай,
Да в оба гляди:
Ведь промах неведенья горше.
И сколько бы ни было зол
Позади,
А все ж впереди — еще больше.
Но только нельзя
Ни ослабить руки,
Ни свесить покорную шею.
И я напрягаю, как ты,
Желваки
И так же глазами строжею.
И что бы ни встало
На нашем пути:
Заторы ли,
 мели,
 туманы,
Нам надо пробиться,
Нам надо пройти.
Иначе мы —
Не капитаны.



1982

Женегаль

ПОКА ЗВЕЗДА НЕ ЗАКАТИЛАСЬ

«Советская Россия».
Москва.

и слова и слова
из двух слов

• • •

Ничего не требуя от Бога,
Уважая землю и траву,
Со своей заботой и тревогой
Под созвездьем Радости живу.

Правда, без хлопот и песен женских
Уставая киснуть и чернеть,
Все топорщат крылья занавески
И грозятся с окон улететь.

Только знаю: поздно или рано,
Наскучавшись в призрачном раю,
Убежит красавица с экрана
В комнатёнку бедную мою;

И запахнет утро чистым снегом,
Зайчиком запляшет на стене,
И пожить любимым человеком,
Может, посчастливится и мне.

А распорядится по-другому
Подлая судьбина на беду —
Все равно к ночному водоему
С кирпичом на шее не пойду.

Укрепляем нервы не на треках,
Сквозь огонь и грозы, прямиком,
Мыходить по жестким травам века
Выучены с детства
Босиком.

И в любую стужу и ненастье
Так же дни и ночи напролет
Мы искать до смерти будем счастье.
А несчастье
Нас само найдет.

• • •

Пади да болота,
Гари да поля.
Мокрая от пота
Вечного земля.
Позабытый хутор,
Тощий сенокос.
Было здесь хлебнуто
Горького до слез.
Позади коряги,
Мертвая коса,
По бокам — овраги,
Впереди — леса.
Глина у сарая,
Камень у крыльца.
Только синь без края,
Звезды без конца.
Лишь подсохнет малость
Летом колея...
Не избаловалась
Родина моя.
Сыновья бесчислено
Покидали мать:
Дальние почетней
Земли обживать.
Да и я не лишка
Тут вспахал полос...
Тот же все домишко
Смотрит на овес.
Но хотя бы — рядом
Жил, ходил, мелькал.
Может, добрым взглядом
Выжить помогал.
Разве же напрасно
В новом свете дня
Родина так ясно
Смотрит на меня!
Пусть, мол, ты во блажи
Клял меня и крыл,
Но и в мыслях даже
Мне не изменил!..

• • •

Опять без вкуса съедена окрошка,
По рюмке молча выпито вина.
Угрюмо смотрит он в свое окошко,
Бездостно в соседнее — она.

Вся жизнь прожита здесь как бы спросонок,
Без вдохновенья воли,
Чувств и сил.
И даже этот рыженький чертенок
Не сблизил их и не расшевелил.

А он кричит,
Поет,
Шумит от счастья,
Везде знаком,
Повсюду первый гость.
И все дивлюсь я:
Как от двух ненастий
Вдруг
Солнышко такое
Родилось!

• • •

За столько лет совместной жизни
И общих дум,
И общих снов
Для дорогой моей Отчизны
Я не нашел достойных слов.
Хотя — как равный среди равных —
Я здесь и маялся и жил,
И пусть недолго, 95
Но исправно 100
Ее знаменам послужил.
Не зря холмы и все березы,
Заносы все и полыньи,
И засухи ее,
И грозы
Я принимаю как свои.
А мне внушается с искусством,
Упомяну об этом лишь,
Что целомудреннее чувство,
Пока его не обнажишь.
Ах, как пристало просвещенье
Притворцам разным искони.
Ведь как живое воплощенье
Своей теории — они.
Я в эти взглядываюсь лица
И вновь тревожусь неспроста:
Что за молчанием таится?
Добро, коль только пустота...
А может, им необходимо,
Скрывая истинную суть,
Детей
От матери родимой
Любою силой
Отвернуть?
Пусть нет такой на свете силы,
Чтоб сбить нас с верного следа,
Но я хочу,
Чтобы Россия
Об этом
Помнила всегда.

МОЛОКО

Пошла корову подоила,
Пришла,
Смахнула со стола,
По кружке мальчикам налила,
И чашку дочке налила.
По самый край большую банку
Хозяину, когда придет.
Плеснула котику в жестянку:
Пускай проворней будет кот.
Собаке
В выщербленной плошке
Хлеб забелила в свой черед.
Еще подбавила немножко:
Скорее зайца принесет.
Повеселела,
Разогнулась,
Прошлась со вздохом по избе,
К столу присела,
Улыбнулась:
Ну вроде можно —
И себе.

МАТЕРИ

Ты смотришь с обычным упреком
Людей, что действительно ждут.
Всю жизнь я
Налетом,
Наскоком,
На десять,
На двадцать минут.
Я сын своего поколенья.
И разве я в том виноват,
Что не было мне увольненья:
И был,
И остался солдат.
А доля солдата — служенье,
А сердце — криви не криви,—
Как свежее поле сраженья,
В железе,
Огне
И крови.
Прости же мое раздраженье
Как нервной системы пробел.
Я только что из окруженья,
Еще и остыть не успел.
А надо бы выдохнуть сразу,
Входя в дорогое жилье,
Такую уютную фразу,
Чтоб ты завернулась в нее,
Грехи мне припомнила снова,
Слегка за вихры теребя.
Но что породила такого —
Вовек не корила себя.

• • •

Моя звезда пока что теплится,
Не потухает на ветру.
Без фонаря Большой Медведицы
Я с ней дорогу разберу.
С ней для меня звенят осинами
И пахнут смолами леса,
А в теплой дали моря синего,
Как сахар, тают паруса.
Пока она горит над выселком,
Переливаясь и маня,
Я из булыжин мертвых высеку
Живое крыльышко огня.
Так подержись еще немножечко,
Не покидай меня в пути,
Ты посвети, как можешь, звездочка.
Хоть вполнакала посвети.
Друзьям я вставлю между рамами
Зимой по вешнему лучу.
И научусь шептаться с травами,
И брата, может, научу.
А коль мечты уйдут вразвалочку,
Я сам, напрасно не скорбя,
Как спать мешающую лампочку,
Спокойно выключу тебя.

БЕССМЕРТИЕ

Неосторожный взгляд,
намек ли,
слово

В сердцах
Ему любой припоминал
И обижался,
Будто на живого,
Хоть он давно взошел
На пьедестал.

Опять вовсю наушничает сплетня,
Брюзжит в углах ожившая молва.
...Хоть у его подножия
Столетья
Сгорают,
Как опавшая листва.

СОБРАНИЯ

О, хотя бы

еще

одно заседание.

В. Маяковский

Много свободного времени,
Просто избыток, похоже,
Как у зеленого племени,
Так и у зрелого — тоже.
Люди-то выйдут приличные,
Зала-то вся трехэтажная...
Тут уж и речь не обычна,
А исторически важная.
Кончат ораторы здешние —
Гости к графину затопают,
Дружка-то дружке, сердешные,
Хлопают, хлопают, хлопают...
Мы улыбнемся двусмысленно,
Нами пока не забыто:
Все эпохальные истины
В уединенье добыты.
Шапки натянем на темечко,
Двери притворим неслышно:
Выло свободное времечко,
Да — извините — всё вышло!

• • •

Не успел вернуться от реки,
От кувшинок в утреннем тумане,
От звезды, упавшей в тростники,—
А уже обратно так и тянет.

Не успел еще истаять звук
Вечного пернатого страдальца,
Тихий плеск ромашковых излук,—
А они уже ночами снятыся.

И с годами зрелыми, подчас
Знавшими и боль и потрясенья,
Это чувство, прорастая в нас,
Требует ищет объясненья.

Может, мы, склоняясь к седине,
Из-под крыши собственного дома
Оттого и рвемся к тишине,
Что знавали слишком много грома..

МОЛИТВА ВЕКОВ

«И снова мор, и снова глад,
Округ разбои да пожары...
О, Господи,
Я виноват
И не бегу от вышней кары.

Ни воевод, ни пастухов
Не осеняет божья милость.
У мира, видимо, грехов
Опять через меры накопилось.

Пусть камни валятся, свистя,
На наши грешные седины.
Но, Господи,
Не мучь дитя,
Оно пока ни в чем не винно...»

• • •

Пока звезда не закатилась,
Что озарила наши дни,
Перемени свой гнев на милость,
На милость гнев перемени.

Чтоб, золотые от рожденья,
Улыбкой неба и земли
Над полосою отчужденья
Цветы согласия взошли.

Не закружу распевом бойким,
Швыряя под ноги рубли,
Что унесут тебя на тройке —
На тройке счастья и любви.

Но, зная преданности цену,
Судьбу рассветную твою
И в ситец радости одену,
И хмелем нежности увью.

Признаю все, что делал плохо,
Свои поступки осужу
И до раскаянного вздоха
Гармонь лихую осажу.

Но только, чтобы вновь светилась
Звезда, как в памятные дни,
Перемени свой гнев на милость,
На милость гнев перемени

• • •

Третий гудок подал пароход,
Пробил заветный час.
В жизни моей настал поворот,
Может, в последний раз.

Старая пристань, новый ларек,
Пыльный подъем пути,
Чья-то улыбка, чей-то упрек —
Все уже позади.

А впереди, у сосновых гряд,
Там, где горят огни,
Чайки осенние так кричат...
Что мне сулят они?

В рубке матросик румбу включил,
Вспыхнул на мачте свет.
Все убеждает, будто причин
Для беспокойства нет.

То же стремленье вдаль — без толчка,
По берегам — кусты...
Только на небе ни облачка
И — ни одной звезды.

ПОСЛЕДНИЕ САПОГИ

Вчера старшина, не коробясь,
Усвоив, что выношен срок,
Мне выдал подличную распись
Последнюю пару сапог.

На них поглядев мимоходом,
Грустнели опять и опять
Ребята, которым три года
До праздника этого ждать.

И я с холодком незнакомым
Подумал, робея слегка,
Что вроде дорога до дому
Теперь уж не так далека.

Последняя пара кирзовых,
Скрипучих товарищ новых,
Отделанных как на заказ.
На крепких железных подковах,
Поставленных в угол
и снова
Примеренных за ночь не раз.

О, сколько подметок и нервов
Пришлось измочалить в пути,
Чтоб к этим, обычных размеров,
Гвардейским сапожкам прийти.

О, сколько еще будет надо
По грешной земле колесить,
Скользить, оступаться и падать,
Чтоб их до конца доносить.

Но, превозмогая усталость,
Любимая, помни итог:
До нашего счастья осталась
Последняя пара сапог.

КАЧЕСТВО

Не давите на грудную клетку,
Не сводите пафоса к нулю.
Я и сам
Борюсь за пятилетку,
Потому что
Качество люблю.
Не молюсь на семужью икорку
И не поклоняюсь коробам.
Потом заработанную корку
Предпочту
Сомнительным хлебам.
Не храбрюсь,
Что все и всем открою,
Не хлещу себя
Хвастливо в грудь.
Гулкое молчание
Порою
Тоже, верно,
Стоит что-нибудь.
Надоело вечное бряцанье
Словесами, портящими вкус.
Самое прямое отрицанье
Разумею я
Со знаком плюс.

Мелем о зарплате да доплате,
А в основе — что там ни пиши
Качество единственных понятий:
Совести,
Сознанья
И души.



1982

Мережко

ПРЕКРАСНО ОДНАЖДЫ В РОССИИ РОДИТЬСЯ

«Северо-Западное книжное издательство».
Архангельск.

слова и слова
уха слышь

• • •

Тихий вечер, медленный закат,
Мягко шелестящий листопад.
Дремлющие в сумраке поля...
Старенькая родина моя.
Чисто-чисто вымыто в дому.
Только не сидится в терему.
И, пока горит в полнеба медь, —
Так и тянет сняться
И взлететь.
Потому что, кажется, пришла
Силушка в широкие крыла.
Так и тянут —
В небе облака,
Под горой —
Протяжная река.
Черный лес в подсвеченной дали
И над ним — цепочкой — журавли.
В ноздри бьет последний хмель травы,
Но не жаль горячей головы.
Друг пропал
За эту благодать,
Да и мне, видать,—
Не миновать.
Потому что, кажется, созрел
Для большой любви
И добрых дел.

• • •

Спасибо, Родина, за эту
Растворенную синеву,
Ветлу,
Повернутую к свету,
Под нею —
Свежую траву.

За смех у старого колодца
И шум у нового крыльца,
За нерастраченное солнце
И уцелевшего скворца.

Спасибо, матушка родная,
Спасибо, твердь моя и честь,
За то, что ты всегда такая,
Какая только ты и есть;

За непохожесть и пригожесть,
За светлый лик,
Прямую стать
И за счастливую возможность
С тобою вместе
Пребывать.

• • •

С Отчизной, с милою, землей,
Мне никогда не рассчитаться
За радость быть самим собой,
За счастье плакать и смеяться.
За то, что утром
Для меня
И тяжело,
И краснокрыло
В косматых сполохах огня
Восходит древнее Ярило.
А в полдень, — светлая пока, —
Чтоб стало душеньке полегче,
Освобожденная река
Мои окатывает плечи.
Не рассчитаться мне за то,
Что в теплом сумраке вечернем
Глубоким светом
Залито
Мое случайное кочевье;
За землю, нашу испокон,
За откликающийся воздух,
За молодой и сильный сон,
Весь в голубых
И крупных звездах;
За шум осоки у пруда,
За шелест утреннего сада...
Не рассчитаться никогда.
Хотя рассчитываться —
Надо...

• • •

Я опасался слов высоких,
Не мысля с ними вровень встать,
Покуда в северные сопки
Меня не проводила мать.

Эпоха, Родина, Держава...
Как будто
 за неложный пыл
Я исключительное право
На их аренду получил.
Я берегу их жизнь ночами.
И стало ближе оттого
Уже не просто их звучанье,
Но и живое существо.
И жестким временем испытан,
Как время нежен и суров,
Смотрю в глаза ему открыто —
И не боюсь
Высоких слов.

ГОНКА

Лихачи
Современные парни.
Стала треком
Родная земля...
Ваша кровь
Моментально вскипает
И шалеет
При виде руля.
Вы несетесь
По ранним росинкам,
По корням
и остаткам дождя,
На своих дорогих керосинках
Неуклюже
И цепко сидя.
Ревом труб
Заглушаются фразы.
Перекошен старанием рот.
Выхлопные синюшные газы —
Дорожающий ваш «кислород».
Краски смазаны.
Линии смяты.
Воды словно бы движутся вспять.
Так вы жмёте на газ,
Горлохваты,
Словно счастье решили догнать.
Все мне кажется...
Иль в самом деле:
В дни,
Клейменые адским огнем,
За рулем родились вы,
Созрели,
И состаритесь вы
За рулем.
Только небо не станет лазурней,
И не станет спокойней в груди.
То, за чем вы гоняетесь,
Дурни,
Безвозвратно...
давно...
позади...

ПРИЕЗЖИЕ

Попили сперва чайку с вареньем,
Поглотали ранней синевы,
Подышали воздухом деревни —
Воздухом навоза и травы.

Поглядели в солнечные дали,
Поплевали с берега в ручей,
За день двои грабли поломали,
Поносили косу на плече.

Похлебали в праздник самогону,
Подразнили местных забияк,
У старухи древнюю икону
Выморщили все же за трояк.

Помахали вслед каким-то птицам,
Овощью набили кошели
И умчались хвастать сослуживцам,
Как шикарно отпуск провели...

НЕДОРОСТКИ

Рок зловещий,
Божья ли немилость —
А давно для мира не секрет:
Ничего из вас не получилось
Ни в осьмнадцать
И ни в тридцать лет.
Может, я кого-то обижаю,
Но всегда
И у народов всех
Юноши,
Не ставшие мужами,
Вызывали жалость
Или смех.
Мните о себе, что вы — персоны,
Голубая кровь,
Почти что — знать.
А ведь сами в общем
Не способны
Собственного краха осознать.
Хвастая дипломами своими,
Вспомните о клятвах на крови.
Где же ваши подвиги во имя
Родины,
Свободы
И любви?
Где они,
Высокие порывы,
Гордый дух,
Решительная стать?
Лопнули порывы,
Как нарывы,
Даже неудобно вспоминать.
Вместо меди — пропитое золото,
Как возмездье — старость невдали.
Говорите:
Время виновато...
Молодцы, виновника нашли.
Нам перерастать любое время,
Чтоб ему указывать пути.
Вы ж до своего —
Дурное семя —
Даже не сумели дорасти.
Смех и жалость — все, что я имею
По закону нынешнего дня.
Я сегодня
Просто вас жалею.
Время досмеется
За меня.

Я ДОМОЙ ПОГОСТИТЬ

Я домой — погостить.

Потянуло в родную обитель.

Не одни сапоги

измолол я в болотном краю.

Я домой — погостить.

Вы глядите, пижоны, глядите

На упругую, с легкой развалкой

лихую походку мою.

Я по городу шествую

в шапке и катанках рыжих,

Весь пропахший сосновой.

Излучаю березовый звон,

Шелест горьких осин...

Впрочем, где вам понять это?

Вы же

И траву-то видали

лишь запертой в пыльный газон.

Вам своих гардеробов

вдыхать нафталиновый запах,

Вам с тоскою смотреть в свое завтра,

как в мутную марь,

Вам не слышать вовек,

как, в еловых запутавшихся лапах,

Затрепещется вдруг

замечтавшийся, видно, глухарь.

Не ночевывать вам

ни в стогах, ни в суслонах на поле,

Не встречать с петухами

с боков поддумяненный день

И по звучным стволам

под мужицкие шуточки с солью

Не звенеть топором,

рукавицы заткнув за ремень.

Потому глухоманью,

где некому выбрать бруслики,

Мне дано это право:

с незлою душой мужика

На всегдашние ваши бега

и возню из-за модной

пластинки

Поглядеть снисходительно.

Даже чуть-чуть свысока.

А на сердце моем —

будто снова скворцы

прилетели.

Я иду широко
и бедовой не гну головы.
На отросшей моей бороде
неопавшие звезды метели
И влюбленные взоры мальчишек,
что будут умнее,
чем вы.

БАЛЛАДА О ВОРОБЬЕ

Сказать с уверенностью трудно,
 Как, средь кочующих зыбей,
 В промозглой мгле
 Попал на судно
 Почти пропавший воробей.
 Корабль кренило и качало,
 С подвывом
 Близилась гроза.
 А воробей упал устало
 На брусья
 И закрыл глаза.
 Где, непутевого, носило,
 В какой втянуло крутомол?
 Он отдышился
 И насили
 Дух,
 Словно грузчик,
 Перевел.
 Потом с трудом расклеил веки,
 Взглянул, беспомощен и тих:
 Над ним склонились
 Человеки...
 И понял,
 Что среди своих.
 А там —

не очень голосисто,
 Набравшись храбрости и сил,
 Он поприветствовал туристов
 И хлебных крошек
 Попросил.
 Как вдохновителю России,
 Что разделял с ней столько бед,
 Мы на корму ему носили,
 Делясь,
 И завтрак, и обед.
 Но понимали,
 Что серьезно
 Не принимая нас в расчет,
 Он людям —

рано или поздно —
 Своих собратьев
 Предпочтет.
 Благодаря за все подачки,
 За плов, рагу и курагу,
 Он проклянет морские качки,
 Смекнёт приют
 На берегу.

И правда:
Серенький,
Простецкий,
Не заводя нигде боев,
Он погостили
И у турецких,
И у мальтийских
Воробьев.
Но где б ни пил воды зеркальной,
Не выпускал из виду порт.
Заслышав наш гудок отвальный —
Немедля прибывал
На борт.
Он предавался, может, пьянству,
Амуры, может быть, крутил...
А вот советскому гражданству —
Бог подтвердит! —
Не изменил.
И все — один —
Сидел на мачте,
Отворотясь от прочих дел.
Худой,
Взъерошенный
И мрачный
И в даль скрытую глядел,
До срока сдерживая нервы,
Утихомиривая пыл...
И разглядел Россию
Первым,
И нам об этом
Возвестил.
Затрепетал,
Засуетился,
Родной почувствовав причал,
Взбодрился,
Трелями залился,
Не вынес больше —
И умчал.
Туда, туда, где плачут ивы,
Где вьются сладкие дымы,
Куда — пока честны и живы —
Стремимся
Каждой клеткой
Мы.

НАЧЕКУ

Снова намутили,
Наболтали,
Всяческих навешали собак...
Так пожить хотелось
Без баталий,
Да не получается никак.
Поднимаюсь медленно со стула,
Прохожу неспешно вдоль стены,
Чувствуя спиной,
Как ваши дула
Твердо
На меня наведены.
И со всем
Природой данным пылом
Принимаю к действию сигнал:
«Это кто там нас
Российским быдлом
Тихо,
Но старательно назвал?»
Супостаты!
Вы всегда при деле,
Да и нам постыдно забывать:
Мы ведь только внешних
Одолели,
Внутренние
Выжили опять.
Знаю,
Как, мозгами поработав,
Вы в своем коронном
Тайном сне
Нас,
Неисправимых патриотов,
Жарите на медленном огне...
Неспроста,
Боясь разоблачений,
Зря не подставляя головы,
Блоками бетонных изречений
Забаррикадировались вы.
Презираю ваши баррикады,
Выходжу на линию огня.

...Я давно не жду от вас пощады,
Но и вы не ждите от меня...



1984

Жигал

ВЕЧНЫЙ КОСТЁР

«Молодая гвардия».
Москва.

Слова и слова
так любят

• • •

По воде, по кочкам, по грязи...
Широки дороги на Руси.

Как нарежешь в сторону Москвы —
Только глина выше головы!

А литые.,,
Это для ноги —
Просто золотые сапоги.

До колен!..
Пошел — и только вьет:
Выше редко грязь и достает.

Нет, наверно, не было таких
Ни у тех врагов,
Ни у других.

И они, конечно, неспроста
Топли возле каждого куста.

А вот деду — хоть и неучен —
Все трясины были нипочем.

Он, беспутник, праведник и враль,
По болотам шлялся,
Как журавль.

Потому что жил — зело рисков —
Вечно в стороне от большаков.

Эти хляби, судя по всему,
Впору мне
И сыну моему.

Впору нам, пока живем добром,
И весенний
И осенний гром.

Вся и грязь и пыль родных дорог
Впору
Лишь для нашенских сапог.

Но навек
И на миллион веков —
Не для чужеземных башмаков!

• • •

День был красный,
Как пасхальное яйцо.
Выходила молодушка
На крыльцо.
Выходила, молодая,
Босиком
И смотрела вдаль —
Ладошка козырьком.
Там от речки
Сквозь густой березнячок
Ехал Санушко —
Кепченка набочок,
То прикуривал,
То «сосочек» тушил.
Ехал сдержанно,
Нарочно не спешил.
До избы лежала
Добрая верста,
А жена
Уж отворяла ворота.
Пропускала,
Провожала до крыльца,
Выводила из оглобель
Жеребца.
Словом ласковым
Его смиряла пыл,
Тихо слушала,
Как муж ее хвалил.
Уж крепилась,
Не вникала в те слова,
Чтоб от счастья
Не кружилась голова,
Принахмуривала
Вздрогнувшую бровь
И поглядывала робко
На свекровь.
А у той довольно
Таяла душа —
Больно девка
Оказалась хороша.
С обходительной
Да ласковой такой
Не нажиться
За один-то век людской.
...Укатилось
То пасхальное яйцо.

Изменилось
Молодушко лицо.
Вся судьба ее
Давно и вкривь и вкось.
Так ведь время-то какое
Пронеслось... Три войны
Сумела вынести на плечах
И... Не стоит вспоминать о мелочах.
Все родные:
Кто остался на войне,
Кто в земле,
А кто в безвестной стороне.
Словно камнями
Навек сдавило грудь,
И в глазах замерзла
Старческая муть.
Не сверкнут они.
На милого кося, —
Синева-то с горем
Выплакана вся.
Что мне делать, чем помочь,
Судьбу кляня?
Ведь она
Родная бабка для меня.
Усадить да завести
Такую речь,
Чтоб от мыслей преждевременных
Отвлечь,
Про узорчатое прежнее житье?
Лучше
Нет воспоминаний для нее.
Там была она
Сильна и молода,
Там родилась
И осталась навсегда.
Пусть-ка сядет,
Пусть-ко примет должный вид,
Пусть сама-ко про себя
Поговорит.
Буду слушать,
Сунув руки в рукава,
Хоть и знаю
Все — до крайнего — слова:
День был красный,
Как пасхальное яйцо,
Выходила молодушка
На крыльце...

ПЕТУХ

Один петух на всю деревню.
Горласт, норовист и удал.
Всё утешенье бабки древней
И жизнь ее,
И капитал.
Он выйдет утром за ворота
Да зыкнет молодо в зенит —
На ожерелье
Позолота
Так, полыхнув, и зазвенит.
Пусть в городах свои порядки,
А здесь его устав —
Закон.
И потому к нему хохлатки
Так и летят со всех сторон.
Он зорко их пересчитает,
Хоть знает всех наперечет.
Порой за гребень потаскает,
Нравоучение прочтет.
Но всех сведет к своей посуде
Глонуть водички с утречка.
Для этой зернышко добудет,
А с той разделит
Червячка.
Потом взмахнет крылами резко,
По-молодецки вскинет бровь.
Но вот беда:
Подраться не с кем,
Поразогнать по жилам кровь.
Он прыгнет,
Дрыгнет,
Звякнет шпорой,
Покамест уочка тиха:
Ведь песня тракторная скоро
Заглушит песню
Петуха.
И он уйдет в свою ограду
И в лопухи утянет рать.
И бабка снова будет рада
Его пшеном побаловать.
Она тряхнет с крупой передник
И не впервые скажет вслух:
«Один петух
На всю деревню...
Один.
Зато какой петух!»

• • •

Представлю тихую деревню:
В резных наличниках дома
Стоят,
 как будто терема,
Клубникой пахнет да вареньем,
Да в лопухах собаки дремлют,
Урча на дальние грома.

Представлю солнечное утро,
Его сложившийся обряд,
Когда подойники гремят,
Коровы вдумчиво и мудро
Глядят на солнышко,
 как будто
Молитву древнюю творят.

Закат раскрасит в избах печи.
И, сократив дневную прыть,
Мужчины сядут покурить
Да похвалить обычный вечер,
Что помянуть особым нечем
И невозможно
позабыть.

А ночь настанет, вспыхнут звезды
Над зрелой зеленью садов,
Над темной свежестью прудов.
А над заречьем сенокосным
Засеребрится,
 дрогнув, воздух
Под звук серебряных ладов.
И сердце,
 словно в озаренье,
Прощальный чувствуя привет,
Сожмется горестно в ответ,
Едва в лазурном оперенье
Припомнит тихую деревню,
Какой давно на свете нет...

• • •

Ну вот она
 пришла, рябиновая осень,
Пришла,
 прошелестев походкой молодой.
Торжественно горят ряды высоких сосен
Над тихой,
 как во сне, озерною водой.
И нет ни озаренных листьями оврагов
И ни пропахших свежим яблоком ночей.
И словно никогда здесь не было варягов,
Не раздавалось их заносчивых речей.
Просторней стала даль,
И небо стало выше,
Над полем тишина стеклянная звучит.
Земля не помнит зла,
Земля любовью дышит,
И всё не может нас
Тому же научить...

• • •

Костер,
в котором мы горим, —
Гори,
не гасни.
Под небом грозным и рябым
Ты —
вечный праздник.
Как на смертельном выраже
Заходит сердце!
Ведь мы с рождения уже
Самосожженцы.
И в нашей собственной крови,
И в нашей доле
Костер тревоги и любви,
Борьбы и боли.
Он жжет и мучит каждый час,
Не зная сроков.
Но скрыты от сторонних глаз
Следы ожогов.
Чтоб оттянуть глухую ночь
И чтоб не гасло,
Мы в тот огонь подлить не прочь
И сами масла,
И жаль нам тех,
кто даже дым
Втянуть боится.
А о сгоревших говорим
Как о счастливцах.

• • •

Опять подули северные ветры,
На крыше вновь захлопала доска,
И стали протяженней километры,
И стала обостреннее тоска.
Взойду с трудом и гляну с косогора,
И снова поразит знакомый вид:
Рябина у разбитого забора
До ниточки промокшая стоит.
За ней понуро тянется к опушке
Копытный след меж опустевших гряд,
Что, одиноко выйдя из конюшни,
Уже не возвращается назад,
Какая грусть над выдохшимся полем,
Над спинами ободранных ракит...
Смиренный лик далеких колоколен
Мелькнет и впечатление довершил.
Линялые клочки осенних пожен
И в прошлогоднем мусоре овраг...
Куда пойти?
Везде одно и то же.
Одно и то же: слякоть, дождь и мрак.
Но как ни одиноко над оврагом,
А торопиться незачем в отлет,
Когда за этим холодом и мраком
Тебя никто не помнит и не ждет.
Вовсю шумит и стонет холода
И новыми разбоями грозит.
Но жизнь моя, как тонкая рябина,
Под ветром хоть и гнется, а стоит.

• • •

Я не заживусь на этом свете.
Не случайно кажется;
Вот-вот
И меня,
рванув,
осенний ветер
Заодно с листвою
Унесет.
Полечу я над знакомой лужей,
Над своей мелеющей рекой,
Скомканный такой
И неуклюжий,
Грустный
И растерянный такой,
Но взнесет меня порывом мощным
В самый тот,
Заоблачный предел,
Чтоб в последний миг
Земные рощи
Я с высот небесных
Оглядел.
Со слезой,
Но только без укора,
Словно пребывая во хмелю,
Эту жизнь,
Минувшую так скоро,
Я в последний раз благословлю.
И увижу,
Как, раскинув крылья,
Птицей золотой
Взмывает Русь.
Но последней радостью открыться —
Жаль! —
Уже ни с кем
не поделюсь...

• • •

В дни покоя и годы труда,
Что даруют судьба и Отчизна, —
Ожидаема радость всегда,
Хоть всегда коротка
И капризна.

Встрепенусь,
Закружусь,
Засмеюсь:
На конец-то!
И складно, и ладно!
Надоела
Вселенская грусть,
Как порой ни чиста,
Ни отрадна.

Радость вы светит золотом даль.
С этим чувством ясней и беспечней
Только верю я больше
В печаль,
Потому что она —
Долговечней...

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

I

Потеряем скоро человека,
 В этот мир забредшего шутя.
 У законодательного века
 Вечно незаконное дитя.
 Тридцать с лишком лет как из пеленок,
 Он, помимо прочего всего,
 Лыс, как пятимесячный ребенок,
 Прост, как погремушечка его.
 Бродит он по улицам Державы,
 Дышит с нами Временем одним,
 Уважает все его Уставы,
 Но живет, однако,
 По своим.
 «Как сказал он!
 Как опять слукавил!» -
 Шепчут про него со всех сторон.
 Словно исключение из правил,
 Он особым светом озарен.
 Только на лице вечерне-зыбком
 Проступает резче что ни день
 Сквозь его беспечную улыбку
 Грозная трагическая тень.
 И не видеть мы ее не вправе,
 И смотреть нам на нее невмочь,
 И бессильны что-нибудь исправить,
 И не в силах чем-нибудь помочь.
 В нашем мире риска и дерзанья,
 Где в чести борьба да неуют.
 Эти отрешенные созданья.
 Как закаты, долго не живут.

II

За окнами мечется выюга,
 Сквозит предрассветная мгла.
 Душа одинокого друга
 Такой же бездомной была.
 И мне потому — не иначе —
 Все кажется, если темно,
 Что кто-то под тополем плачет
 И кто-то скребется в окно.
 Не раз ведь походкою зыбкой,
 То весел, то слаб и уныл,
 Он с тихой и тайной улыбкой

Из вьюги ко мне приходил.
В тепле отогревшись немножко,
Почти не ругая житье,
Метельные песни ее
Играл на разбитой гармошке.
Гудела и выла округа,
Но он вылезал из угла.
И снова холодная вьюга
Его за порогом ждала.
И слышало долго предместье,
Привычно готовясь ко сну.
Как их одинокие песни,
Сближаясь,
Сливались в одну...

III

Милый друг мой.
Прощаясь навеки,
В нашей горькой и смертной судьбе
Всю силой, что есть в человеке,
Я желаю покоя тебе.
Оставаясь покамест на свете,
Я желаю у этих могил
Чистых снов, тишины и бессмертья.
И любви.
Ты ее заслужил.

• • •

Время радости, лунности, струнности
Я бродил под ветвями тех дней
И чужой не завидовал юности —
Я тогда наслаждался своей.
Той малиной и тою морошкою,
Разогретой на солнце сосновой,
Ослепительным платьем горошками,
Что пропахло купавой лесной.
Ах, как пела труба водосточная
И струя трепетала, лиясь.
И какая трава была сочная,
И какая воложная грязь!
Было все, словно речка весенняя.
Догоняй, наклоняйся, лови!
Торопливое время взросления,
Напряженное время любви.
Не стареешь ты и не меняешься,
Словно древний пейзаж на стене.
И чем дальше ты отодвигаешься,
Тем все ближе и ближе ко мне...

• • •

Не буди ты тоску
В присмиревшей крови,
Не гляди за реку
И меня не зови.

Над высокой сосной
Затянуло окно.
Мы на праздник лесной
Опоздали давно.

И брусника была,
И черника была —
И черника сплыла,
И брусника сплыла.

Но в душе одинокой
Не тает досель
Озаряющий, легкий
Малиновый хмель.

Зря, головки клоня,
Волновались цветы,
Что в малинник меня
Уводила не ты.

Сквозь полуденный свет
Проступила звезда.
Ни раскаянья нет,
Ни — тем боле — стыда.

Не буди ты тоску
В зазвеневшей крови,
Не гляди за реку
И меня не зови.

Не лукавлю с собой,
Потому и молчу:
Волчьих ягод с тобой
Собирать не хочу...

• • •

Любуюсь твоей красотой...
В душе не осталось сомненья,
Что в жизни природы самой
Бывает пора вдохновенья.
Пройдя по морям и лесам
И встретив однажды — поверьте, —
Бродяги
Таким вот глазам
Верны оставались
До смерти.
Пугаясь и жаждая встреч,
Скрывая к счастливчику зависть,
В глухи
Из-за этих вот плеч
Седые поэты спивались,
Не раз из-за ножек таких,
Что словно в тумане белели,
В столичных салонах франтих,
Как пунш, разгорались дуэли.
Но ты еще слишком юна
Для гордости и пониманья,
Как надо
Сквозь все времена
Такое нести достоянье.
Опять, не горя, не любя,
В случайных объятиях млеешь.
О, как я жалею тебя,
Когда ты себя
Не жалеешь.

• • •

Можно все еще вернуть,
Можно все еще уладить.
Только ласково взглянуть,
По головушке погладить.

Но в глазах,
В словах литых
Нет ни боли,
ни печали:
Мы для нежностей таких
Слишком грамотными стали.

Вдруг да броситься на грудь.
И чего, скажите, ради?
Вдруг да ласково взглянуть,
По головушке погладить...

• • •

В пронизанных влагой потемках
Мерцает оттаявший пруд.
А девочка шепчет о том, как
Над озером сосны цветут.
Над озером,
Где по соседству
И школа,
И лётная часть,
Где только закончилось детство,
И юность уже началась.
Пусть я похожу на младенца,
Внимая ее забытью.
Но только горячее сердце
Так Родину видит свою,
Чтоб в синей языческой рани,
В далекой весенней дали
Не розы,
Не в окнах герани —
А сосны
Родные
Цвели!



1984

Мухомар

КАРАУЛЬНАЯ СОПКА

«Современник».
Москва.

слова и слова
и языки словы

• • •

Какая-то прозрачная печаль,
Печаль недолговечности живого,
Она коснется словно невзначай,
Себя не обозначив даже словом.
И я пойду на тайный зов ручья,
Чтоб убедиться в явности рассвета,
В существованье дождика и ветра,
А через них —
и собственного я.

Вновь помолчу,
забыв про бег минут,
Над листьями, оборванными ветром,
И постою у вымахавших кедров,
Которые меня переживут.
И я пойму, быть может, до конца,
Себя окинув с грустью неизменной,
Ничтожность смерти

одного лица
Перед лицом бессмертия Вселенной,
Где век пройдет — но вспыхнут зеленя,
Мир с наслажденьем повторит основы
С одним лишь упущенiem пустяковым,
Что он забудет повторить
Меня.

• • •

Нет у меня иного счастья,
Чем тихий берег над рекой,
Где доброй бабушки участье
Оберегает мой покой.
Где я встаю с восходом солнца,
Весь довольнехонек встаю
И поднимаю из колодца
Прохлады полную бадью.
И —

небесам самим на зависть
Свечусь,
Заспав былую грусть,
И чисто-чисто
Умываюсь,
И долго-долго
В них смотрюсь,
В те небеса над свежим лугом,
Где, разлохмачены слегка,
Неторопливо
Друг за другом
Плынут и пухнут
Облака.
Слежу за их раздольным бегом
И вдруг,
Всю землю возлюби,
Таким счастливым человеком
Опять почувствую себя,
Что не сдержу слезу участья,
Внутри кипевшую давно,
За всех,
Кому такого счастья
И половины не дано.

• • •

Привычны —
Подъем до рассвета
И свет в полуночном окне...
Сурово стремление это —
С эпохой быть наравне.
Ты действуешь в жизни отважно,
И все ж для тебя не секрет,
Что Времени,
В общем, не важно —
Живешь ты на свете
Иль нет.
И, может быть, высшая доблесть —
Пред ним не поворачивать вспять,
Под ношей шатаясь и горбясь,
Ее в полпути
Не бросать.
Идти через рвы и завалы
И так подниматься к борьбе,
Чтоб Время
Само задержало
Внимательный взгляд
На тебе.
Оно не потерпит слюнтяя,
И надобно выдержать — стать,
Указы его исполняя,
Смелее
Свои диктовать.
Тянуть непосильное бремя,
Ругаться и спорить с судьбой
И все ж неподвластное Время
Заставить
Считаться с собой.

ФИЛОСОФ

Он часто думал на овчине,
Как навсегда уйдет во тьму.
Но мысль
О собственной кончине
Не заслоняла свет ему.

Он говорил полуугрюмо,
Свою раскручивая нить:
«О смерти нашей
Стоит думать,
Чтобы еще острее
Жить...»

СТРОГОСТЬ

Сынユ Саше

Мальчик,
А уже видна основа
Рассудительного мужика.
Нет, ты у меня не зацелован
И не заворкован ты пока.
Помню, дед мой,
вырастиивший трудно
Четверых —
Мастеровых,
Солдат, —
Без особой заданности будто —
Был всегда
На ласку скуповат.
Даже бабке,
что перед дорогой
Гладила да нежила сынов,
Замечал внушительно и строго:
«Ты не порть мне, матка, мужиков!»
Я и сам порою замечаю
Дедовскую струнку за собой,
С малых лет тебя не приучаю
К сладости
Да слабости любой.
Собственного сына не балую,
Ты потом признаешься и мне:
«Были слишком редки поцелуи,
Потому и памятней
Втройне».

• • •

Со всех встречавшихся широт,
Со всех мелькавших параллелей
Я рвался в дом родимый,
Тот,
Что затерялся между елей.

Привет вам, дедовы места!
Проселок, выгон, лесосека...
Но родина уже не та,
Где нет родного человека.

Но родина уже бедней,
Хоть вдоволь здесь грибов и хлеба,
Хотя по-прежнему над ней
Горит и вздрагивает небо.

Коровы у пруда мычат
И воду пьют,
Как чай из блюдца,
И стаи взбалмошных галчат
По-над часовенкою вьются.

Меня, конечно, примут здесь,
И зазовут на день рожденья,
И, так сказать, окажут честь,
И не покажут отчужденья.

А мне-то надо лишь одно:
Чтобы гудок летел с причала,
Да дед глядел в свое окно,
Да бабка кринками бренчала...

• • •

Не чья-то властная немилость
От ровной жизни и тепла
Железная необходимость
Ребят в казармы привела.

Надев казенные рубахи,
Как это требует закон,
Они исправно чистят бляхи
И бьют подковами бетон.

Не позволяя сердцу киснуть,
С упрямством истых северян
Неунывающие письма
Ребята пишут матерям.

Прилежно бодрствуют на вахте:
Мол, что нам стоит — молодым.
Но вдруг ржаной ломоть запахнет
Росой и полюшком родным.

Где, опоясавшись кустами,
Избенка смотрит на овсы
И звоном рюмочек хрустальных
Звенят старинные часы.

И мать, уняв свою кручину,
Не выплаканную в ночи,
Все щеплет звонкую лучину
У нерастопленной печи.

Воспоминания солдата
Чинят нередко самосуд:
Они под сердце бьют как надо,
И нервы рвут,
И спины гнут.

А парни лишь считают годы
И слышат:
 боли не тая,
По ним ревут гудки заводов
И сохнут травы
И поля.

• • •

Солдаты действительной службы,
Привыкшие, в грудь не бия,
Эпохи заботы и нужды
Уверенно брать на себя.
Любимцы рассветной России,
Романтики,
чья борода —
Сокровище в три волосины,
Стоящих в четыре ряда.
Мальчишки, что к веку причастность
Познать не успели до дна...
Но разве свою безопасность
Мальчишкам доверит страна?
А смысл корневой
Не заложен,
Что, в завтра идя напролом,
Мы самые тяжкие ноши
На плечи любимцев кладем.
Не зная в боях передышки,
Врагов изумляя подчас,
Мужчинами
эти мальчишки
Себя показали не раз.
Под грохот фасованной стали
Они в назиданье векам
С одними колами вставали
Навстречу германским штыкам,
Они озирали недобро
Забрызганный кровью подвал,
Когда им прозрачные ребра
Обдуманно обер ломал.
Заряжены гневом и мщеньем,
Они и под дулом тупым
Сражались плевком и презреньем —
Последним оружьем своим.
А помня об этаком, нужно ль,
Ведя к современности нить,
Солдатам сегодняшней службы
О долгे еще говорить.

ХЛЕБ

Нельзя сказать, чтоб лишка рылись
в яствах,
Хоть жили не бедней
Других людей.
Заботы и нехватки государства
Ни разу не минули
И детей.
Но были дни — щедры и плодородны,
Кряхтели старики:
«Вот это жись:
И рыбы —
сколько душеньке угодно,
И ягод и грибов —
хоть завались».
Бывало, на пшене
Пышнело тело,
Случалось,
Что и меду не хотел...
Все вроде бы когда-то надоело.
И только хлеб —
один!
не надоел.

• • •

Все однажды миновало,
И теперь ищи-свищи
Те тревоги и привалы
И солдатские борщи.
Только память гулким топом
До последних кружит дней
По крутым и горьким тропам
Терпкой юности моей.
Что еще с былым за счеты,
Что за тяга в дальний край?
Новый день дает работы —
Управляясь поспевай.
Мало ль нас во что вгоняло.
Буквой. Точкой. Запятой.
Мало ль там чего бывало...
Все бывало в жизни той,
Где с судьбой напрасно спорить.
Только эта жизнь прошла.
Как же молодость не вспомнить
Словом дружбы и тепла?
Вот и я сижу, глотаю
Мирной жизни естество,
Раны старые считаю
После боя своего.
А вдали от нашей стройки,
Под полярный снегопад,
На моей скрипучей койке
Спит молоденький солдат..

• • •

Спасибо, горная маслина,
За то, что ты вчера,
Как сына,
Схватила за руку меня,
Когда в горах я оступился
И к черной бездне покатился,
Костями весело звена.

Спасибо, горная маслина,
Что моего родного сына
Я снова на руки беру,
Жену встречаю молодою
И мать не с белой головою,
А с тихой песнею в бору.

Чем отдарюсь за это счастье?
К чему тебе мое участие,
Поднявшейся на крутизну?
Но знай хотя б:
Вернувшись к дому,
В беду попавшему —
Любому! —
Я так же
Руку протяну.

• • •

Немного надо человеку
Для радости в конце концов:
Рассветный луч,
Пригоршня снегу .
Да полдесятка
Добрых слов,

И он уже готов сорваться
Со всех запретов и диет,
Забыв, что вредно волноваться,
Что все застолья и танцы
Ему не в пользу,
А во вред.

Уже он полон жаждой счастья,
Уже способен жить и жить.

А мы и те-то крохи
Часто
Ему скучимся предложить.

• • •

Черемуха, береза и рябина
Под окнами стоят в расцвете сил,
Шумят о том,
Как ты меня любила,
Поют о том,
Как я тебя любил.

Содомила пурга,
Мели метели,
Захлебывался бурями закат...
А наши дни
Без памяти летели
В цветах и росах
С головы до пят.

А наши дни,
Сгорая в тайной страсти,
Светились, как янтарное вино.
Но потому так и мгновенно счастье,
Что слишком упоительно оно.

Теперь,
В былое веря и не веря,
Встречаю одинокую зарю
И на святую троицу деревьев
Все так же ожидающе смотрю.

Черемуха, береза и рябина
Шумят, шумят,
Тревожа прежний пыл,
О том,
Как ты однажды разлюбила,
А я
Еще больнее
Полюбил...



1987

Михаил

ТРЕТИЙ ГУДОК

«Советский писатель».
Москва.

и слова и слова
язык словы

• • •

Думал, нет ни знакомых, ни близких.
Думал, вновь обречен на тоску.
Но нежданно
В горах киммерийских
Раздалось,
Защемило —
«Ку-ку».
Как призыв,
Как привет
И утеша,
Остальные глуша голоса.
И ущелья
Ответили эхом.
Чистым эхом.
Как наши леса.
Значит, шляясь в горах
И рискуя,
Не печась о стабильном тепле,
Не один,
Не один я кукую
И тоскую
На этой земле.
И еще, поднатужась,
Пожалуй,
Что-то сделать смогу
На веку,
Лишь бы всюду меня провожало
И встречало родное — «ку-ку».

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЧУХИНА

Опять мы хороним поэта
И горькую теплим свечу.
«За что наказание это?» —
Бессвязно,
Бессильно шепчу.
И пристально
Кто-то
С пригорка
В меня
Сквозь ненастную грусть
Все смотрят
Пытливо и зорко,
Как будто я смерти боюсь.
Не знаю,
Кто раньше, кто позже
Познает сию благодать,
Но прежде-то времени
Все же
Нельзя
Ни жалеть,
Ни пугать.

• • •

Учитель нас нацеливал не так.
Рожденный, так сказать, слугой момента,
Он не был недотепа и простак,
Но мало было в нем
Интеллигента.
Он рано покидал свою кровать
И торопил нас действовать скорее,
Но обучал
Копаться и копать
И не учил
Парить и гордо реять.
Он отдавал питомцам все, что мог,—
И хлеб, и соль,
И вырезку говяжью.
Но всю основу видел
В мышцах ног,
Естественно считая крылья —
Блажью.
На нас угробив множество годов,
Он все же вызывает в сердце
Жалость:
Ведь он всю жизнь
Выращивал кротов,
Орлы ж — наперекор ему
Рождались.

ОБЛЕПИХА

Памяти Василия Макаровича Шукшина

Полна печального значенья
Судьба подпершего плетень
Светолюбивого растенья,
Назло задвинутого в тень.
Чтоб, медоносное от роду,
Оно (нишкни и не перечь!)
Патлатым недругам в угоду
По жилам
Гнало
Вместо меду
Лишь разъедающую желчь.
Но рано праздновал победу
Самонадеянный упырь:
Листва
Сама
Пробилась к свету
И размахнулась
Во всю ширь.
И ничего,
Когда для деток
Иль объявившихся внучат
Под осень, сорванные с веток,
Немного ягоды
Горчат.
В них мера меда,
Доля перца.
Все есть в природе: свет и тьма.
Так сладость —
Пусть идет для сердца,
А та горчинка —
Для ума.

ЕРШОВАЯ УХА

басня

Уж больно боек был, сердешный.
Ведь я его как на духу
Предупреждал:
Нельзя поспешно
Хлебать ершовую уху.

Он посмеялся, как поквакал:
«Не бойся,
Я ученый гусь.
Я, окромя болезни рака,
Ни-чо на свете
Не боюсь».

И вдруг опять заторопился
Да на уху как приналег!
А ершик, видно, изловчился
И встал в гортани
Поперек.

Спасли бы, может,—
Жил бы сокол:
Уж не жалели люди сил.
Но слишком он его глубоко,
Костлявого-то,
Заглотил.

Мораль:

Ведь как коварна жизнь, однако.
Вот человек, сказать — душа;
Всю жизнь боялся только рака,
И нате:
Помер от ерша.

• • •

Ну что ж, Армения, прощай...
А может, все же — до свиданья?
Мне полюбился гордый край,
Его упругие названья
Селений горных,
Шумных рек
И улиц пламенной столицы.
Где полной грудью дышат птицы
И полной жизнью —
Человек.
Я постараюсь уберечь
Среди рассеянности прочей
И обжигающую речь,
И прожигающие очи.
Но час пробил.
Уже ревет
Нетерпеливый самолет,
Да так, что искры,
Гром и чад
Из всех ноздрей его
Летят.
Но что нам!
Пусть несет вперед.
Не страшно — рытвина ли, яма.
Я разгляджу с любых высот:
Навстречу родина,
Как мама,
Слезой озерною
Блеснет...

• • •

За чаем, горячим и вкусным,
В протопленном к ночи дому,
Быть может, немножечко грустно.
Но так хорошо
Одному.
Шумят под окошком рябины.
Никто их не слышит,
Никто...
Быть может, немножко обидно,
Но как же спокойно
Зато!
Ты где-то далёко-далёко
В своей обжитой стороне.
А вдруг и тебе
Одиноко...
Но так ли прекрасно,
Как мне?

деревенский

Борис Тураев

1988

Ге Михаил



1988

Михаил

СВЯТЫНЯ

157

«Северо-Западное книжное издательство».
Архангельск.

слово и слова

указы любовь

ЗЕМЛЯ

Присмотришься — велик ли мужичок.
Полметра на костюм,
Как говорится.
Ножонки врозвъ,
Головка набочок.
Кажись, махни —
И свалишь рукавицей.
А две войны,
Три культа пережил,
Отсутствие и сахара,
И масла,
Познал режим,
И жим,
И пережим —
Все пережил —

и нате! —

не сломался.

А спросишь невзначай:
Мол, как же так!
Ведь все-таки
Концлагерь,
Шпree,
Висла...
Он поглядит хитро:
«А ты, чудак,
Запамятовал, что ли,
Где родился?..»

КУКУШКА

Едва припоздавшее солнце
 Повесит дугу на суху —
 Уже над ручьем раздается
 Знакомое с детства
 «Ку-ку».
 Еще не просохла опушка,
 И снова дождя нанесло, —
 А все же лесная кукушка
 Уже накликает
 Тепло.
 Уже она ищет, блудница,
 Ленивая строить жилье,
 Какой бы доверчивой птице
 Подсунуть
 Потомство свое.
 Чтоб снова порхать
 между сосен,
 Рябить опереньем своим...
 За то мы ее
 И поносим,
 И в баснях нередко
 Клеймим.
 А ей и заботушки мало,
 Кукует с утра дотемна.
 То вяло,
 То вроде устало
 Считает
 И знает она,
 Что даль огласившей весною,
 Простится ей всё на веку
 За это
 Такое простое,
 Земное,
 Всегда молодое,
 За это
 Такое родное
 И светлое это —
 «Ку-ку».

ОДИНОЧЕСТВО

Глебу Горбовскому

Господи!
Снова один
Средь обогретых лесов,
Средь упльывающих льдин
И разливных голосов.
Всё и поет, и звенит,
Гонит тоску и печаль —
Освобожденный зенит,
Раскрепощенная даль,
Затрепетавшая глубь,
Заполыхавшая ширь,
Даже под вывеской «Клуб»
Выстоявший монастырь...
Влево посмотришь — леса,
Глянешь направо — река,
Голову склонишь — роса,
Вскинешь ее — облака;
Долго стою без пальто,
Плоть набирается сил.
Кто одиночество, кто
Словом дурным заклеймил?
Знаю вернее всего,
Что средь родимых равнин
Я б не обрел ничего,
Если бы не был —
Один.

• • •

Тоска по любви,
 По чистой любви,
 Ты вечно в крови.
 Ты вечно в крови.
 Она как роса,
 Такая любовь:
 То высохнет вдруг,
 То выпадет вновь.
 Воюет ли, рушит,
 Строит ли век —
 Но вечно по ней
 В тоске человек.
 Чем годы быстрей
 Относит в века,
 Тем горше, больней
 И резче тоска.
 Кончается ночь,
 Является свет,
 А вечной любви
 Все нет и все нет.
 Кого мне молить,
 К кому мне взывать,
 Куда мне свою
 Тоску подевать?
 Опять напряглась
 Вечерняя тиши:
 Уж так ты меня
 Глазами сверлишь.
 Мол, снова они,
 Ажурные сны?
 Мол, мало тебе
 Законной жены?
 Не мало, не мало,—
 Что ты, дружок?
 Боюсь,
 Лишковато даже чуток.
 Все славно, в порядке, в норме.
 А все ж
 Опять не о том ты
 Речи ведешь.
 Опять не о том
 Болит голова,
 И жалки, пусты
 И глупы слова.
 Себя не трави,
 Меня не гневи,
 А лучше пойми
 Тоску по любви...

• • •

Александру Боброву

Ну что же ты молчишь,
Мой самый чуткий друг?
Меня пугает тишина
И ранит
Каждый звук.
Все это не теперь,
Конечно, началось...
Прикрой-ка лучше дверь,
И так слыхать
Насквозь.
Я так бывал устал
И так вразнос любил...
Бывало, выпивал,
Случалось, даже пил.
Вздыпало вверх меня
И рушило на дно.
А сердце из кремня —
Бывает ли оно?
И вот теперь лежу,
Судьбой почти отпет.
О чем-нибудь тужу?
Да нет, мой милый,
Нет.
А плачу потому,
Что на исходе дней
Завидую тому,
Кто жил
Ещельней.

деревня [нога]
Борис Фурман [ноги]



1991

Мурзагул

ЕДИНСТВО

«Молодая гвардия».
Москва.

слова и слова
один слово

ЕДИНСТВО

Есть оно, такое убежденье,—
Не какой-нибудь
Похмельный стих:
Нас и впредь
Спасет от поражения
Единенье мертвых и живых.
Ведь всегда оправдывал надежды
Пушкин,
Что бывал
Родней отца:
Ты его прикроешь
От невежды,—
Он тебя спасет
От подлеца.
И не раз,
Врагам на страх и зависть,
В драку и атаку,
Как бойцы,
Наравне с живыми
Поднимались
Наши дорогие мертвецы,
В одиночку сладить нам — едва ли.
И не спас бы призрачный кумир.
Нас они
Вели и вдохновляли.
Мы же отвоевывали мир.
И за день весенний
И осенний
Нынче и вовек
В конце концов
Вновь пойдет
Загубленный Есенин,
Ринется
Задушенный Рубцов.
Так и будем жить,
Смыкая силы,
Презирая трусов и деляг;
А умрем —
Сумеем из могилы
За друзей своих
Поднять кулак!

ОБРАЩЕНИЕ НА «ВЫ»

|

Я Вас давно люблю, Россия,
 Об этом вслух не говоря:
 Она меня всегда бесила,
 Моя ущербность словаря.
 Как объяснишь наплывы страсти,
 С какими,
 Презирая суд,
 Фанатики,
 Как на причастье,
 На преступление идут.
 И, обезумев,
 Нелюдимы,
 Ни жестом не переча ей,
 К порогу женщины любимой
 Приносят в жертву
 Матерей.
 Нет-нет, сынам
 любовь присуща
 С прозрачной слаженностью чувств,
 Без поднимающих
 И гнущих
 Противоречий
 И безумств.
 А я смотрю на Вас, Россия.—
 И вижу только Вас одну —
 Как предок, лапотный и сирый,
 Ту неприступную княжну.
 Не подходя к черте запретной,
 Он прячет чувство, одержим,
 И упивается своим,
 Не помышляя об ответном,
 Неразговорчив и печален,
 Лицом пригож,
 А неженат,
 Он ходит, сгорбившись,
 Ночами
 У белокаменных палат.
 И если он пустые бредни
 Не смог впервые удержать —
 Не прикажите из передней
 Его за это
 В шею гнать.

II

Таким зело мудреным слогом
Я выражал свой юный пыл,
Когда с Россией,
Словно с Богом,
Баском нетвердым
Говорил.
(Не потому, что мудрым был.)
Поначитавшись всяких книжек,
Я распалял себя до слез.
Нет-нет, она не стала ниже,
Наверно, я чуток подрос.
Иначе вижу и толкую,
Отсюо пользу от вреда,
И мать
На женщину любую
Не променяю никогда.
Ну что ж!
Изрядней стали силы,
Определеннее черты,
И в обращении с Россией
Я перешел давно
На «ты».
Как с речкой детства небогатой,
Где я плескался, оголец.
Как с милой матерью когда-то,
Как с добрым другом, наконец.
Не верю моде и капризу,
Молюсь на те же образа
И не заглядываю снизу,
Коль надлежит глядеть в глаза.
У нас одни и те же дали,
И жар, и сдержанность в крови.
А доля дерзости едва ли
Помеха истинной любви...
И разговор наш будет длиться
Дотоле, надо полагать,
Покуда сердце
Сможет биться,
И реки течь,
И Русь стоять.

ОТСТОЯЛИ

Василию Белову

Сияет над Вологдой крест золотой,
И светятся стены Софийского храма,
И мало святыню
Назвать красотой,
Хоть в этом и нету
Обиды и срама.
Но я по-особому
Счастлив и горд,
Ступая под своды
Намеренно рано,
Где слышится грохот
Петровых ботфорт,
И дыбится глас
Самого Иоанна.
А было кому-то угодно вчера.
Чтоб все это сгинуло,
Кануло,
Стерлось,
И сердце бы знало
И пело с утра
Лишь новое счастье
И новую гордость.
Но сердце мужей — инструмент не простой,
И воля —
Отнюдь не безвольная дама.

...Сияет над Вологдой
Крест золотой,
И светятся стены
Софийского храма!

САМОСОЖЖЕНЕЦ

...И жил он, и мыслил не просто,
Природный
Растрачивал пыл.
А прожил бы лет
Девяносто,
Когда б поумеренней
Жил.
Не ради бравады,
Тирады
В крутые впадал виражи,
А все ради чести
И правды,
И все против лести
И лжи.
Курил и терзался
Безбожно,
Срывался с режимов,
Диет,
И умер,
Как будто нарочно,
Во цвете,
Во празднике лет.
В сознательном словно запале
Сжигал свою душу, скорбя,
Чтоб следом идущие
Знали,
На что
Обрекают себя.

ПЛАЧ ПО ДЕРЕВНЕ

Деревня ты, деревня,
Древесные коренья,
Залатанные крыши
Да сгнившие углы...
Тебе всегда хватало
Терпенья да смиренья,
И скрытой,
И открытой
Хулы и кабалы.
Всю жизнь тебя тягали,
Как дойную корову,
Дрекольем закаляли
И спину, и бока,
Толкли в пустое пойло
Солому да полову,
Но требовали все же
Погуще молока.
Всю жизнь тебя считали
Чадящей головешкой,
Скупой да бестолковой,
Отставшей за века.
И даже пролетарский писатель
Горький-Пешков
Тебя поставил ниже
Бродяги-босяка.
Но — странно — почему же
Настраивали Лиру
Среди лугов и пашен,
Где речка и трава,
Что именно деревня
И подарила миру
Есенина, Кольцова
И Ломоносова.
Что именно деревня
Вылечивала души,
Оберегала совесть
И сберегала честь,
Преданья,
Как хоромы,
Не позволяла рушить
И верила по-детски
Во всеблагую весть.
Всегда тебя, деревня,
Доверчивость губила.
Ты в душу запускала,
Как в избу —

Без рубля.
И вот, где были избы,
Теперь торчат уныло
Черемухи в крапиве,
В крапиве тополя.
Но сердце протестует,
И разум не мирится,
Чтобы любовь и память
Сровнял с землей
Прогресс:
Россия без деревни —
Без оперенья птица,
Без голоса,
Без крыльев,
Без воли и небес.
Восстань, восстань, родная,
Из пепла и забвенья,
Поправь свои крылечки,
Глаза протри скорей.
И уведи из чада
И самосокрушенья
Запутавшихся дочек
И блудных сыновей.
Раздуй над ними ярче
Зареченские звезды,
Отвороти от пьянства
И суть вдохни в рубли.
Ты вразуми заблудших,
Пока еще не поздно.
Пока еще не поздно...
А вот не поздно ли?..

МАЛИНА

Говаривала с чувством Катерина,
 Соседскую оглядывая дочь:
 «Снабдил Господь...
 Не девка,
 А малина!
 Да наши дурни —
 Всё обочь,
 Обочь...»
 Отнекивались парни
 И с досадой
 Оборонялись выпадом таким:
 «А может,
 Нам малины и не надо,
 А может,
 Мы смородины хотим!»
 Но сами все косили глаз,
 Косили
 Туда,
 Где, озаряя небеса,
 На фоне
 Разгорающейся сини
 Светилась
 Древнерусская коса,
 Коленки загорелые
 Мелькали,
 При каждом шаге
 Вздрагивала грудь...
 Во все века
 Подобные детали
 Мужчинам
 Загораживали путь.
 И суть понять мешали — вот проклятье.
 Да что там суть!
 В любые времена
 Она ведь
 Не застывшее понятье,
 И без деталей
 Тоже не полна.
 Покамест «то да сё»,
 Да «трапли-вали»,
 Болтали
 Да мели туда-сюда...
 А кто-то оценил, видать,
 Детали
 И умыкнул малину
 В города.

Случись бы это раньше —
Сразу драка.
Теперь —
Борьба за качественный труд.

...А парни
Доманежатся, однако,
Что скоро и смородину
Упрут.

ПРОСЬБА

Занеси меня в Красную книгу,
 Не губи,
 Пожалей,
 Пощади.
 Что-
 в кармане держащего фигу
 Ожидает меня
 Впереди?
 Погляди,
 Сколь покорно и долго,
 Раsterяв по дороге
 Апломб,
 Я сижу,
 Как под праздничной елкой,
 Под гирляндами
 Атомных бомб.
 А меж этим,
 По сводкам эфира,
 Донага расчехлясь по весне,
 Все ракеты
 Враждебного мира
 Прямо в сердце нацелены
 Мне.
 Не сочти,
 Что пуглив, как ребенок,
 Но признай,
 Признавая прогресс:
 По сравненью со мной
 Аистёнок
 Просто очень счастливый
 Балбес.
 За него и наука,
 И пресса,
 И — до бел раскаленных висков —
 Защищает его интересы
 Сам Василий Михалыч Песков.
 Ну, а против души моей русской,
 Может быть,
 Не один континент,
 И с улыбкой своей
 Голливудской
 Самый лживый из всех
 Президент.
 Сколько ж надо
 Терпенья и воли,

Чтоб отвесьть
Мировую напасть,
И взрастить
Свое трудное поле,
И в него самому
Не упасть.
Потому и молю я — без крику —
Ради жизни и блага земли:
Занеси меня
В Красную книгу,
Пока в Черную
Не занесли.



2000

Михаил

НЕОТЛОЖНОСТЬ

«Вологодская писательская организация».
Вологда.

и слова и слова
и как слова

• • •

Набродился по белому свету,
По широкой
И гулкой земле,
Шумно радуясь
Красному лету,
Низко кланяясь
Снежной зиме.
Поднимался
На синие горы,
Опускался
На темное дно
И, пустые
Презрев разговоры,
Навсегда я усвоил
Одно:
Только в нашей
Великой державе,
Все познавшей —
И милость, и плеть —
В недоверье,
Позоре
Иль славе
Суждено мне
И плакать,
И петь.
Лишь бы в этой
Освоенной тверди
Сил хватило
До крайнего дня
У меня,—
Чтоб служить ей до смерти,
У неё, —
Чтобы верить в меня.

НА РОДИНЕ РУБЦОВА

Ну, что же, друг, я вновь к тебе приехал,
И вновь меня
В простуженной тиши
Встречает
Нарастающее эхо
Твоей
Освободившейся
Души;
Где, одолев
Крещенские морозы,
Знобя и сотрясая
Берега,
Шумят
Твои бездомные березы,
Свистят
Твои сиротские снега.
И ни забвенья нет,
Ни избавленья
От той,
Сверлящей самой,
Может быть,
Постыднейшей
Утраты поколенья,
Что ни простить,
Ни смыть,
Ни объяснить.
А где-то ходит по свету
Убийца
И, к жалости взывая
Без конца,
На людях
Не боится,
Не стыдится
Показывать
Порочного лица.
Угрюмо провожает
Пароходы —
И глухо стонет
Пристанский настил...
А ты не помрачнел
За эти годы,
И говорят,
Что даже
Всё простил.
Но помню я
Закатную полуду,

Прощальные снега,
Собачий брех,
И ничего вовеки
Не забуду,
Поскольку стал
Злопамятнее всех...
Я тоже
Безголовой круговерти
Отдал всю душу,
Вся и любя.
И не боюсь
Ни жизни
И ни смерти,
Хоть и страшусь таких,
Как у тебя...

ВОЛОГОДСКИЙ МАРШ

к 850-летию Вологды

Нагрянут дожди и морозы —
Неведом для русичей страх.
Опять благодарные слезы
Сверкают у нас на глазах.

А Вологда снова и снова
Сияет в лучах синевы.
И по сердцу русское слово
Ровеснице древней Москвы.

Мы выглядим часто сурово,
Нас мучают горе и стыд,
Но в поле взглянись Куликово
Там слава и наша горит.

А Вологда снова и снова
Сияет в лучах синевы.
И по сердцу русское слово
Ровеснице древней Москвы.

И боль, и страданья без меры —
Всё было на грозном пути.
Но смотрим в грядущее с верой —
Она не должна подвести.

Ведь Вологда снова и снова
Сияет в лучах синевы.
И по сердцу русское слово
Ровеснице древней Москвы.

03.03.97 г. «Новый источник»

• • •

Кровь пролилась.
Пробоины зияют.
И дым, и мгла сгостились впереди.
Лишь ордена победные сияют
На выпуклой разбойничьей груди.
Кровь вопиет над всем российским краем,
Шатает путеводную звезду,
Но — выплакано все.
Мы умолкаем.
А вы готовьтесь
К Божьему суду.

• • •

Все говорят, что мы с тобою — пара,
Но в утвержденье
Видимый изъян:
Быть может, ты
По-прежнему гитара,
Да я-то стал похож
На барабан.
Шумлю, гремлю
Но в громе мало толку.
Не тот настрой,
И строй не тот,
И звук.
Зато тебе
Лишь стоит вскинуть чёлку —
И всё преображается
Вокруг.
Звенит река
И каждый луч в восходе,
Поют овсы,
Вовсю звучат леса,
И все разнообразие мелодий
Счастливо повторяют
Небеса.
И, музыке немеркнущей внимая,
Вмешательством ни звука не губя,
Я ей с душой, конечно,
Подпеваю,
Но в основном, конечно,
Про себя.

ДОЧКА СПИТ

Она еще во сне бежит,
Бельё ножонками
Лягает,
И так спешит!
Ну, так спешит!
Кого-то, видно,
Догоняет.
Почти кричит:
«Моряк!»
«Моряк!»
Куда-то мчит
Напропалую,
Губами тычется
В тюфяк:
Собачку, кажется,
Целует.
Вот —
С боку на бок
Поворот.
Подушка, обнятая
Туго.
Счастливый вздох,
В улыбке рот:
Ну, наконец,
Нашли друг друга.
Но вновь диванчик
Заскрипел:
Видать, пришел
Михал Иваныч.
Ах, сколько
Неотложных дел
У маленькой
Осталось на ночь.
Давно по норам спят
Ежи,
Давно за тучу село
Солнце.
И лишь она бежит,
Бежит...
Пока об утро
Не споткнется.

• • •

Пришла пора замаливать грехи.
Не так уж много времени осталось.
Не зря,
Не зря предзимняя усталость
Диктует
Покаянные стихи.
Пора,
Пора замаливать грехи.
В каких я только водах
Не тонул,
В каких лесах и поймах
Не блудился.
И бился
О гнилые сваи пирса,
И слушал
Вечных недр
Утробный гул,
Но линию свою,
Однако, гнул.
Нет, я не отпеваю
Сам себя.
Я просто мыслю
Трезво и бесстрашно,
Что пожил вволю,
Плача и любя.
И только жаль
Осиротить тебя...
Все остальное — в принципе —
Не важно.

20.09.96. Ночь

• • •

Гудело и выло морское нутро,
И ветер
Форсировал глотку.
Я вышел на берег,
Я допил ситро
И сдвинул
Тяжелую лодку.
Скрипел и противился
Старый баркас
Такой непредвиденной
Прыти.
Но понял я:
Самое трудное в нас —
Решиться,
Собраться —
И выйти.
Тяжелые тучи
Толпились в груди,
Грозя
И пророча потери.
Но главный магнит
Исчезал позади —
Заваленный мусором
Берег.
Швыряла,
Крутила
И била меня
Всесветная ярость
И дикость.
Подобного
Не было в прошлом
Ни дня,
И в будущем
Может не выпасть.
Зато убедился,
Обратно гребя:
Пускай не открыто
Америк,
Но есть основание —
Верить в себя,
И смысл —
Возвращаться на берег.

ПЕСНЯ О ТЕБЕ

Не поет за лесом гармошка,
Не шуршит камыш у ручья.
Лишь прошелестит под окошком
Легкая походка твоя.
Поверну дверное колечко.
Ночь на удивленье светла.
Только никого у крылечка,—
Это просто осень пришла.
Помни же, моя золотая,
Я в своем далеком краю
С именем твоим засыпаю,
С именем — твоим же — встаю.
Дождик поколотится в крышу,
Ветер постучится в нее.
Ясно на рассвете услышу
Чистое дыханье твое.
Подхвачу рубашку со стула,
Только зря дойду до ручья.
Это у калитки вздохнула
Тонкая березка моя.
Помни же, моя золотая,
Я в своем далеком краю
С именем твоим засыпаю,
С именем — твоим же — встаю.
Падает на светлые росы
Тихая листва сентября.
Слышно, вновь у ближнего плеса
Кто-то окликает тебя.
Встану и замру под сосною
И с трудом стряхну забытье.
Это осень вместе со мною
Имя повторяет твое.
Помни же, моя золотая,
Я в своем далеком краю
С именем твоим засыпаю,
С именем — твоим же — встаю.

СОДЕРЖАНИЕ

С.Куняев. «Светло побрататься со всеми»..... 5

«Прекрасно однажды в России родиться...»..... 20

«За ржавою оградою...»..... 21

Чаша..... 22

«Любой чиновник заменим...»..... 23

«Мы - не на уровне задачи...»..... 24

ЭКЗАМЕН

«Я будто воин в выкованном панцире...» 26

Экзамен..... 27

Русь..... 28

«Уж как-то так вот получилось...» 29

Мать 31

Поэт 32

Великие 34

МИР, КОТОРЫЙ ЛЮБЛЮ

«Я люблю этот мир...» 36

«Идут груженые машины...» 37

«Рос бледнолицым брат мой и щедушным...».. 38

«Река работала, как лошадь...» 39

Лариска 40

«Ребята из средней России...» 42

«Я был рабочим, стал солдатом...» 43

«Матери рожают не солдат...» 44

«О, вера наших матерей...» 45

«Словно счастье и муку...» 46

МАЛЬЧИШКИ ИЗ ДАЛЁКИХ ДЕРЕВЕНЬ

«Я булыжную осень оставил...» 48

«Откуда эта брошенность и грусть...» 49

Цыганки 50

«Порой попадёшь ненароком...» 52

«Мальчишки из далёких деревень...» 53

Солдатская шутка 55

«Казарма пахнет не духами...» 56

Есть женщина. Лирическая поэма 57

ЖРЕБИЙ

«Зови меня к себе, зови...» 62

«О, если бы мы, добры и чутки...» 63

Деревья 64

Жребий 65

На сенокосе 66

«Нередко взмывая с размаху...» 68

Волки 69

«Курицы пытаются летать...» 70

«Тяжелый хлеб едят поэты...» 71

«Я для сосен, видно, создан...» 72

Памяти Александра Яшина 73

«Ни прежней ревности, ни жажды...» 74

Прощание с институтом 75

«Я отошел и вымотался крепко...» 76

ЛИПОВИЦА

Липовица. Лирическая поэма 78

«Потому ли, что снова в деревне...» 83

Клуб 84

После бани 85

«Сидели бабы на скамейках...» 86

«На душе такая тишина...» 87

«Уеду я от всяких сплетен...» 88

«В глухую пору зимних смут...» 89

Василёк 90

«Жил я, словно в теремах...» 91

Девушки в армейских сапогах 92

«Еще притихшим и помятым...» 93

«Ах, скорый поезд...» 94

«Природной зоркостью не славясь...» 95

Оленька 96

Прощальная 97

«Бегу за новым поколением...» 98

«Нехорошо, ребята, вышло...» 99

«Природа пробуждается от сна...» 100

СЛАВЯНКА

«Счастлив я в своем добре и худе...» 102

«Всё пропью – гармонь оставлю...» 103

«Ой, какая туча движется на нас...» 105

«Хожу в бывные времена...» 106

«Не дробясь, не юля...» 107

«Копаясь вилкою в салате...» 109

«Никто мне больше не поможет...» 111

Николаю Рубцову 112

Женщины в машине 113

«А мост, соединяющий нас, хлипок...» 114

«Словно счастье и муку...» 115

Славянка. Поэма 116

СТИХИ И ПОЭМЫ

«Кому чего, как говорится...» 134

«Катятся тяжелые колеса...» 135

«Солнышко выгуливает мало...» 136

«Погляжу в окно...» 137

«Говорят, я родился с рассветом...» 139

«Мои долги подсчитывал собрат...» 140

«Все истосковалось...» 141

«Крутые отрицатели покоя...» 142

СОЛНЕЧНАЯ СТОРОНА

«Какая даль лежала предо мной...» 144

«Какое все-таки блаженство...» 145

«Природа пробуждается от сна...» 146

«О, сколько в солнышке лукавства...» 147

«Нынче снова дождь...» 148

Россия 149

«На родине моей...» 151

Родное 152

Одна. Лирическая поэма 153

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИТЯЖЕНИЕ

«В годину бурь и тяжкого раздора...»	158
«Россия, белая от снега...»	159
«Затосковал по малой родине...»	160
«Ну что, казалось бы, такого...»	161
«По старой памяти и дружбе...»	162
«В газете хвалят сенокосы...»	163
«Отгорел и потух лес надтемной водой...»	164
«Искать себя, как хлеба ищут!...»	165
«В душе, как в высоканной фляге...»	166
«Годы, годы, годики...»	167
Пурга	168
Самокритическое	169
«Запою в любое время года...»	170

ЧАША

«Пятками прошлепаю босыми...»	172
Братские могилы	173
«Под горой стоит домок...»	174
Ночное письмо Вадиму Кузнецovу	176
«Молотили душу, молотили...»	177
«Куда меня опять толкает ветер...»	178
«До полночи горят папиросы...»	179
Объяснение с другом	180
«В думотвоём необогретом...»	181
«Как зелёный березовый веник...»	182
«Тихо расстаёмся у вокзала...»	183
«Была дарована и нам...»	184
«Ну что, казалось бы, такого...»	185
«По лесам и по горам...»	186
О чём стихи?	188

ПЕРЕКАТЫ

«Простирайтесь вдаль, поля...»	190
«День прошел, и ночь близка...»	191
«Осенняя слякоть и проза...»	192
Материнское начало	193
Подвижник	195
«Нет, видно надо умереть...»	196
Заклинанье	197
Песни	198
Перекаты	201

ПОКА ЗВЕЗДА НЕ ЗАКАТИЛАСЬ

«Ничего не требуя от Бога...»	204
«Пади да болота...»	205
«Опять без вкуса съедена окрошка...»	206
«За столько лет совместной жизни...»	207
Молоко	208
Матери	209
«Моя звезда пока что теплится...»	210
Бессмертие	211
Сборания	212
«Не успел вернуться от реки...»	213
Молитва веков	214

«Пока звезда не закатилась...»	215
«Третий гудок подал пароход...»	216
Последние сапоги	217
Качество	218

ПРЕКРАСНО ОДНАЖДЫ

В РОССИИ РОДИТЬСЯ

«Тихий вечер, медленный закат...»	220
«Спасибо, Родина, за эту...»	221
«С Отчизной, милою землёй...»	222
«Я опасался слов высоких...»	223
Гонка	224
Приезжие	225
Недоростки	226
Я домой погостить	227
Баллада о воробье	229
Начеку	231
«Музыка льется с небес...»	232

ВЕЧНЫЙ КОСТЕР

«По воде, по кочкам, по грязи...»	234
«День был красивый...»	235
Петух	237
«Представлю тихую деревню...»	238
«Ну вот она пришла, рябиновая осень»	239
«Костёр, в котором мы горим...»	240
«Опять подули северные ветры...»	241
«Я не заживусь на этом свете...»	242
«В дни покоя и годы труда...»	243
Памяти Николая Рубцова	244
«Время радости, лунности...»	246
«Не буди ты тоску...»	247
«Любуюсь твоей красотой...»	248
«Можно всё ещё вернуть...»	249
«В пронизанных влагой потёмках...»	250

КАРАУЛЬНАЯ СОПКА

«Какая-то прозрачная печаль...»	252
«Нет у меня иного счастья...»	253
«Привычны – подъём до рассвета...»	254
Философ	255
Строгость	256
«Со всех встречавшихся широт...»	257
«Не чья-то властная немилость...»	258
Солдаты действительной службы...»	259
Хлеб	260
«Все однажды миновало...»	261
«Спасибо, горная маслина...»	262
«Немного надо человеку...»	263
«Черёмуха, берёза и рябина...»	264

ТРЕТИЙ ГУДОК

«Думал, нет ни знакомых, ни близких...»	266
Памяти Сергея Чухина	267
«Учитель нас нацеливал не так...»	268

Облепиха.....	269	Самосожженец	284																																						
Ершовая уха (Басня).....	270	Плач по деревне	285																																						
«Ну что ж, Армения, прощай...».....	271	Малина	287																																						
«За чаем, горячим и вкусным...».....	272	Просьба	286																																						
СВЯТЫНИЯ																																									
Земля	274	НЕОТЛОЖНОСТЬ																																							
Кукушка	275	Одиночество	276	«Набродился по белому свету...»	292	«Тоска по любви...»	277	На родине Рубцова	293	«Ну что же ты молчишь...»	278	Вологодский марш	295	ЕДИНСТВО				Единство	280	«Кровь пролилась...»	296	Обращение на «Вы»	281	«Все говорят, что мы с тобою — пара...»	297	Отстояли	283	Дочка спит	298			«Пришла пора замаливать грехи...»	299			«Гудело и выло морское нутро...»	300			Песня о тебе	301
Одиночество	276	«Набродился по белому свету...»	292																																						
«Тоска по любви...»	277	На родине Рубцова	293																																						
«Ну что же ты молчишь...»	278	Вологодский марш	295																																						
ЕДИНСТВО																																									
Единство	280	«Кровь пролилась...»	296																																						
Обращение на «Вы»	281	«Все говорят, что мы с тобою — пара...»	297																																						
Отстояли	283	Дочка спит	298																																						
		«Пришла пора замаливать грехи...»	299																																						
		«Гудело и выло морское нутро...»	300																																						
		Песня о тебе	301																																						

Виктор Вениаминович Коротаев

Прекрасно однажды в России родиться

Литературно-художественное издание

При оформлении юбилейного издания стихотворений В.В.Коротаева использованы фотоматериалы и рукописи из личного архива автора, любезно предоставленные супругой поэта Верой Александровной Коротаевой.

Главный редактор Александр Коротаев

Оформление и верстка – С.А.Танькин

Фотографии – А.Бам, А Рачков, Н.Чесноков, А.Торопов, О.Кононенко, А.Кузнецов, С.Романов и другие

Сдано в набор 05.11.2008. Подписано 05.12.2008. Формат 70x100/16.

Бумага мелованная матовая. Гарнитура Meta. Печать офсетная .

Усл. печ. л.: 20+1 (вкл.). Тираж 300 экз.

НП «Русский культурный центр»

Вологда

2009

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ПФ «Полиграф-Книга». Зак. 3711.



Витя Коротаев. 2 года. 24.03.1941



Дом в деревне Липовица, где В.Коротаев ребёнком жил в войну с бабушкой Екатериной Вячеславовной Хромовой



1940-е годы



Начало 1950-х годов



На переднем плане: Мать Александра Александровна Хромова, брат Олег, отец Виктория Александрович Коротаев
На заднем плане: Виктор Коротаев с дядей Клеоником Александровичем Хромовым



Студенты Вологодского государственного педагогического института.
Слева: В. Коротаев, справа: Л. Беляев. Около 1959 г.



В Советской Армии. Около 1962 г.



Бабушка Е. В. Хромова, мать А. А. Хромова, сын Саша. 1970-е годы



В. Коротаев с бабушкой Екатериной Вячеславовной Хромовой. 1970-е годы



День бракосочетания Виктора Вениаминовича с Евой Александровной.
Слева - поэт Леонид Патрилов. Справа - свидетель поэт Леонид Беляев. 06.02.1971 г.



С сыном Сашей. 1970-е годы



С дочерью Олей. Дёревня Анисимово на р. Шексне. 1983 г.



Всей семьей в д.Анисимово на р. Шексне. 1983 г.



В.Муравьев, Виктор Коротаев, сын Саша,
Н.Кузнецова, супруга Вера Коротаева,
мать А.А.Хромова, поэт Вадим Кузнецов.
деревня Анисимово, 1970-е годы



С супругой Верой и сыном Сашей. Цыпина гора, Кирилловский район Вологодской области, 1972 г.



В. Коротаев и В. Оболупров на Соборной Горке в Вологде. 1960-е годы



Евгений Фатуценко в гостях у матери В. Коротаева
автор А. Хромов, 2006 год



С.Чухонин, В.Оболупров, А.Рыков, В.Коротаев, А.Романов. 1970-е годы





Стоят: П.Белов, Я.Белов, В.Коротаев, А.Романов, А.Яшин.
Сидят: Н.Рубцов, Б.Чурков. 1980-е годы.



На открытии памятника Сергею Орлову в Белогорске.



В.Коротаев с Б.Романовым на Днях славянской письменности. 1987г.



А.Рачков, В.Коротаев, М.Алексеев на 25 летия писательской организации.



В.Коротаев, А.Грязев, С.Никоненко. 1980-е годы



В купе поезда. Конец 1980-х годов.



Известный журналист Александр Рахов и Виктор Коротаев. 1970-е годы.



В гостях у художника Владимира Коробкова. 1970-е годы.



В.Коротаев, А.Гризев с актером А.Ваниным на съемках фильма «Калина красная» по повести В.М.Шукшина. 1970-е годы.



А.Ванин и В.М.Шукшин



ГАЗ-69 был любимым автомобилем В.В. Коротаева



У В.В. Коротаева были потрясающие способности к ловле змей. Он уверял: «Убей змею — сорок грехов долой!»



В.Коротаев с председателем колхоза «Пример» В.Ермичевым в гостях у прославленного жителя д. Анисимово дяди Кости Боголюбова. 1970-е годы



С.Сергеев, Н.Бурмагин, В.Коротаев. 1970-е годы.





Василий Белов и Виктор Коротаев.
Встреча писателей с деревенскими жителями.
1970-е годы.



А.Грзев, В.Коротаев, В.Шириков. 1980-е годы.



У поэта Александра Романова в рабочем кабинете. 1995 г.



О.Фокина, И.Полуянов, В.Астафьев, А.Романов, В.Коротаев, В.Обутуров.
Писательские встречи с читателями проходили довольно часто. 1970-е годы.



В.Коротаев, А.Бобров, В.Обутуров, В.Астафьев, В.Белов, А.Романов, О.Фокина, Ю.Леднёв на отчетно-выборном собрании Союза писателей. 1970-е годы.





В рабочем кабинете 1996 г.



ooo

Никто не знает, слава Богу,
Ни дома,
Ни на стороне,
Какую грозную
Дорогу
Судьбина
Выдумала мне.
Но никаких претензий
Нету.
Хватило разума
И сил.
Я никогда
По белу свету
В модельных туфлях
Не ходил.
Оно способнее,
Однако,
С кремневым
Посохом в руках
По хлябям,
Рвам
И буеракам
Брести
В болотных сапогах.
Тут нету места
Долгой грусти,
И не в ходу
Высокий слог.
Но каждый кустик
Спать запустит
И не откажет —
Каждый стог.
И в тишине
Последних комнат
Под заоконный
Шум авто,
Наверно, будет,
Что припомнить —
Ведь оглянуться
Есть на что...





В первом ряду - В. Белов, В. Коротаев, С. Кунин, А. Грязев, С. Викулов;
Во втором ряду - С. Ефимов, В. Белков, А. Романов. 1996 г.



Вологда. Русский Дом. Юбилейный вечер в честь 70-летия Николая Рубцова. 1996 г.

В. Коротаев в г. Гегарде с национальным поэтом Армении Размиком Давояном и его двоюродным братом. Надпись на обрате фотографии: «Моему Виктору, крещенное братство в Гегарде, Размик Д. 10.10.85».



Размику Давояну

Час зорье и тишина, и звезды
и дождь и солнце...
и время нашло приютъ,
Здесь зорье и се.
Себя прощанием
Со всеми членами сердечной,
Со любовью - материнской склоняй.
За гла не хватает как, Родимой,
Родившей ее нежную боя.
Их помощь, краси - и не гаси...
Так то же
Кто бы не
Родил?
Но то, за у нас -
У обояне
За Родиму
Сердце блестит. — — 22.8.1985.



Б. Чулков, В. Оботуров, В. Нудравцев, В. Коротаев, О. Крамаренко, А. Гачков, выше - Ю. Воронов, В. Шириков, А. Романов, выше - Р. Билукшин, В. Елесян, И. Волков, С. Багров. 1980-е годы.



«По Сухоне». Евгений Евтушенко с Виктором Коротеевским в каюте теплохода. 1970-е годы.



В. Коротаев и Л. Беляев в студенческие, 1960-е годы.



В. Коротаев и Л. Беляев в 1980-х годах.



В. Коротаев с В. Емельяновым. 1990-е годы.



В. Коротаев и А. Романов на выступлении. 1996 г.



На родине поэта Александра Александровича Романова и писателя Виктора Бениaminовича, деревне Петряеве. 1996 г.



Дорогой Виктор !
Мое сердце издастъ ворончее
и забытое учащеко от радости.
Ну и прелест земли космос
которое вспыхнет издастъ
коротаев из каюта издастъ !
Спасибо ему за Рубцова !
А автомойка вологодская ин-
ситали - это не своя блеска-
тельной пылайкой, храхийкой
также "вениковичка" стилизов.
Ну а инициативы даются ; над
оно сумми даются ; даются
(но даже редакторы даются)
тише : "З буду письмоводом"
Не спирей призыв Сосова посыпки
в скозя : "даешь Россия стара-
ютесь, коль есть такая подвиж-
ная и изумительная, как коротаев."
Причины имеют и сочно тебе
Дорогущий в зале спасибо !



Личное письмо Виктору Коротаеву от
Валерия Николаевича Ганичева, Председателя Союза писателей
России, лауреата премии Фонда культуры Феликса Форса, лауреата премии
Литературного журнала



Виктор Коротеев с女 Берой Александровной.
Санаторий «Новый источник». 1997г.





*Мемориальный камень, установленный учениками
Огаревской школы в честь памяти В. Коротаева и И. Липовице*



*В.Шилов исполняет песню на стихи В.Коротаева
на могиле поэта. 2000 г.*



*Чествование памяти поэта и погребение буксира в день
празднования ему позвания «бактор Коротаев». 2000 г.*





Человек в д. Липовице, самостоятельно возведя церковь в честь святого апостола Петра и Павла, прибегавшим к помощи В. Коротаева при её строительстве.



Супруга Бориса Коротаева и друг сына Александра Несмеяновы выступают перед собравшимися в день памяти Виктора Коротаева в д. Липовице 18 мая 2001 г.



28.3.93.
Дорогие, Виктор!
Спасибо! За новые чуда
и не сомневаюсь, что и его
всё на келье с большими вол-
нистыми изгибами. Для этого дол-
жен иметь какую-то землю,
каковой русская сельхоз. Она
должна быть наследственной
ибо до краеведческих
границ, проинвестирована и
изделя, тогда живущие сердца
твои спасут. Помимо этого, когда
у тебя первая раз в жизни
будет забастовка.
Понадобится книга под
заголовком разрывистой
莫斯科. И уже среди рукописей

бывшими с решением не
Григорий. Знам о тебе отдавал
радость, память, одна обняла
тебя, когда очень устал
ты пренебрежение о себе!
Так же, если найду способ
Сердца за восторгом сию
то начну жить, а meantime
"принцесса русской"
Она же более 300 избрала
и поглощавшие душу
из-за них ходом избранной
Бориса. Судя из
правдой? Тогда Ростов
Варя и она? Но неза-
чесаных ноги? А, Романова
Ревалюшь? Многие это говорят
и чистые супружеские
подарки? Твой Романовы?

Личное письмо поэта Виктора Бокова писателю Виктору Королеву.



В Спасо-Прялуцком монастыре в Вологде, 1997 г., мас.

+ + +

Средина пустыни. Средина дни.
Средина между счастьем и безнадежей.
И море, укрепившее меня
Надвиги преданы мне - предчувствиями.
Все настает mein сегодня и вчера
И вчера друг лавина на холму...
Но я не могу никогда не вспоминать
Твои пустые засыпанные орбиты.
Не боясь и помня не чистоту,
Хочу проходить free и спокойно непре.
Чтобы чисто - таким образом.
Чтобы чисто - чистое чисто-чисто.
Когда чисто становится наставник
Однажды быть - это будет огнем! Дерево!
Когда чисто смотрят в зеркало чисто мир
Без родства, очищают все ностри.

Хочу бы быть чисто, чисто в зеркало чисто
Знаю как можно, удачливым образом,
Что на это наставляют наставники
Не бояться и быть непреклонными...

27.3.80
Средиземное море